

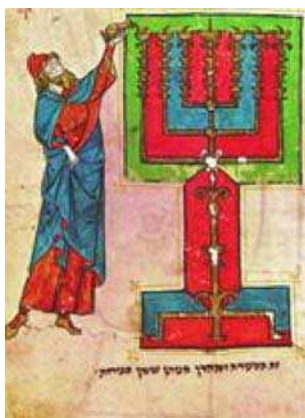
ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

ИЮНЬ 1999

ТАМУЗ 5759

N 6 (86)

Беседы о Книге

Беаалотха: кто может осветить души

Глава начинается с указания Всевышнего первосвященнику Аарону зажечь храмовую менору. Афтора, отрывок из "Зхарьи", который читают после этой главы, содержит видение пророка, где менора представлена как символ еврейского народа. Чаши-светильники меноры символизируют душу — "Свеча Б-га — душа человека". И эти свечи следуют зажечь, — "будешь зажигать светильники", — пробудить душу и приблизить ее обладателя к свету Торы.

Исходя из этого духовного символического понимания, можно объяснить все законы, связанные с возжиганием меноры. Например, "зажигание возможно и чужим", т.е. и не священник-коэн может зажигать храмовую менору. Согласно другому закону подготовку масла и светильников должен осуществлять только коэн. Первый закон символизирует то, что душевный огонь в любом человеке может "возжигать" его ближний, кто бы он ни был. На каждом из нас лежит обязанность приблизить другого человека к Небесному Отцу. Мишна учит нас: "Будь учеником Аарона,.. люби создания и приближай их к Торе".

Но, с другой стороны, Тора учит, что подготовительные работы перед зажиганием должен выполнять именно коэн. На духовном уровне это означает, что каждый может оказывать влияние на свое окружение, но выбор средств в этом благородном деле дан не каждому.

Возможна ситуация, когда человек решает, что с целью помочь ближнему приблизиться к Б-гу ему не следует открывать необходимость исполнять все заповеди, необходим индивидуальный подход и на первом этапе некоторое облегчение Торы.

Именно в связи с этим Тора и предупреждает: не разрешено вести "подготовительную работу по зажиганию каждому".

Коаним, которым разрешена такого рода работа, получили это отличие прежде всего потому, что у них не было удела в стране Израиль, —

"Г-сподь его удел". Иначе говоря, они были полностью отделены от материализма, всей их сущностью была служба Всевышнему. Такие люди, "люди Б-га", могут подготовить свечу души.

Шлах: следует идти по путям правды потому, что это правда

В еврейской традиции присутствует понятие "Миньян" — кворум из десяти взрослых мужчин, необходимый для свершения общественных молитв и некоторых ритуалов. Это понятие впервые вводится именно в главе "Шлах". Моше послал двенадцать разведчиков изучить страну Израиля. Десять из них описали ее так: "...Пришли мы в страну, куда ты послал нас, и вот — течет она молоком и медом, и вот плоды ее! Но силен народ, живущий в этой стране, и города укрепленные, очень большие; также детей Анака видели мы там. Амолек живет на юге страны, а хетты и йевусеи, и эморей живут в горах, а кнаанеи живут у моря и у Иордана... Не можем мы идти на народ тот, ибо он сильнее нас" (Бемидбар, 13:27-29, 31). И только Калев и Иеошуа высказали другое мнение. «Но успокоил Калев народ перед Моше и сказал: "Неприменно взойдем и овладеем ею, ибо в наших силах это!"» (Бемидбар, 13:30). «А Иеошуа, сын Нуна, и Калев, сын Йефунэ, из тех, кто высматривал страну, разорвали одежды свои. И сказали они всему обществу сынов Израиля так: "Страна, которую прошли мы, чтобы высмотреть ее, страна эта очень и очень хороша! Если благоволит к нам Б-г, то приведет он нас в эту страну и даст ее нам, страну, которая течет молоком и медом. Не восставайте же против Б-га и не бойтесь народа той страны, ведь они — пища для нас, ушло благословение их, и с нами Б-г! Не бойтесь их!"» (Бемидбар 14: 6-9).

Тора называет десятерых разведчиков, посланных в землю Кнаанскую и оклеветавших ее, — "община". Отсюда мы делаем вывод, что когда речь идет об общине, имеются в виду по крайней мере десять человек. Представляется справедливым вопрос, почему столь важное понятие приходится выяснять именно из рассказа о разведчиках?

Известно, что разведчики были лучшими в своих коленах, а следовательно, во всем народе людьми, поэтому их и послали "высмотреть" землю Израиля. В чем же состоял их грех? Как объясняют наши комментаторы, они не хотели, чтобы еврейский народ входил в эту страну, они предпочитали остаться в пустыне. Но ведь так и произошло. Всевышний выполнил их пожелание, еврейскому народу суждено было странствовать по пустыне еще сорок лет.

Почему же разведчики хотели предотвратить вступление евреев в страну Израиля? Читая Тору, мы часто приходим к неверному суждению, будто странствие по пустыне было одним из самых тяжелых моментов в истории еврейского народа. Внимательно изучив предмет, мы непременно придем к выводу, что в пустыне было не так уж плохо. Сыны Израиля нуждались в пище, и Всевышний посылал им мясо перепелов, в воде — с ними постоянно передвигался колодезь Мирьям, они не страдали ни от жаркого солнца, ни от дождей — облако Всевышнего защищало их лагерь. С другой стороны, не составляло большого труда представить себе, что ждало евреев в новой стране: войны, тяжелый труд...

Совсем недавно евреи получили Тору, и разведчики прекрасно понимали, что ее изучение, исполнение заповедей будет гораздо легче обеспечить в условиях, когда у народа не будет никаких забот.

Следовательно, ничего удивительного в том, что понятие "община" связано с историей о разведчиках, нет. Единственным желанием этих святых людей было находиться как можно ближе к Б-гу, и "грех" их был на очень высокой ступени — они не понимали, что вхождение в страну Израиля являет собой ступень более высокую, чем даже полное объединение с Б-жественностью.

Рамбам говорит о том, что служба Всевышнему состоит из трех уровней. Первый, самый низкий, на котором находятся невежды и маленькие дети, только начинающие служить Всевышнему, — "служение из страха", когда человек исполняет волю Б-га, боясь Его кары; второй уровень — "служба из любви", когда человек служит Всевышнему, испытывая к Нему искреннюю любовь, желает исполнить Его волю, с помощью чего он может приблизиться, "прилепиться" к Нему, на этом уровне находились разведчики, они любят Всевышнего и руководствуются единственным желанием быть к Нему как можно ближе, чтобы никакие материальные заботы не стали помехой для этой цели. Этот уровень очень высокий, но он не максимально цельный, и Всевышний оставляет евреев еще на сорок лет в пустыне. Им предстоит еще сорок лет странствовать по ней, чтобы подняться на более высокий уровень, знаком которого должно стать вхождение в страну Израиля. Этот уровень — "идуший по путям правды, поскольку это правда". Находящийся на нем вовсе не думает о своих ощущениях, о плодах своей службы Всевышнему. Все, что ему надо — это исполнить Его волю, потому что это Его воля и это правда. На этом уровне стояли разведчики, не вошедшие в "общину", Калев и Иеошуа, не испугавшиеся трудностей, которые ждали еврейский народ в Израиле. Они точно так же, как и их "коллеги", понимали, что трудности будут, но для них было важнее исполнить желание Всевышнего ввести евреев в Израиль. А то, что Он хочет, это правда, и любые раздумья по этому поводу излишни.

Корах: положительное желание

Недовольство народа, вынужденного странствовать по пустыне, было весьма значительным. В главе "Корах" рассказывается о бунте, вернее, восстании, поднятом Корахом. Это не было восстанием голодьбы. Требования касались того, из-за чего впоследствии начиналось большинство революций. Восставшие требовали справедливости и равенства. Корах, потомок второго сына Леви, Кегата, был недоволен назначением Элазара, сына Аарона, главой колена. По его мнению, коль скоро Моше и Аарон, потомки первенца Леви, Амрама, заняли самые почетные должности, ему следовало бы отдать хотя бы второстепенную должность главы колена Леви. Он утверждал, что Моше устанавливает правила произвольно, как ему заблагорассудится. Очевидно, что недоверие Кораха к Моше было вызвано личной обидой и завистью.

Возникает простой вопрос. Ведь Г-сподь обещал Моше: "И тебе будут верить вечно". Как же могло произойти, что один из того самого поколения, которое видело Б-жественное откровение, стал оспаривать права пророка Б-жьего? Более того, к нему присоединилась целая община, включавшая и праведников. Конечно, надо понимать, что восстание Кораха не было таким простым, как может показаться. Двести пятьдесят человек, праведники, уважаемые в своем народе люди, не верили, что Моше послан Б-гом?!

Что же отвечает на эти претензии Моше? У нас есть только один Б-г и один первосвященник, а вы, 250 человек, жаждете священничества? Но ведь и я хочу его.

Тем самым Моше говорит, что Всевышний избрал Аарона первосвященником. Такова воля Б-га, и с этим ничего не поделать. Вот ведь и он, Моше, хотел бы быть первосвященником, но Б-г решил иначе. И ему, Моше, говорит он, не чуждо это желание, из чего следует, что в претензиях Кораха и его общины есть здоровое зерно. Евреи знали, что Моше пророк Всевышнего, и у них не вызывало сомнений, что его слова -- слова Б-га. Но они полагали, что такую Б-жью волю можно изменить. Им уже не раз приходилось видеть, что Моше удается изменить решения Всевышнего. Они были также свидетелями того, что священничество, в прошлом принадлежавшее всем первенцам, передано кознам, и посчитали, что положение можно изменить и сейчас, они смогут стать священниками.

В самом этом желании, быть священником, козном, нет ничего предосудительного. Более того, это положительное желание, ведь Моше сказал: "И я бы хотел..." Ошибка заключалась в том, что они думали, будто этого достаточно, чтобы изменить положение. Когда Моше предложил им совершить службу кознов, они, зная, что это таит в себе смертельную опасность, были готовы пойти на это. Только бы хоть недолго побыть священниками.

Чем объяснить такое желание? Ведь служба кознов не так привлекательна, как кажется. Они не могли заниматься предпринимательством, войдя в страну Израиля, не получили удела, и только духовная привилегия "воскурять воскурения" перед Всевышним выделяла их из всего народа. Корень этого следует искать в Б-жественном откровении на горе Синай, когда все евреи находились на уровне первосвященников. Вкусив это однажды, община Кораха была готова пойти на восстание, чтобы вернуть себе это положение.

Из этой истории каждый из нас может извлечь двойной урок. С одной стороны, надо стремиться стать "священником", быть ближе к Всевышнему, но с другой — не следует восставать против порядка, установленного Всевышним.

Хукат: отличительная черта главы поколения

В еврейской традиции Моше, Аарон и Мирьям названы "парнасим товим" — хорошими руководителями. Благодаря Моше народ в пустыне получал ман, Аарону евреи обязаны защитой "облаков славы", а Мирьям — водой из каменной глыбы, сопровождавшей странников в пустыне. В главе "Хукат" рассказывается о смерти Мирьям и о том, как этот "колодец" перестал давать воду. В очередной раз вспыхивает недовольство народа и перед Моше стоит задача противостоять толпе, утратившей веру во всемогущество Б-га. И на этот раз Моше добивается того, что колодец возвращается к его народу.

Когда умер Аарон и евреев перестали защищать "облака славы", народ недовольства не выразил. На первый взгляд, это кажется непонятным. Ведь облака были не менее жизненно важными в пустыне, чем колодец: они охраняли евреев от палящего солнца и проливных дождей, от пустынных хищников, они указывали дорогу. Почему же их исчезновение не стало причиной беспорядков?

Наши мудрецы говорят, что на самом деле евреев сопровождали облака двух типов. Одни охраняли людей и указывали им путь, у других было исключительно "представительское" назначение — указывать на то, что идет народ, получивший Тору на горе Синай, заключивший союз с Б-гом. После смерти Аарона исчезли облака только второго типа. И евреи не высказывали по этому поводу никакого недовольства, поскольку жизненно важные для них облака остались.

Мы знаем, что Моше добился возвращения колодца. Почему исчезли и не вернулись "облака славы"? Разве их возвращение не было в силах Моше? Занимаясь решением этого вопроса, мы обнаружим существенную разницу между Моше, с одной стороны, и Аароном с Мирьям — с другой. То, что стало достоянием еврейского народа благодаря Аарону и Мирьям, было наградой за их добрые дела, и после их ухода из жизни эта награда была устранена. А Моше заботился о своем народе как "преданный пастырь", и то, что он дал своему народу, было не наградой, а необходимостью. Все, что народу требовалось, Моше ему давал.

В этом и причина того, что Моше добился возвращения колодца, а не облаков. Вода была необходима евреям в пустыне, без нее они не могли бы существовать. В "облаках славы" такой нужды не было, они являлись лишь следствием заслуг Аарона, и после его смерти уже не оставалось оснований для того, чтобы облака сопровождали народ.

В этом заключается необыкновенная высота Моше как руководителя народа. Главным для него было благополучие людей. Рассказывается, что и после смерти Моше еще 14 лет народ питался маном, оставленным этим великим вождем. В этом и состоит особенность главы поколения, — он заботится о материальном и духовном благополучии своего народа настолько, что и после его смерти это влияние продолжает распространяться.

Балак: И лежащий лев остается львом

Период изгнания еврейского народа начинается с разрушением первого Храма и закончится с приходом Мошиаха. Уже времена второго Храма, когда "пять вещей отсутствовали", называются голусом — изгнанием. Основным отличием этого периода, периода изгнания, является неприязнь, даже ненависть, с которой окружающие народы относятся к евреям.

В главе "Балак" мы находим пророчество об этом времени: "Опустился он на колени, прилег как лев — кто поднимет его?" (Бемидбар, 24:9). В этих словах сущность изгнания. Народ Израиля "прилег", "опустился на колени".

Но и опустившийся на колени народ называется здесь "львом". Как гласит еврейский закон, нельзя быть хозяином льва. Он может прилечь, опуститься на колени, власти же над ним до конца не будет иметь никто, его сила и мощь остаются.

Так и еврейский народ: по воле Всевышнего он оказался на коленях, но в чем это проявляется? Только в материальной сфере. Что касается Торы и исполнения заповедей, то никакое изгнание не может оказать на это влияния, ничто не может заставить еврейский народ отказаться от Торы, дарованной ему Б-гом.

Ребе Рашаб, пятый Любавичский Ребе, после прихода большевиков к власти заявил: "Лишь тело еврея предано изгнанию и преследованию властей, душа еврея не изгнана. Мы должны провозгласить открыто, что во всем, касающемся веры, Торы, заповедей и еврейских обычаев, ни у каких внешних сил нет никакого влияния. И нет в мире ничего, что сможет это как-то изменить".

Иногда нам кажется, что можно "подчинить льва", но это ошибка. И лежащий лев остается львом.

ПЯТЬ ЛЕТ ВОПРОСОВ

3 Тамуза 5754 года (12 июня 1994) евреи всего мира получили печальное известие: в Нью-Йорке скончался Любавичский Ребе рабби Менахем-Мендл Шнеерсон.

Это случилось после тяжелой болезни, продолжавшейся два года. Несмотря на то, что похороны состоялись через несколько часов после кончины Ребе, они собрали десятки тысяч людей со всех концов земли. Все они считали, что должны быть рядом с Ребе.

Что будет дальше? Что станет с Любавичским Движением и с еврейством вообще? Такого рода вопросами задавались газеты, вышедшие на следующее утро. Тайно или явно такие же вопросы возникали и в среде хасидов. Картины будущего были различными у разных аналитиков. Многие полагали, что самое деятельное и динамичное движение в еврейском мире, Хабад, сойдет на нет. Другие были уверены, что оно расколется. Обязательно появится новый Ребе, кто-то пойдет за ним, а кто-то не пойдет. Конечно, это будет не эквивалентная замена — уж очень мощной была и остается фигура Ребе в еврейской и не только еврейской истории... Были и такие, кто обращал внимание на идеологические противоречия среди идеологов Любавичского Движения. Кто-то отказывался верить в сам факт происшедшего, кто-то говорил, что Ребе ушел, но обязательно вернется, кто-то утверждал, что Ребе — это Мошиах, Мессия, который не сегодня завтра освободит еврейский народ.

Однако большинство прогнозов не оправдалось. Хабад не только не сошел на нет, но и за последние пять лет значительно увеличил масштабы своей деятельности. Движение не раскололось, хотя идеологические разногласия в нем действительно существуют, и это не должно вызывать ни удивления, ни особой тревоги. Но без них и не могло быть. За всю историю хасидской школы ее “ученики” впервые остались без наставника, без Ребе. Разумеется, учение Ребе, его мысли и взгляды остались с хасидами в сотнях томов его сочинений, но разве это может заменить непосредственное общение, отеческий совет, судейское решение? Увы, Мошиах все еще не пришел. Хасиды, в большинстве своем уверенные, что Мошиах и есть Ребе, не видят ничего противоречащего этому факту в случившемся пять лет назад. Но одной веры, конечно, недостаточно — дети хотят видеть своего отца, им недостаточно его незримого присутствия.

Журнал “Лехаим” много писал об этом воистину великом человеке. Сегодня, в пятую годовщину его ухода из этого мира, посмотрим еще раз, кто же он такой, человек, родившийся в Николаеве, которому суждено было перевернуть еврейский мир.

Будущий Ребе родился 11 Нисана 5662 года (18 апреля 1902) в городе Николаеве. Его отец рабби Леви-Ицхок Шнеерсон был одним из известнейших раввинов России того времени. Ученый, обладающий глубокими знаниями в Талмуде, еврейском законе, хасидской мысли, стал непримиримым противником новых ветров, принесенных большевиками. Его жена Хана, дочь николаевского раввина Меера-Шлоймо Яновского, была единомышленницей и верным другом своего мужа.

Мальчика, первого ребенка в семье, назвали в честь прадедушки, рабби Менахема-Мендла, третьего Любавичского Ребе, широко известного в еврейских кругах своим галахическим трудом "Цемах цедек". Знаменитый родственник отца Любавичский Ребе рабби Рашаб снабдил родителей ребенка серией указаний. Например, мать совершала ритуальные омовения рук "нетилас ядоим" перед каждым кормлением младенца.

Когда Менахему-Мендлу было пять лет, родители вынуждены были забрать его из хедера в связи с его необычайными успехами в учебе и нанять ему учителей для индивидуальных занятий. Учитель из хедера был уверен, что "этот ребенок родился быть великим".

У Менахема-Мендла было два брата — Довбер и Исроэл-Арье-Лейб. Судьба Довбера оказалась трагичной. С детства у него были серьезные проблемы со здоровьем, и большую часть времени юноша проводил в больницах. Это скорее всего явилось причиной того, что семья не смогла уехать за границу, когда представилась такая возможность. Когда же рабби Леви-Ицхок был арестован и сослан в Казахстан, где Довбер не мог получать необходимую медицинскую помощь, да и дорога для него представлялась слишком трудной, было решено, что он останется в Днепропетровске. Во время войны он разделил судьбу миллионов евреев — был расстрелян фашистами. Что касается Исроэла-Арье-Лейба, то ему суждено было стать ученым, математиком. Вскоре после революции он уехал в Англию и прожил там всю жизнь.

В многочисленных воспоминаниях о детстве Ребе обращает на себя внимание одна деталь — отсутствие сведений о детских играх. Мальчик не игрался, он учился. Многие гордятся тем, что были с ним знакомы, но никто не решится назвать себя его другом. По-видимому, у него не было друзей: для детей он был слишком умен, для взрослых — мал. Отец рано понял, что его сын не сможет быть простым "ешива-бохер", студентом ешивы. Мальчику было девять лет, когда он послал свои изыскания в еврейской юрисдикции в детскую газету "Ах", которая выходила тогда в Любавичах. Сочинение вундеркинда опубликовали.

Его интересовала не только Тора, но и светские науки. Отец разрешил ему изучать науки в свободное от изучения Торы время, которое занимало у него 18 часов в день. Тем не менее маленький Менахем-Мендл в течение шести месяцев экстерном закончил местную гимназию, получив золотую медаль и государственный аттестат.

В 1923 году молодой человек отправился в Ростов на, вероятно, самую важную встречу в своей жизни. Он поехал познакомиться с рабби Иосефом-Ицхоком Шнеерсоном, Любавичским Ребе. В 1927 году вместе с семьей Ребе он покинул Россию, а

в 1929-м в Варшаве женился на дочери Ребе Хае-Мусе. Из Варшавы молодожены переехали в Берлин.

Следующий период жизни Ребе представляется наименее освещенным биографами. Сначала это учеба в берлинском университете — до 1933 года. С приходом в Германии к власти нацистов студент Шнеерсон вынужден покинуть Гейдельбергский университет, где он изучал математику и одновременно философию. Его бывший тогда соученик, впоследствии знаменитый раввин Иосеф-Дов Соловейчик вспоминает: "Это был не обычный студент. Я сразу обратил на него внимание. Молодой человек с бородой все время на лекциях читал какую-то маленькую книгу на иврите. Вскоре я узнал, что этот студент — зять Любавичского Ребе".

В 1933 году супруги переехали из Германии во Францию, в Париж. Учеба продолжалась в Сорбонне, на факультете судостроения, здесь он и получил диплом.

В 1941 году после серии приключений и поистине детективных обстоятельств чете Шнеерсонов удалось бежать из оккупированной Франции в США, к тому времени там уже обосновался Ребе рабби Иосеф-Ицхок.

В Америке рабби Менахем-Мендл рассчитывал заниматься своей профессиональной деятельностью, судостроением. Некоторое время он действительно работал на военной базе, принимал участие в конструировании подводных лодок. Секретарь Ребе рассказывает, что до конца жизни Ребе получал причитающиеся ему выплаты за нововведения в области судостроения. Но знаменитый тесть настоял на том, чтобы его зять возглавил две крупнейшие любавичские организации — Малах, штаб образовательных учреждений Хабада, и Кегот, самое большое в мире еврейское издательство.

После смерти в 1950 году шестого Любавичского Ребе рабби Иосефа-Ицхока Шнеерсона, естественно, встал вопрос о его преемнике. Перед хасидами стоял выбор между двумя зятьями Ребе. Рабби Шмарья Гурарий, муж старшей дочери, возглавлял любавичскую ешиву. Он провел все годы рядом с тестем и готов был стать его продолжателем. Рабби Менахем-Мендл, напротив, не стремился возложить на себя столь большую ответственность. Кроме того, он представлял новое поколение: выпускник Сорбонны, ученый, владеющий несколькими европейскими языками. Ребе Иосеф-Ицхок не оставил по этому поводу четких указаний. Правда, несколько раз он намекал, что в качестве своего преемника предпочел бы младшего зятя.

Будущий Ребе был категорически против предложения занять место тестя. Он даже как-то в сердцах сказал досаждающим ему хасидам, что вынужден будет уехать в неизвестном направлении, чтобы избавиться от "абсурдных предложений". Но в одном он не мог отказать евреям — в совете и поддержке. И к нему, и к старшему зятю стекались хасиды с вопросами и просьбами. Это стало хорошим экзаменом для претендентов, хотя, как уже отмечалось, один из них им не был. После очередного совета Ребе рабби Шмарья заявил, что сам хочет стать хасидом шурина и просит его принять на себя обязанности Ребе. Но и этого Ребе было недостаточно. Так или иначе, в первую годовщину со дня ухода Ребе рабби Иосефа-Ицхока из этого мира его младший зять фактически стал новым Ребе.

За 43 года своего руководства рабби Менахему-Мендлу Шнеерсону удалось приблизить к еврейству больше людей, чем всем религиозным руководителям нынешнего поколения вместе взятым. Его методы были совершенно новаторскими, ранее

невиданными в еврейских организациях. Ребе использовал, кажется, все возможности, технологии, прессу, общественное влияние, чтобы добиться того, чего он добился. Обескровленное, казалось, умирающее хасидское движение превратилось в мощную силу, влияние которой ощущают миллионы людей. Ребе построил невиданную сеть филиалов Хабада во всем мире. Тысячи его последователей разъехались во все уголки земли, и, как выразился один из крупнейших израильских раввинов: "Куда бы вы ни приехали, вы встретите две вещи — кока-колу и Хабад. И даже там, где нет кока-колы, есть Хабад".

В книге "Эйхо" сказано: "Ибо далек от меня Менахем (утешитель)". Произошедшее пять лет назад вполне естественно, но мы, как дети не хотят смерти отца, верили и надеялись, что Всевышний избавит нас от этого. Есть ли у того, что произошло, аналогии? В первую очередь вспоминается уход из этого мира Иегуды а-Носи, которого, кстати, тоже еврейская традиция именуется просто "Рабби". Рассказывают, что во время его похорон раздался голос с Небес: "Те, кто оплакивает Рабби, удостоятся удела в будущем мире". Что это означает? Наверное, в первую очередь то, что оставшиеся равнодушными к уходу из мира человека, сыгравшего судьбоносную роль в истории еврейского народа, даже не достойны удела в будущем мире. И еще о рабби Иегуде а-Носи: "Если бы в его поколении пришел Мошиах, это был бы он".

**Рабби Леви-Ицхок Шнеерсон / Ребецн Хана Шнеерсон / Ребецн Хая-Муся Шнеерсон / Этот ребенок
родился быть великим**

Капитан уходит последним

Многих всегда интересовало, почему Ребе не переезжает жить в Израиль. Этот вопрос был очевиден в связи с тем, что любовь Ребе к стране Израиля, его постоянный интерес к происходящим там событиям были общеизвестны.

Этот вопрос задавали не раз и самому Ребе. Однажды он ответил так: «Я знаю, некоторые говорят, что нетрудно, сидя на Истерн-парквей, рассуждать о единстве Иерусалима. Но у каждого еврея есть удел на земле Израиля. Как говорил рабби Иегуда А-леви: "Я на западе, а сердце мое на востоке". Вся наша вера связана со страной Израиля. Другой вопрос, почему не все отправляются туда жить. Но этот вопрос не имеет никакого отношения к первому, ведь не раз и не два израильтяне приходят к нам, евреям диаспоры, и просят помочь решить какие-то вопросы с таким-то сенатором или повлиять на такого-то правительственного чиновника, чтобы он стал лучше относиться к Государству Израиль». «Если к нам приходит тот или иной хасид и просит разрешения уехать в Израиль и при этом он не занимает никакой должности ни в сфере образования, ни в раввинстве, мы говорим ему: "Езжай" и благословляем его пожеланием хорошего устройства. Но проблема начинается тогда, когда ехать хотят люди, на плечах которых существуют еврейские общины диаспоры, и очевидно, что с их отъездом все развалится.

Тогда мы ему говорим: "Бери пример с капитана корабля в штормящем море. Он не может, не имеет права покинуть корабль, пока его не покинут все пассажиры»...

Ребе был последовательным противником передачи территорий "в обмен на мир". Во время переговоров накануне подписания мирного соглашения между Израилем и Египтом Менахем Бегин, тогда премьер-министр еврейского государства, получил аудиенцию у Ребе. Ребе ему сказал: "Еврей должен однозначно и четко заявлять о правах еврейского народа на святую землю, что это право основано на Б-жественной Торе, в которую верят и народы мира".

После подписания договора Ребе не скрывал своего разочарования: "Сколько можно повторять одни и те же ошибки? У меня не возникает никаких сомнений в необходимости поиска мирного решения, однако я уверен и в том, что путь уступок не есть путь мира".

Ребе добивался того, чтобы в Израиле существовали максимальные льготы для многодетных семей. Он предупреждал, что в этом, как и в других социальных вопросах, ни в коем случае нельзя делать различия между еврейскими и арабскими семьями. "Страна, которая выкладывает десятки тысяч долларов на каждого репатрианта, не может не поддерживать программы увеличения рождаемости у жителей Израиля".

"Тора правды была в его речи, и слова несправедливости не было на устах его. С миром и прямоотой шел он со Мною и многих отвратил от греха. Ибо речь священника сохранится, знания и Тору будут изрекать его уста, ведь ангел Г-спода воинств он".

Малахи, 2:6-8

Если попытаться в нескольких словах описать главное послание, которое оставил Ребе миру, наверное это будет ответственность еврейского народа за каждого еврея. Кем бы он ни был и в каком бы духовном состоянии ни находился. Нет такого, о ком можно было бы сказать, что он "ноль", "фарфален", "пропащий".

Мы не имеем права оставить без внимания ни одного человека .Именно для этого Ребе построил империю Хабада, посылал своих эмиссаров даже в такие места, где было всего несколько евреев.

ЗАПИСКИ ОБ АРЕСТЕ

ПРАЗДНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ

12-13 Тамуза (в этом году 26-27 июня) еврейский мир отмечает годовщину освобождения шестого Любавичского Ребе рабби Иосефа-Ицхака Шнеерсона. Ребе был арестован в ночь на 15 Сивана 5687 года (14 июня 1927) и брошен в ленинградскую Шпалерную тюрьму за религиозную деятельность. Приговор к смертной казни ему заменяют десятилетней ссылкой в Соловки, в свою очередь замененной трехлетней в Кострому. Благодаря вмешательству мировой общественности и, без сомнения -- Всевышнего, 12 Тамуза Ребе был извещен о полном освобождении.

События лета 1927 года описаны Ребе в его книге "Записки об аресте, отрывки из которой журнал "Лехаим" публиковал в №39,50,61 и 74. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей приложение к этой книге -- "Послесловие", составленное ответственным редактором русского перевода книги М. Левиным, и фрагмент из беседы Любавичского Ребе рабби Менахема-Мендла Шнеерсона, посвященной его Великому предшественнику, "Он не щадил себя...".

Арест 5687 года, — пишет Ребе, — седьмой по счету, ибо меня пять раз арестовывали при старом режиме и дважды — при новой власти.

Впервые я был арестован в Любавиче, в детстве, когда мне было всего одиннадцать лет^[1]. Год спустя по совету и указанию моего учителя я начал записывать свои воспоминания и отметил это происшествие.

Второй арест в Любавиче, в Ияре 5662 года (май 1902), был результатом доноса учителей местной просветительской школы.

Третий — тоже в Любавиче, в месяце Тевес 5666 года (январь 1906), явился следствием участия местных сионистов в стычке с полицией.

Следующий произошел в Петербурге, в том же месяце Тевес 5679 года (декабрь 1909 или январь 1910) по доносу еврея-просвещенца.

Пятый арест, в Петрограде, в месяце Шват 5676 года (январь или февраль 1916), был результатом моих попыток законно обосновать освобождение раввинов, меламедов и шойхетов от службы в царской армии.

Шестой арест, в Ростове-на-Дону, в месяце Тамуз 5680 года (лето 1920), последовал за доносом главы евсекции города.

Однако все эти аресты были кратковременными, всего на несколько часов. И только седьмой оказался продолжительным.

...Не погрешу против истины, если скажу, что воспоминания о последнем аресте иногда доставляют мне удовольствие. С тех пор минуло семь лет, но временами я уединяюсь, чтобы возродить в памяти слова и видения, которые слышал либо видел наяву и во сне в те дни.

Жизнь человека - это последовательность определенных вех: детство, отрочество, юность, молодость, пожилой и старческий возраст. Человек наделен способностями, порой средними, порой незаурядными и яркими; люди отличаются характерами: у одних — застенчивый и меланхоличный, у других, наоборот, общительный и жизнерадостный. Кроме всего этого, по воле Провидения есть периоды в жизни человека, зачастую изменяющие его характер и поразительно развивающие его способности, что ставит личность на более высокую ступень, помогает глубже всматриваться в смысл и цель своей жизни. Наиболее плодотворный период в процессе формирования характера человека и развития его способностей — это время, наполненное страданиями, которые приходится испытывать во имя беззаветного отстаивания своих идеалов, особенно, если речь идет о борьбе с преследователями во имя утверждения Веры.

Период, полный телесных и душевных мук, бывает вместе с тем насыщен сильными впечатлениями и в конечном счете становится светлым воспоминанием.

Все, что произошло со мной в тот период, не менее важно и почетно, чем все последующее. Даже арест и пребывание в тюрьме послужили для меня источником большого духовного подъема, и поэтому на шкале времени стоит особо отметить не только дни и ночи, но даже часы и минуты. Ибо каждый час и каждое мгновение страданий от истязаний и причиненных мук приносят такую необычайную пользу и порождают такую безграничную стойкость, что даже слабый становится героем..."

Даже слабый становится героем — эти слова не относятся к Ребе. Ибо вся его жизнь, начиная с юношеских лет, была поистине героической, о чем свидетельствует и приведенный список арестов.

С ранних лет он в центре Любавичского Движения. Сын пятого Любавичского Ребе, рабби Шолом-Довбера, рабби Иосеф-Ицхок в пятнадцатилетнем возрасте становится личным секретарем своего отца, а в восемнадцать возглавляет только что основанную большую ешиву "Томхей Тмимим". Со временем "Томхей Тмимим" открывает филиалы в других странах, приобретает мировую известность, и тысячи ее выпускников пожизненно гордятся высоким званием томим.

В неполные двадцать лет Иосеф-Ицхок — делегат съездов еврейских общественных деятелей. В 1901 году он выезжает в Польшу и Германию, где собирает деньги на строительство фабрик в маленьких городах нынешней Белоруссии. Проект успешно реализуется, и тысячи бедных, практически нищих еврейских семейств получают постоянную работу.

В 1906 году, когда по России прокатилась волна кровавых еврейских погромов, рабби Иосеф-Ицхок призывает весь мир поднять голос против антисемитской политики царского правительства. Как известно, погромы прекратились.

Вся жизнь Ребе была посвящена защите евреев и помощи им, в связи с чем его и арестовывали многократно. Так было до первой мировой войны, во время войны и особенно после революции, когда гонения на идишкэйт приобрели неслыханный в еврейской истории характер и советская власть принялась истреблять самую суть нашего народа - его религию.

2 Нисана 5680 года (21 марта 1920) в Ростове-на-Дону скончался Ребе Шолом-Довбер. Своим духовным лидером, шестым Любавичским Ребе евреи провозглашают его сорокалетнего сына, и в том же году начинает активно действовать настоящий и будущий враг Ребе — антиеврейская коммунистическая организация, евсекция, еврейское отделение в партии большевиков.

Согласно теории, вдуманной Лениным еще в начале века, история человечества — есть история классово-борьбы, а нации — реакционная буржуазная выдумка. Эта ленинская точка зрения, безусловно принятая комиссаром по делам национальностей РСФСР Сталиным, легла в основу большевистской политики, направленной против иудаизма.

Широко бытует мнение о массовом, чуть ли не решающем участии евреев в октябрьской революции. Однако этому противоречат цифры: в 1922 году, т.е. на пятом году революции, в большевистской партии состояло 19562 еврея — не слишком впечатляющее количество для почти четырехмиллионного еврейского населения России. Да и эти 20 тысяч не были евреям в истинном смысле слова, а как правило, детьми выкрестов и ассимилянтов, что и подтверждает первый комиссар по еврейским делам при сталинском наркомате Диманштейн.

"Большевистская партия — пишет он в 1920 году, вспоминая дореволюционную пору, - никогда не вела особой работы среди евреев. Во время февральской революции еврейские рабочие не были на нашей стороне. После октябрьской революции положение было таким, что пришлось назначить секретарем евсекции человека, ни слова не знавшего по-еврейски. И я сам никогда не занимался общественной работой среди евреев".

Далекое от еврейства и чуждые ему "евсеки" с помощью ленинской теории и полицейского аппарата советского государства насильно толкали многомиллионное еврейство России на путь ассимиляции, т.е. пытались переделать его по своему образу и подобию. Программа евсекции, которую она выполняла с великим рвением, заключалась в уничтожении еврейской религии, еврейских общин и даже еврейского языка. Одно из первых постановлений сталинского наркомата по делам национальностей гласило:

Подготовленный евсекцией и проведенный в жизнь комиссариатом Сталина декрет о ликвидации живого языка вызвал изумление даже в большевистских кругах. Советский нарком просвещения Луначарский заявил, что объявление какого-либо языка "контрреволюционным" — есть просто акт вандализма. Впрочем, возмущение русского наркома (знавшего иврит и читавшего Танах в подлиннике) не помогло: "контрреволюционный" язык так и остался запрещенным в России.

Результатом 13-летней деятельности евсекции было полное разорение старинного уклада жизни еврейского населения в городках и местечках. К 1925 году более миллиона евреев покинули традиционные штетлах. "Наш самый большой враг, — говорили они, — евсекция!"

Разрушение, учиненное евсеками, было на руку одной лишь советской системе. И она отблагодарила своих верных псов. В 30-х, после расформирования евсекции, ее активистов ожидала "награда": Воркута и Заполярье, Якутия и Колыма.

Все "победы" евсекции держались на карательных органах ВЧК-ГПУ. Без помощи тоталитарной власти ей не удался бы ни один проект. В той единственной сфере, где евсекция не пользовалась полицейской поддержкой, она оказалась беспомощной.

Главной функцией евсекции, как и было записано в ее программе, считалась "культурно-воспитательная работа", т.е. антирелигиозная пропаганда и внедрение в еврейскую среду коммунистических идей. Спустя 7 лет после начала ее деятельности суммарный тираж всех газет на идише, московской "Эмес", харьковской "Штерн", минской "Октябрь" и т.д., не превышал 15 тысяч, т.е. был ничтожным, а точнее, нулевым: упомянутые тысячи полностью расходились среди евсеков, их подручных и еврейских организаций коммунистического толка. А миллионы читающих на идише попросту бойкотировали жалкие антирелигиозные листки. Симпатии простых людей по-прежнему оставались на стороне идишкайт.

1920 год, когда Ребе возглавил Любавичское Движение, был и годом начала антиеврейского террора (в 1918 и 1919 годы этому мешала гражданская война). Шантаж и преследования агентов ЧК, направляемых активистами евсекции, были так велики, что многие раввины и общественные деятели решили немедленно эмигрировать. Такая возможность была и у Ребе, но он предпочел не бегство, а самоотверженную борьбу.

Жизнь его была посвящена еврейскому народу.

Безжалостному натиску евсеков Ребе противопоставил девиз: ни один еврейский ребенок не должен быть брошен на произвол коммунистической улицы, не должен быть отдан новоявленным "воспитателям".

Талантливый организатор, Ребе привлекает всех тмимим и многих евреев к этой борьбе, разгром еврейских школ идет параллельно с организацией по всей России сети тайных хедеров и ешив. Ни на минуту не останавливается также учеба раввинов и шойхетов, продолжается строительство новых синагог и микв.

В 1924 году Ребе вынужден покинуть Ростов-на-Дону, где евсеки-чекисты, отчаявшись остановить Ребе, начинают откровенно угрожать ему наганом (в помещении синагоги, в присутствии многих свидетелей). Переезд в столичный Ленинград, где бандиты ведут себя поскромнее, позволяет Ребе действовать еще активнее.

Ребе собирает своих друзей и помощников на тайный съезд в Москве. (Мы знаем, как это было опасно!) Участники съезда клянутся: продолжать, что бы ни случилось, распространение Торы и поддержку еврейства. И все, как один, остаются верными клятве. Многих арестовывают и ссылают на верную смерть в Сибирь, но на их место приходят новые учителя и продолжают занятия с теми же учениками.

По инициативе Ребе во все концы России разъезжаются знатоки Торы — талантливые ораторы, умеющие пробуждать интерес слушателей к иудаизму. Посещать эти лекции опасно, но слушать их проходят сотни людей, в противовес пустым залам, где всеки читают унылые и скучные коммунистические проповеди.

Гигантская работа, развернутая по всей стране, приносит успех за успехом, и евреи возвращаются к Торе. Из центра, от Ребе, к ним приезжают раввины, шойхеты и меламеды, а в случае необходимости приходят и деньги. Они пожертвованы, как правило, людьми небогатыми и вопреки угрозам чекистов.

Умная, осторожная и систематическая деятельность Ребе плотной перегородила антирелигиозную пропаганду. Основная, как мы помним, работа евсекции оказывается в тупике. С помощью ГПУ всеки быстро обнаруживают и пробуждение религиозных чувств, и появление новых религиозных организаций. Они отлично понимают: кем-то организовано активное сопротивление. Но кем?

Начались энергичные поиски "преступников", безуспешные вначале, пока ими занимались активисты евсекции, и эффективные, когда к ним присоединилось вездесущее ГПУ. На всю переписку Ребе — тысячи писем, поступавших на его имя и отсылаемых из его дома - была наложена строжайшая цензура. Как ни старались его корреспонденты прятать за безобидным тайное, в скором времени цензура ГПУ обнаружила улики, подтвердившие их предположение: религиозное возрождение евреев России исходит от Ребе.

Эти сведения накапливаются, наиболее "откровенные" письма попросту конфискуются, за Ребе и близкими к нему людьми ведется усиленная слежка. Наконец наступает день, когда сомнениям уже нет места: перед следователями ГПУ и руководством евсекции раскрывается истинная картина титанической деятельности Ребе. "Он организовал все религиозные силы страны и финансирует все религиозные заведения", — с откровенной злобой говорит о Ребе руководитель евсекции.

Ниже мы приводим крайне любопытное письмо, которое объясняет истинные причины ареста Рабби Иосефа-Иццока Шнеерсона и его заключения в ленинградскую политическую тюрьму Шпалерную.

"...В связи с приездом в Москву рабби Шнеерсона, — рассказывает А.Л. Фукс, председатель московской еврейской общины, — меня вызвали в ГПУ. Чекистов интересовало: 1) Действительно ли рабби Шнеерсон, находясь в Москве, собрал большую сумму денег для поддержки религиозных еврейских учреждений.

2) Правда ли, что вокруг него сплотились сотни молодых людей, посвятивших себя укреплению еврейской религии по всей стране.

3) Действительно ли рабби Шнеерсон является непререкаемым авторитетом для сотен тысяч верующих".

Этот допрос свидетельствовал, что над головой Ребе сгущаются тучи и ГПУ неспроста интересуется его деятельностью. Вкратце я сказал им следующее:

- Да, я знаю рабби Шнеерсона. Я знал и его отца - известного раввина, главу еврейской общины. А в ту далекую пору, когда я был учеником петербургской высшей школы, я встречал и его дедушку, который также был видным еврейским общественным деятелем и с риском для себя посещал самых грозных царских министров, чтобы помочь евреям России. Именно он своим умом и настойчивостью помог разрядить накалившуюся атмосферу во время погромов в Киеве и Нежине...

Что касается рабби Шнеерсона, то я знаю его как человека высокой нравственности и духовности. И если он поддерживает и помогает еврейским религиозным учреждениям, о чем я ничего не знаю, то никаких беззаконий в этом нет и быть не может. Да, я знаю, что в настоящее время рабби Шнеерсон находится в Москве, но цели его приезда мне неизвестны.

...Дома меня ожидали члены двадчатки, обеспокоенные тем, что меня продержали на этот раз дольше обычного. Не желая распространяться об истинной причине вызова в ГПУ, чтобы избежать ненужных разговоров и слухов, я отделался несколькими общими фразами, а потом пригласил одного из близких Ребе людей, рассказал ему подробно, что со мной произошло, и просил передать Ребе совет: в эту же ночь немедленно вернуться домой.

Назавтра я поинтересовался, уехал ли Ребе, и сильно обеспокоился, узнав, что он все-таки остался в Москве.

...В канун Пурим-Катан я пришел в центральную синагогу и увидел, что ярко освещенный любавичский зал буквально забит народом, даже в проходе и на лестнице стояли люди. На вопрос, что здесь происходит, мне ответили: "Выступает Любавичский Ребе!"

Я буквально похолодел от страха за Ребе и одновременно подумал, что внук унаследовал твердый характер дедушки, не считавшегося с опасностью при защите интересов евреев.

Мне удалось пройти внутрь, увидеть, что Ребе сидит на возвышении, и услышать, как он своим звучным, певучим голосом говорит о празднике Пурим, объясняя чудо Пурим непоколебимостью евреев, их верностью Торе.

В те давние времена, говорил Ребе, евреи отказались выполнить приказ царя Ахашвероша, не пожелали смешиваться с другими народами Персидской империи. Как свидетельство нашей стойкости Ребе привел в пример поведение тысяч детей, воспитанников Мордехая, которые в ответ на запрещение изучать Тору сказал своему учителю: "С тобою мы неразлучны - на жизнь и на смерть!" И они, эти дети, победили.

Священная стойкость вечна, она повторяется из поколения в поколение, продолжал Ребе, и мы можем упрочить наше положение только приобщением маленьких детей к изучению Торы. Подтверждение этому мы находим в Теилим: "Устами младенцев и грудных детей Ты укрепил (нашу) мощь... чтобы покорить врага и мстителя".

Не только содержание речи Ребе, но и его энтузиазм, пренебрежение опасностью, которой чреватые были подобные высказывания, а также сосредоточенное внимание слушателей поразили меня. Но я заметил в синагоге осведомителей ГПУ...

Мы вышли из синагоги под сильным впечатлением от услышанного и увиденного. Г-н В., знавший хасидов лучше чем я, сказал, что Ребе в своем выступлении затронул самую острую и жизненно важную проблему еврейства России. "Существует обычай, — сказал он, — пунктуально записывать, а затем распространять и пересказывать каждое выступление. Чаще всего это делает сам Ребе, и его речи попадают к хасидам, живущим по всей стране".

Через неделю мне пришлось встретиться с Литваковым, одним из руководителей евсекции. Во время разговора он вдруг стал поносить Ребе Шнеерсона, который объединил всех религиозных евреев России. Литваков возмущался, что Ребе собирает средства на содержание микв, синагог, преподавателей хедеров и т.д.

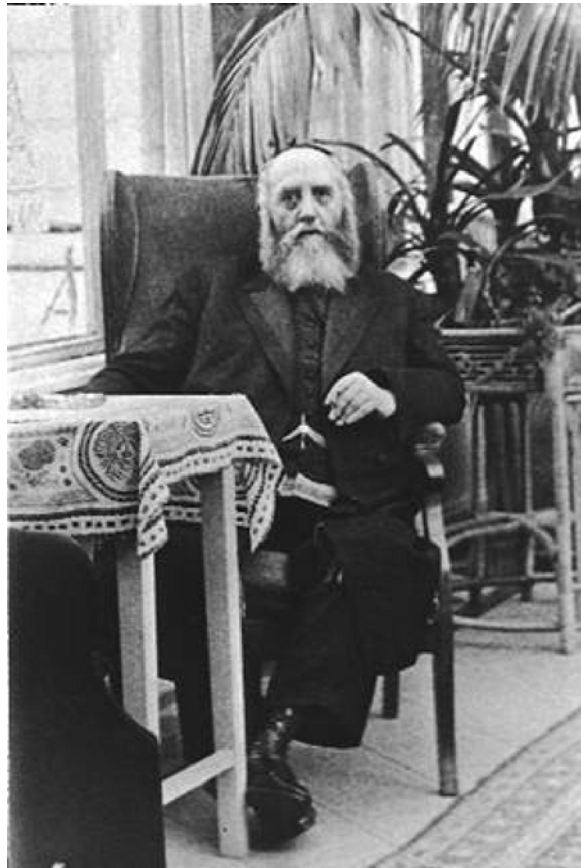
- Куда ни посмотришь, - сказал он не, - не только в Белоруссии, Украине и Центральной России, но и в таких далеких краях, как Грузия и Туркестан, можно встретить посланцев раввина Шнеерсона, выполняющих его указания.

Он приводил факты, относящиеся к Грузии, например, и если они соответствуют истине, то свидетельствуют об отличной организации дела.

С появлением евсекции по всей Грузии были ликвидированы действовавшие там религиозные институты. Но недавно, рассказывал Литваков, туда приехал молодой ашкенази (так называют в тех местах еврея из России), который говорил по-грузински, как настоящий грузин, и выступал перед евреями с пламенными речами. Он цитировал выдержки из кодекса советских законов, где говорилось, что гражданам разрешается создавать и содержать религиозные учреждения на собственные средства. Этот юнец, сказал раздраженно Литваков, проезжая из города в город, из поселка в поселок, повсюду выступал с речами, в которых расхваливал власть, предоставившую такие широкие права трудящимся, и ратовал за восстановление этих самых религиозных учреждений. И обычно, после его отъезда, так и происходило.

А в одном из поселков случился вообще анекдот. На выступление молодого человека пришли работники местного исполкома и, услышав, как он цитирует конституцию, решили, что перед ними представитель из центра. Воодушевленные его речью, они тут же единогласно постановили отремонтировать микву за счет исполкома. Что и было сделано.

Кончилось все это тем, что еврейская молодежь грузинских селений поднялась против комитетов евсекции их разогнала и на том основании, что законы советской страны позволяют гражданам в вопросах религии поступать по своему усмотрению. После этого были отремонтированы синагоги, общины приобрели новые свитки Торы, и по всей Грузии были открыты хедеры.

- В результате тщательного расследования, — заключил Литваков, — нам стало известно, что все это дело рук раввина Шнеерсона. Он разослал своих агентов во все концы страны и огромными денежными суммами финансировал эти мероприятия.

Я возразил Литвакову, что закон действительно гарантирует гражданам свободу вероисповедания, а верующие имеют право на собственные средства содержать религиозные учреждения. В чем же вина рабби Шнеерсона, если он популяризирует конституционные законы страны?

- В ГПУ, - ответил Литваков, - уже знают, в чем виноват Шнеерсон. И мы, - закончил он в ярости, - решили вырвать его с корнем! Давно уже собран у нас необходимый для этого материал.

Содержание беседы с Литваковым и мои опасения за судьбу Ребе я передал одному из близких к нему людей..."

Это письмо - живое свидетельство ненависти и страха ренегатов из евсекции к Ребе. Казалось бы, как легко справиться с главным идейным врагом, если есть под рукой ГПУ, - арестовать, ликвидировать! — однако, оказывается, не так-то просто посадить в тюрьму главу всемирно известного Любавичского Движения. Мы уже знаем, к каким это привело последствиям.

Нерешительным действиям евсекции положила конец неоднократно упоминаемая в тексте "Записок об аресте" история с ленинградской конференцией представителей всех еврейских общин России. Значение этой конференции было очень велико: ей предстояло утвердить программу еврейской общинной жизни, а также определить, какие религиозные организации согласно советским законам разрешено создавать в еврейских общинах.

Некоторые раввины и общественные деятели поддерживали идею созыва конференции. Но Ребе прекрасно понимал, что из страха перед репрессиями немногие осмелятся говорить о действительных нуждах религиозного еврейства. Для Ребе было очевидным: конференция — хорошо подготовленная евсекцией ловушка, чреватая полной ликвидацией еврейства в России.

Отдавая себе полный отчет в грозившей ему опасности, Ребе, не раздумывая ни минуты, решительно выступает против провокационного съезда. И грязная затея проваливается, что поистине явилось крахом многолетней подготовки и всей работы евсекции. Ненависть и злоба оказываются сильнее осторожности, Ребе арестован.

Как мы знаем, в дальнейшем произошло одно из очевидных чудес нашего века — смертника отпустили на свободу и даже позволили покинуть Советский Союз.

Уход из неволи — начало нового этапа в жизни Ребе. Наконец-то он поднялся во весь свой исполинский рост. Ни на минуту не прекращая кампании в защиту еврейства Советской России, продолжая переписку и помощь оставшимся там хасидам, он одновременно начинает великое дело своей жизни — распространение Любавичского Движения по всему миру.

В Латвии, а затем в Польше Ребе организует ешивы и хедеры Хабада, он посещает Священную Землю и Соединенные Штаты Америки... И всюду, где он побывал, укрепляются еврейские религиозные общины, появляется сеть еврейских школ. В конце 30-х годов Ребе основывает Всемирное объединение любавичских хасидов.

Начало второй мировой войны застало рабби Иосефа-Ицхока Шнеерсона под Варшавой. Своими глазами он видел ужасы фашизма, но ему удалось спастись от нацистов, и в 1940 году Ребе прибыл в Америку.

В те годы положение в еврейском мире казалось безнадежным. Подавляющее большинство хасидов находилось в России, в Европе шла война, а для американских евреев цели и смысл Любавичского Движения оставались далекими, как звезды. Среди миллионов эмигрировавших сюда из Восточной Европы евреев нарастала ассимиляция, и даже само название Любавичского Движения было для них ничего незначащими словами. Это была страна с иными обычаями, иной духовной атмосферой. Встречая Ребе на земле Нового Света, лидер многомиллионного американского еврейства открыто заявил об этом: "Не забывайте — мы коренным образом отличаемся от евреев Европы".

На явный совет отступить от евреев США Ребе ответил: "Америка не отличается от любой другой страны диаспоры!" И, действительно, потребовалось не так уж много времени, чтобы Любавичское Движение охватило Америку. Сегодня здесь сердце и центр Движения Хабад.

Начинать нужно было с нуля. Ребе пришлось ездить по Соединенным Штатам, доказывать, объяснять. На его выступления приходила молодежь, не получившая религиозного воспитания. По зову сердца они стремились к полнокровной еврейской жизни без надуманных "облегчений" на американский лад, и они становились учениками Ребе.

Постепенно и в Америке появляются ешивы и начальные школы по изучению Торы. Последователи Ребе в свою очередь становятся учителями и воспитателями в

отдаленных общинах. Письма, послания, статьи и книги Ребе пробуждают американское еврейство от долгой спячки, в стране начинается пульсировать истинно еврейская жизнь.

Непостижимо, откуда черпал силы тяжело больной рабби Иосеф-Ицхок Шнеерсон, где находил время для колоссальной работы. Он основывает издательства и библиотеки, выпускает журналы и сборники, публикует статьи и книги, ведет огромную переписку, принимает ежедневно десятки людей, руководит созданными им же организациями по еврейскому воспитанию, распространению сокровищниц мысли Талмуда или мелодий Хабад... Бюро помощи беженцам с отделением в Париже, открытое им сразу после войны, спасло жизнь десяткам тысяч евреев и многим из них помогло благополучно перебраться в Израиль и другие страны.

Благодаря мужеству и целеустремленности Ребе Любавичское Движение с течением времени охватило все континенты. Дом номер 770 по Истерн Парквей в Нью-Йорке, где поселился Ребе по приезду в Америку, превратился в мировой центр Движения Хабад. Отсюда исходят знаменитые обращения к еврейскому народу, сюда приезжают юноши, чтобы углубить свои знания святой Торы, здесь издаются журналы и книги на многих языках. Сюда идут за советом люди со всех концов земли, религиозные и нерелигиозные, приходят раввины, политические деятели, ученые, бизнесмены, философы, писатели...

Он не щадил себя...

Фрагменты из бесед Любавичского Ребе рабби Менахема-Мендла Шнеерсона, посвященных его Великому предшественнику

Как известно, Ребе был арестован в той стране из-за самоотверженной в буквальном смысле этого слова деятельности, которой он занимался на протяжении семи лет: распространял идишкэйт, помогал изучению Торы, исполнению ее заповедей.

В этом ему сопутствовал огромный успех, как и в дальнейшем, после освобождения, когда Ребе смог благополучно продолжить и расширить свою деятельность, заниматься ею еще много лет, до последних дней своей жизни.

Я хочу здесь напомнить, что обязанность каждого из нас — задуматься над историей его ареста и освобождения. Все сыновья и дочери еврейского народа, где бы они ни находились, обязаны вникнуть в смысл тех событий и сделать из них выводы, ведущие к практическим действиям.

В истории ареста Ребе много поучительного. Главное, на что следует обратить внимание, это самопожертвование Ребе, который не щадил себя ради воспитания еврейских детей всех возрастов. Для них открывал он начальные и средние еврейские школы, именно этим вызвал гнев и злобу незаконной власти, именно в этом была одна из основных причин его ареста.

Важно подчеркнуть, что Ребе отдавал все силы и время воспитанию детей и юношества, прекрасно сознавая, что тем самым он ставит свою жизнь под угрозу. Эту опасность еще увеличивала его постоянная поддержка синагог, микв и других жизненно важных для евреев институций.

Самоотверженность рабби Йосефа-Ицхока Шнеерсона показывает, какое важное значение он придавал воспитанию молодежи — ради нее самой и ради нашего народа, чье будущее зависит от молодых. Ибо наши мудрецы говорят: "Если нет ягнят, нет и овец".

С первого дня руководства Любавичским Движением Ребе действовал с великой самоотверженностью. Он жил в России в период бесчинств евсекции, когда распространение Торы и ее заветов, противоречившие политике государства, требовали полной душевной самоотдачи. Подобной же самоотверженности он требовал и от тех, кто следовал его путем и сотрудничал с ним.

В Шулхан Орух нет закона, позволяющего требовать самоотверженности от других, но это вправе делать тот, у кого есть ощущение предназначения свыше.

В одной из своих статей Ребе объясняет разницу между самоотверженностью рабби Акивы и праотца Авраама. Рабби Акива мечтал о самопожертвовании, жаждал его и говорил: "Когда у меня будет возможность исполнить это?!" У праотца Авраама самопожертвование не было целью. Его нравственная деятельность, о которой сказано: "И воззвал там именем Б-га, Властелина вселенной...", сводилась к одному: каждый человек должен прийти к сознанию: "Б-г — Властелин вселенной". Авраам не стремился к самопожертвованию, но если бы понадобилось пожертвовать жизнью, он сделал бы и это.

Точно так же вел себя Ребе. Он не стремился жертвовать собой, не в этом был смысл его деятельности. Его задача заключалась в распространении Торы и заповедей, в обучении хасидизму, а также хасидским правилам и обычаям: "И воззвал там именем Б-га. Властелина вселенной". В этом была его задача, которой он полностью посвятил себя, и его не останавливали никакие помехи.

Именно поэтому он не входил в рассуждения, обязан ли он по закону рисковать своей жизнью в каждом конкретном случае. Его делом было распространение и укрепление еврейства, а все остальное не занимало места в его мыслях. И ничто не могло помешать ему.

В этом — пример и поучение, которое Ребе преподал нам. Всем, кто должен приготовиться к будущему Освобождению... Наша деятельность — любить и приближать евреев к Торе.

Ш Это случилось летом 1891 года, и вкратце история такова. Юный Йосеф-Ицхок стал свидетелем довольно обычной в ту пору сцены: на улице местечка пьяный урядник без всякой причины начал избивать еврея. Возмущенный мальчик подскочил к полицейскому, толкнул его и крикнул: "Подлец!".

*Íáíçáííúé óýáí éé ñááòéé Èíñá-Èúóíéá, íò ááé áííééóáéííéé ó-áñóíé é áóííéé á éáí áðá, ááá ó
í áéú-ééá íéáçáéñý íáíáééáííúé ñíñá — óáéáííé, íí óáííúé ááðáéáí é, ñçááýçáíííé, ÷óíáú íáí ú-áé, í íðáíé.
Í áíéíéúéí ÷áñá ñ áñóý í ñéó-éáóáí ñý ñóáéí éçáñóíí, é áííééóéç í ðéóáé í ñéáííéé íò óíáí úó.
Èíñá-Èúóíé, íé-óóúíá ñ óíáííúé ñáíéí í ññóíéíí é çáóí-áíéáí á éáó-áéáéó ("B áñíóíáí Á-áí áðáíó á,
í íò íí ó-óí çáñóóíééñý çá ááðáý!"), ÷áñóíí ðáñíéáçáé í ñéó-éáóáí ñý, óííí ýí óá á óíí ÷éíéá í óáéáí éá Áíáçáííí
áíýñ ééíñý, ÷óí óáéáí éá óéðáé é ñ'óýòáé á éáí áðá óóééáí-ííééóáéííéé. Áíñóíðéáíó áí ááéá ñí ðáááíééáííó ú
éçáéòúé áááé áúé íí ðáááí, á áíð óáíéáí éç ííééóéé.*

МЕЧТЫ ДЕВОЧКИ АННЫ

12 июня 1929 года у Отто Франка и его жены Юдифи Франк-Голландер был праздник: родился второй ребенок — девочка Аннализа-Мария. Маленькая Марго, которой было уже три года, тоже радовалась появлению сестренки.

Анна росла живым и любознательным ребенком. Она была хорошо воспитана, как и старшая сестра, но больше склонна к проказам. У младшей дочери сложились особые отношения с отцом, в то время как Марго была "маминой дочкой".

13 марта 1933 года. Гитлеровская нацистская партия пришла к власти в Германии. Отто и Юдифь, не обольщаясь насчет будущего немецких евреев, решили бежать в Голландию. Отто поехал в Амстердам, чтобы подготовиться к приему семьи. Юдифь с дочерьми отправились в Аахен, маленький немецкий городок неподалеку от голландской границы, к бабушке, матери Юдифь.

В декабре Отто снял квартиру в Мерведеплейне, новом районе Амстердама, и открыл дело — компанию "Опекта", торгующую пектином — фруктовым порошком, используемым для изготовления джемов и желе. Юдифь со старшей дочерью уехали в Амстердам, маленькая Анна осталась у бабушки. В феврале 1934 года она была отправлена к родителям.

Семья Франк чувствовала себя в безопасности и, как могла, наслаждалась жизнью. Анна пошла в школу Монтессори, недалеко от их дома, где уже училась Марго. У девочек появилось много новых друзей.

Но беспечная жизнь в конце концов прекратилась. 10 марта 1940 года немцы вторглись в Голландию. Бежать было некуда.

Поначалу немецкая оккупация не слишком касалась евреев. Марго и Анна продолжали посещать ту же школу.

Анна с подругой в Мерведеплейне. 1934 год.

В начале декабря 1940 года Отто решил перевести собственность на двух преданных ему служащих и переименовать фирму. Она теперь стала называться "Гисес и Ко." - он понимал, что скоро евреям, как и в Германии, запретят иметь свое дело.

В новом учебном 1941 году Анне, как и всем другим еврейским детям, пришлось перевестись в еврейский лицей. Евреи теперь должны были носить желтую звезду на одежде, им запрещалось пользоваться велосипедами, ездить в трамвае и автомобилях, покупки они могли делать только в определенные часы и только в магазинах с надписью "Для евреев".

Но жизнь продолжалась. Когда Анне исполнилось 13 лет, она получила в подарок толстую тетрадь с обложкой в шахматную черно-красную клетку. Девочка решила завести дневник, в котором она могла бы записывать свои мысли и чувства, наблюдения.

Класс школы Монтессори. 1936 год.

5 июля 1942 года шестнадцатилетняя Марго получила повестку с предписанием отправиться на принудительные работы в Германию. Конечно, родители понимали, что ехать ей никуда нельзя. С первых дней оккупации Отто знал, к чему все это приведет, и стал строить планы, где скрыть семью, когда положение делается невыносимым. В расположенные за его конторой два этажа подсобных помещений он натаскал запасы еды и необходимые вещи. К нему присоединилась и другая еврейская семья — чета ван Даанов и их пятнадцатилетний сын Петер.

Появление повестки означало, что пришло время перебраться в убежище. Анна принесла с собой и дневник, и альбомы с фотографиями. Она жила в одной комнате с Марго, родители находились в соседней. Позднее, когда прибыли ван Дааны, девочек поместили наверху. Днем постели убирали, и комната превращалась в кухню. Петер жил рядом. Чердак использовали для хранения еды и прочих припасов. Анна облюбовала его, чтобы там в одиночестве предаваться раздумьям, писать и смотреть в маленькое окошко на враждебный мир.

Новорожденная Анна с матерью.

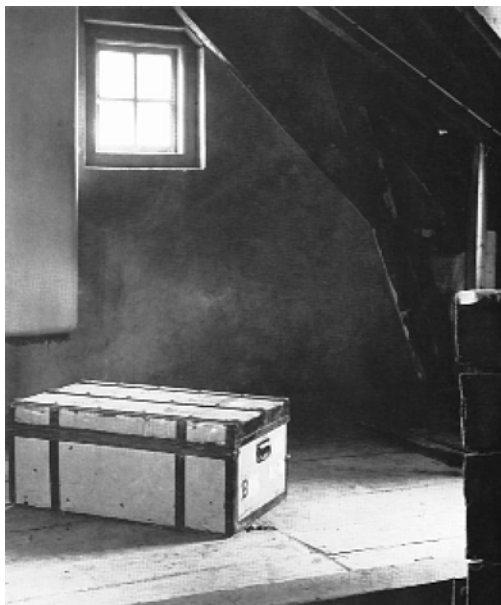
13 июня 1929 года.

Свое убежище Анна назвала в дневнике "Ахтерхойз" — "задним домом". В старом Амстердаме тыльная часть дома, выходящая в сад или дворик, нередко обособлялась от фасада, образуя почти самостоятельное помещение. Дверь в Ахтерхойз была скрыта вращающимся книжным шкафом. В те дни немецкие солдаты обыскивали дома в поисках велосипедов, главного средства передвижения в городе.

3 September 4 '44			
DEPORTATION LIST FOR WESTERBORK - LAST TRAIN			
WESTERBORK			
307. Frank	Talbot	19.11.44	Frank
308. Frank	Frank	19.11.44	Frank
309. Frank	Frank	19.11.44	Frank
310. Frank	Frank	19.11.44	Frank
311. Frank	Frank	19.11.44	Frank
312. Frank	Frank	19.11.44	Frank
313. Frank	Frank	19.11.44	Frank
314. Frank	Frank	19.11.44	Frank
315. Frank	Frank	19.11.44	Frank
316. Frank	Frank	19.11.44	Frank
317. Frank	Frank	19.11.44	Frank
318. Frank	Frank	19.11.44	Frank
319. Frank	Frank	19.11.44	Frank
320. Frank	Frank	19.11.44	Frank
321. Frank	Frank	19.11.44	Frank
322. Frank	Frank	19.11.44	Frank
323. Frank	Frank	19.11.44	Frank
324. Frank	Frank	19.11.44	Frank
325. Frank	Frank	19.11.44	Frank
326. Frank	Frank	19.11.44	Frank
327. Frank	Frank	19.11.44	Frank
328. Frank	Frank	19.11.44	Frank
329. Frank	Frank	19.11.44	Frank
330. Frank	Frank	19.11.44	Frank
331. Frank	Frank	19.11.44	Frank
332. Frank	Frank	19.11.44	Frank
333. Frank	Frank	19.11.44	Frank
334. Frank	Frank	19.11.44	Frank
335. Frank	Frank	19.11.44	Frank
336. Frank	Frank	19.11.44	Frank
337. Frank	Frank	19.11.44	Frank
338. Frank	Frank	19.11.44	Frank
339. Frank	Frank	19.11.44	Frank
340. Frank	Frank	19.11.44	Frank
341. Frank	Frank	19.11.44	Frank
342. Frank	Frank	19.11.44	Frank
343. Frank	Frank	19.11.44	Frank
344. Frank	Frank	19.11.44	Frank
345. Frank	Frank	19.11.44	Frank
346. Frank	Frank	19.11.44	Frank
347. Frank	Frank	19.11.44	Frank
348. Frank	Frank	19.11.44	Frank
349. Frank	Frank	19.11.44	Frank
350. Frank	Frank	19.11.44	Frank
351. Frank	Frank	19.11.44	Frank
352. Frank	Frank	19.11.44	Frank
353. Frank	Frank	19.11.44	Frank
354. Frank	Frank	19.11.44	Frank
355. Frank	Frank	19.11.44	Frank
356. Frank	Frank	19.11.44	Frank
357. Frank	Frank	19.11.44	Frank
358. Frank	Frank	19.11.44	Frank
359. Frank	Frank	19.11.44	Frank
360. Frank	Frank	19.11.44	Frank

Список депортированных последним поездом из Вестерборка в Аушвиц. Под номерами 306-309 семья Франк.

Чтобы пополнять свои запасы и иметь связь с внешним миром, надо было рассчитывать на помощь неевреев. Отто доверял многим своим старым рабочим, таким, как Миеп и Ян Гиес, Беп Воскил, Иоганнес Клейман, Виктор Куглер. Они делали покупки, приносили детям книги, сообщали все новости. Несмотря на тяжелые условия жизни, Анна оставалась обычной, бойкой девочкой. Ей хотелось петь, болтать, участвовать в шумных играх. Но ничего этого делать нельзя было. Приходилось говорить шепотом, ходить очень тихо, чтобы рабочие внизу не слышали их. Отец принес Анне фотографии кинозвезд, расклеил их по стенам, чтобы оживить мрачную комнату. Эти фотографии сохранились до сих пор. Девочка проводила много времени, разглядывая фотоальбомы из "той жизни", портреты родных, подруг, всего того, что было ей дорого. Ни разу она не пожалела, что принесла с собой в убежище эти альбомы, а не что-нибудь другое, "память для меня дороже, чем платье", — писала она в своем дневнике.

Чердак Ахтерхойза.

В середине ноября 1942 года в убежище появился еще один еврей, Альберт Дассел, дантист, знакомый Миеп Гиес. Его поселили в комнате с Анной, а Марго устроилась вместе с родителями.

Отто Франк с дочерьми. 1931 год.

Круглосуточное общение с одними и теми же людьми держало всех в напряжении. Анну раздражала г-жа ван Даан. Они часто ссорились, та считала чевочку избалованной, чересчур свободной. Не складывались также отношения у Анны с матерью и сестрой. Она не могла понять, почему они видят все другими глазами, иначе, чем она. Позднее, повзрослев, Анна стала терпимее, по крайней мере по отношению к матери. Отец всегда поддерживал ее.

Петер Анне вначале не очень нравился, она писала о нем в дневнике как о "застенчивом неуклюжем юноше", "от его присутствия многого ждать не следует". Мешала, по-видимому, некоторая разница в возрасте, вскоре после переезда в убежище Петеру исполнилось 16 лет. Однако со временем мальчик стал нравиться ей, как и она ему. Между ними завязалась дружба, и скоро Анна поняла, что полюбила своего соседа. Ирония заключалась в том, что первую любовь она испытала к мальчику, своему соученику, по имени Петер, Петер Вессель.

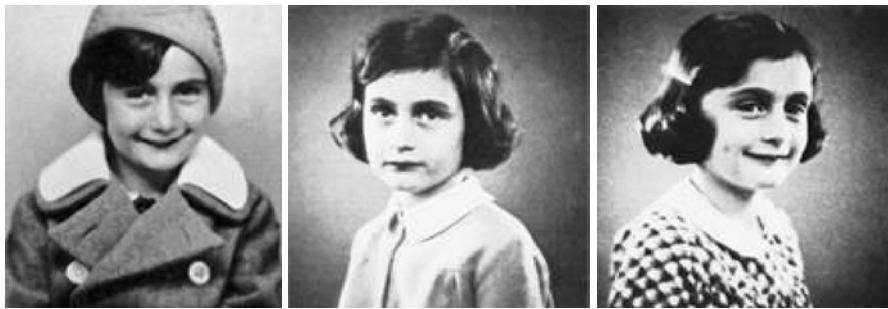
В тесном убежище любовь детей не могла остаться незамеченной, и не все ее одобрили, в том числе и отец Анны. Чувства к Петеру, разговоры с ним занимают важное место в дневнике Анны.

В убежище господствовал страх, страх и еще раз страх. Страх, что их найдут. Они слышали по радио об ужасах немецких концлагерей. Но записи Анны полны надежд на счастье, уверенности, что в один прекрасный день они выйдут на свободу. Шли день за днем, месяц за месяцем, год за годом, а она все не теряла оптимизма, унаследованного от отца.

Г-н ван Даан. / Г-жа ван Даан. / Петер ван Даан. / Г-н Дассел.

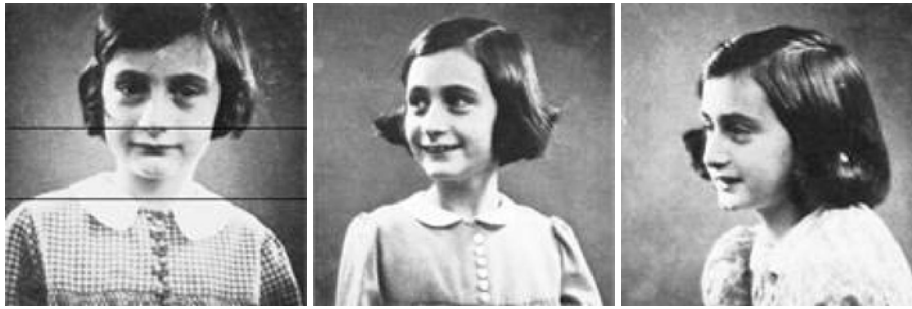
1 августа 1944 года Анна сделала последнюю запись в дневнике: "Внутри меня кто-то рыдает: вот где ты, вот во что ты превратилась. Ты скупа, поверхностна и сварлива. Люди тебя не любят и все потому, что ты не прислушиваешься к советам, которые тебе дает твоя лучшая часть! О, я хотела бы прислушаться, но не получается: если я спокойна, я должна нарушить этот покой, превратив его в шутку. Что касается моей семьи, то они все уверены, что я больна, заставляют меня глотать пилюли от головной боли и успокоительные, ощупывают мою шею и лоб, проверяя, нет ли у меня температуры. Меня ругают за дурное настроение. Я не могу сдержаться, начинаю возражать, грубить, потом чувствую себя несчастной, пытаюсь стать такой, какой хотелось бы, какой могла бы быть”...

Через три дня эсесовцы ворвались в убежище. Впоследствии стало известно, что несчастных евреев предали за сумму, равную полутора долларам. Вместе с ними были арестованы Иоганнес Клейман и Виктор Куглер. Неевреев послали в рабочие лагеря, потом отпустили. А евреев отвезли в вестерборгский концлагерь, где они находились до 3 сентября, затем отправили в Польшу, в печально известный Освенцим-Биркенау. Туда они добирались три дня.

Женщин отделили от мужчин. Юдифь с дочерьми оказались в этом аду вместе. В октябре 1944 года дочерей перевезли в лагерь Берген-Бельзен в Германию, мать оставили в Освенциме. Здесь она 6 января 1945 года умерла.

В Берген-Бельзене девушки спали в переполненном неотопливаемом бараке. Зима была очень холодная. В лагере распространялись инфекционные заболевания, было очень мало воды и пищи.

В январе 1945 года Анна узнала, что в соседнем бараке находится ее старая подруга Аннели Геслар. Они встретились и долго не могли сказать друг другу ни слова из-за сотрясавших обеих рыданий. Их разделяла лишь колючая проволока. Было еще несколько встреч, Аннели отметила, что условия в бараке Анны значительно хуже, чем в том, где жила она. Подруга часто передавала через проволоку какую-то еду Анне. Марго хотелось повидать Аннели, но она была уже очень больна.

В феврале она и вместе с ней Анна заболели тифом.

Соседки по бараку пытались, как могли, помочь девушкам. Марго умерла в конце февраля. Анне не сказали о смерти сестры, но несколько дней спустя она сама поняла, что это произошло. Перестав бороться за жизнь, она и сама через несколько дней скончалась, уверенная, что хуже быть уже не может.

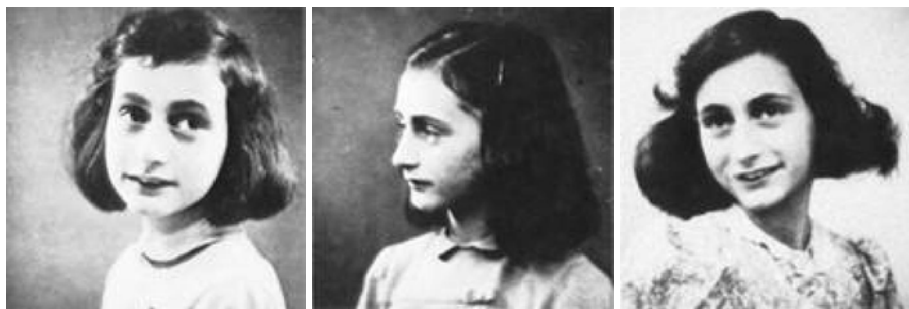

Стена комнаты Анны в Ахтерхойзе.

Ван Даана сожгли в газовой печи в Освенциме. Его жена умерла в Берген-Бельзене. Петер умер от истощения в Маутхаузене. Альберт Дассел умер в коцлагере в Найнгамме.

Из восьми обитателей Ахтерхойза выжил только Отто Франк. 27 января 1945 года советские солдаты освободили его из Освенцима. Он сразу же отправился к супругам Гиесам, больше у него никого не осталось. Он знал, что жена умерла, но судьба детей была ему неизвестна. Вскоре после окончания войны в 1946 году, ему удалось выяснить судьбу девочек. Теперь от Анны у него осталось только то, что впоследствии обессмертило ее имя. В день ареста Миеп и Беп вынесли из Ахтерхойза все, что смогли, среди прочего там был дневник Анны. Миеп решила, что не будет его читать, а вернет девочке. Теперь она отдала дневник и отдельные исписанные листочки ее отцу. Отто заперся в своей конторе, отключил телефон и прочел дневник. Он был потрясен. Дневник

был написан по-голландски. Переведя небольшую его часть на немецкий, Отто послал перевод своей матери в Швейцарию.

Несколько позже один из друзей попросил дать ему почитать дневник. Отто не мог решить, имеет ли он право давать чужим людям дневник дочери, и пришел к выводу, что он обязан это сделать. Первые читатели были в шоке. Со страниц дневника, казалось, звучал голос миллиона еврейских детей, замученных в Холокосте. Друзья настояли на том, что он должен быть опубликован, и в 1947 году в Голландии появился первый его тираж — 5000 экземпляров. Этого оказалось мало, потребовались переиздания. Дневник перевели на французский и немецкий языки, затем еще на пятнадцать. Девочка из Голландии стала символом шести миллионов уничтоженных евреев. Люди во всем мире прочитали его, и многие узнали о Холокосте именно благодаря ему.

По дневнику была написана пьеса, поставлены десятки спектаклей, в 1959 году американский режиссер Джордж Стивенс на его основе создал фильм “Дневник Анны Франк”. Убежище на Принзенграхт, 263, Ахтерхойз, превратилось в Национальный музей, который ежегодно посещают тысячи людей. Он называется Домом Анны Франк.

В США, в Нью-Йорке, действует Центр Анны Франк, в Филадельфии — институт ее имени.

Дом на Принзенграхт, 263.

Миеп Гиес, единственная из живущих ныне свидетелей этой истории, работает в амстердамском музее Анны Франк, она отвечает на все поступающие туда письма.

История Анны — это история надежды, счастья, любви и победы, даже в царстве зла. Анна умерла, но оставленный ею рассказ о несбывшихся мечтах одной девочки сделал ее бессмертной.

Отто Франк. 1953 год.

О дневнике

Г-н Болькенштейн, голландский премьер-министр, говорил по радио из Лондона, что после войны письма и дневники о войне соберут...

Èç äí äáí èèà Áí í ù, í äðð-äí ðäëü 1944 ä ää

О депортации

Наших друзей и знакомых угощают, как скот. Гестапо обращается с ними крайне грубо, перевозит их в вагонах для скота в Вестерборк, большой лагерь в Дренте, куда отправляют всех евреев. Если в Голландии так плохо, какими же должны быть дорога и дикие места там, куда немцы их отправляют? Мы думаем, что их убьют. Английское радио говорит, что их отравляют газами.

Из дневника Анны, октябрь 1942 года

Об отчаянии

Я достигла точки, когда для меня не имеет значения — жить или умереть. Мир будет вертеться и без меня, а я ничего не могу сделать, чтобы изменить ход событий. Просто даю вещам идти своим ходом, сосредоточиваюсь на учебе и надеюсь, что в конце концов все уладится само собой.

Èç äí äáí èèà Áí í ù, ðääðäëü 1944 ä ää

О наказании сопротивляющихся

Вы знаете, что такое "заложник"? Это последнее наказание для саботажников. Самое ужасное, что только может прийти в голову. Известных горожан, невинных людей, арестовывают и обещают казнить. Если гестапо не находит саботажников, просто берут пять заложников и ставят к стенке. А в газете будет написано, что они погибли в результате "роковой случайности".

Èç äí äáí èèà Áí í ù, í èðÿäðü 1942 ä ää

Кадр из фильма “Дневник Анны Франк”.

О страданиях

Когда я одна, мне хочется выплакаться. Я соскальзываю на пол и начинаю горячо молиться, потом подтягивая колени к груди, кладу голову на руки и плачу, скорчившись на голом полу. Громкие рыдания возвращают меня на землю.

Из дневника Анны, апрель 1944 года

О евреях

Кто отличил евреев от всех остальных народов? Кто позволил, чтобы они столько терпели? Б-г, который сделал нас теми, кто мы есть, и Б-г же поднимет нас опять. Если мы вынесли все эти страдания и все еще существуем, когда все закончится, евреи, вместо того чтобы погибнуть, станут примером. Кто знает, может быть, именно то, что наша религия стала источником для всего мира и всех народов, из которого они научились добру, и есть причина, по которой мы страдаем. Мы никогда не сможем стать просто голландцами, просто англичанами или представителями какого-либо другого народа, мы всегда останемся евреями.

Из дневника Анны, апрель 1944

О виновных

Я не верю, что только важные люди, политики и промышленники, виновны в войне. О, нет, маленький человек... В природе человека желать уничтожать, убивать, нести смерть. И пока все человечество, без исключения, не подвергнется огромным изменениям, войны будут продолжаться.

Из дневника Анны, апрель 1944

О старой родине, Германии

Замечательные образчики человечества, эти немцы. И подумать только, что я, в сущности, одна из них! Нет, это не так. Гитлер отбросил мой народ.

Из дневника Анны, октябрь 1944 года

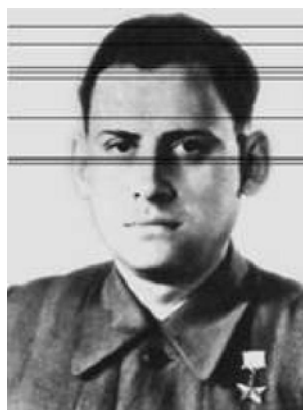
Обложка первого издания дневника Анны.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГЕРОЙ АУЛЬСКОГО ПЛАЦДАРМА

אֲדָוָה עֵינֵינוּ

В официальных документах бывшего СССР числилось 148 евреев — Героев Советского Союза. Благодаря поискам Исраэля Пилата, стали известны имена еще 14, значившихся по документам русскими, рожденных еврейскими матерями. Итак, 162 Героя. В процентном отношении к населению это второе место после русских.

Все собранные им данные И. Пилат переслал в Израиль и создал музей еврейского героизма. К списку славных имен необходимо добавить еще одно имя Героя — оклеветанного, безжалостно вычеркнутого из летописи Великой Отечественной войны.

К моменту встречи с Марией Семеновной мне уже рассказывал о ее муже Льве Гитмане ветеран войны Герой Советского Союза С. Шпаковский:

- Золотой был парень, сердечный, скромный. Мы с ним в одном полку служили, в одной роте. Перед одним из боев спросил я Лева, не страшно ли ему в сражение идти. "Как всем, — ответил он, - жить каждому хочется". Не бахвалился, как некоторые, а в атаку одним из первых поднимался из окопа. Кое-кто, знаешь, осторожничал, не больно в драку торопился. Юнцы - они горячие, отваги им не занимать. Вот таким я знал сержанта Гитмана. Боец что надо. Вести о страшной трагедии Бабьего яра, о газовых камерах, где нацисты задушили миллионы людей, не давали парню покоя. Очень хотелось ему до Берлина поскорее дойти, до Гитлера добраться. Мечтал широко, бился яростно... Вечная ему память!

Узнав о моем разговоре со Шпаковским, Мария Семеновна рассказала мне свою историю.

- Да, именно таким был Лева, - сквозь слезы начала она, — честный, отважный, не мог терпеть лжи, лицемерия. За это и погубили его недобрые люди.

В ее печальных глазах, горестных складках у рта отражалась горькая вдовья доля, душевная боль.

- Давно нет моего Левы, а я не могу смириться с тем, что случилось. Неужели ложь сильнее правды? Неужели справедливость не возьмет верх над злом? Не мертвому это нужно, а нам, живым, нашей совести, нашей памяти...

Лев Абрамович Гитман родился в Днепропетровске. Здесь окончил среднюю школу, работал слесарем. Страсть "одухотворять" металл как бы по наследству передалась ему от сурового на вид отца, человека честного и волевого. Когда началась война, Лева сразу же отправился в военкомат, добровольно ушел на фронт. В составе 235-й стрелковой дивизии оборонял Кавказ, не раз ходил с боевыми товарищами в разведку, был награжден медалью "За боевые заслуги", орденом Красной Звезды.

Самое большое испытание выпало на его долю во время боевой операции на Днестре в районе села Аулы Днепропетровской области. Взвод разведчиков получил задание форсировать реку, закрепиться на правобережной полосе и удерживать ее до подхода своих частей. От этой операции зависели дальнейшее наступление наших войск, освобождение Днепропетровска, Днепродзержинска, Кривого Рога, Новомосковска.

Двадцать бойцов на плотках старались незаметно и как можно быстрее преодолеть водную преграду. Тихо плескалась вода под веслами гребцов, все ближе цель, вот желанный берег. Командир взвода Шпаковский со своими бойцами занял позицию, начали окапываться. Вокруг было тихо, ни выстрела. Противник обнаружил десант на рассвете и открыл огонь. Затем пошел в атаку. Гитман припал к ручному пулемету, рядом "заговорили" еще два, гулко застучали противотанковые ружья и 82-миллиметровые минометы. Напряжение боя нарастало. Появились раненые. Десантники понимали: их мало, силы неравные, — значит, необходимо каждому драться за троих, десятерых, отступить некуда.

Под прикрытием горстки смельчаков стали переправляться на плотках и лодках пехотинцы, артиллеристы. Несколько раз немцы пытались сбросить десантников в днепровские воды, но, встреченные шквальным огнем, откатывались назад. Дважды завязывалась рукопашная схватка, Гитман дрался в первых рядах, пистолетом уничтожил восьмерых гитлеровцев. В разгаре одной из атак он был ранен в ногу, но в азарте боя даже не почувствовал боли. Сержант словно прикипел к пулемету, его окрыляло сознание: впереди родной Днепропетровск, до него — рукой подать!

Ногу санитары забинтовали, хотели отправить сержанта в медсанбат. Он отказался, ранение легкое, нечего отлеживаться, ни за что не хотелось ему упустить шанс стать одним из освободителей родного города.

Уже занята большая часть Аул, вошедшая в историю днепровской битвы под названием "Аульский плацдарм". Он расширяется несмотря на упорное сопротивление противника, поддерживаемое авиацией. Наконец подоспели главные части стрелковой дивизии генерала Колчука. Началось наступление на Днепропетровск. Пулемет Гитмана действовал бесперебойно, не подводил. Но, увы, к родным местам сержант не дошел. Тяжело раненый в грудь, он упал возле своего пулемета, истекая кровью.

Очнулся в тыловом госпитале. Сколько дней минуло в беспамятстве, не знал. Кружилась голова, донимал кашель, отхаркивался кровью. Он умирал. Врачи делали все

возможное, чтобы вернуть парня к жизни, единственную надежду возлагали на крепкий молодой организм. Выдержит ли?

Однажды в госпиталь принесли свежие газеты. В них сообщалось о присвоении звания Героя Советского Союза разведчикам, форсировавшим Днепр и удержавшим важный плацдарм, половине из них — посмертно. Среди награжденных был и сержант Лев Гитман. Палата оживилась. Сквозь дрему Лева слышал радостные возгласы, упоминалось его имя.

- Что случилось? - спросил он, открыв глаза.

- А вот что! Читай! - сосед по койке протянул ему газету. Прибежали медсестры с газетами, пришел главврач.

- Вы, товарищ сержант, - весело сказал он Гитману, - в госпитале тоже оказались героем, мужественно преодолели смерть. А ведь были почти безнадежны. Поздравляю!

Через некоторое время его комиссовали. Вернулся в Днепропетровск на костылях. Болела грудь, не прекращался кашель. Работать физически не мог. Через некоторое время поступил мастером производственного обучения в школу-интернат, стал передавать ребятам свои знания и любовь к слесарному делу.

Шел 1949 год. В стране ведется борьба с "безродными космополитами". Тоталитарная система не могла чувствовать себя уверенно без "врага". И его придумали. Евреев обвиняли в том, что они, дескать, не патриоты своей родины. До боли в сердце обидно было Льву Гитману. Он и тысячи других евреев мужественно воевали с фашизмом, каждый второй пролил кровь, каждый третий сложил голову за Родину. И вот такая клевета!

В то время первым секретарем днепропетровского обкома партии был еще молодой и, казалось, добродушный Л.И. Брежнев. На одно из торжественных собраний участников войны, где присутствовал и Лев Гитман, в окружении соратников и охранников МГБ прибыл сам Леонид Ильич. Были выступления, поздравления. Случайно взглянув на Гитмана, Брежнев с приятной улыбкой заметил:

- Пора, герой, старую гимнастерку снимать. Война давно закончилась.

- Космополитам вроде и не пристало особо наряжаться, - отшутился герой.

- Не понял. Что вы имеете в виду? - спросил Брежнев.

- А то, Леонид Ильич, что в стране безобразия творятся, - не сдержался сержант. - В газетах на чем свет поносят так называемых космополитов, дико, без зазрения совести врут. Можно было бы посмеяться над этим бредом, если бы... - он не договорил, закашлялся..

- Что "если бы"? - насторожился Брежнев.

- Если бы, - продолжал Гитман, - за лживыми словами не следовали позорные дела. Извините, но ведь это так.

- О каких делах вы говорите?

- Вам, вероятно, известно, Леонид Ильич, что евреев не принимают на работу, в вузы, увольняют без причины. Я уже не говорю о моральном унижении.

- Смелый, смелый... Сразу видно - герой! Значит, безобразия в стране, говорите?

- Как же, Леонид Ильич, иначе назвать то, что нынче происходит у всех на глазах? Лучше бы власти за тех взялись, кто ворует, гребет себе, где только можно. Такие есть даже среди высокопоставленных лиц. А копья почему-то ломают из-за каких-то вымышленных космополитов.

- Нехорошо говоришь, - мрачно произнес Леонид Ильич. - Нехорошо...

Из-за спины Брежнева выглядывали какие-то непроницаемые физиономии, сверля Гитмана холодными, недобрыми глазами. Скорее всего, уже тогда Гитман попал в "черный список" МГБ как "неблагонадежный".

Проходили дни, месяцы. Стоящие у власти придумали новых "врагов". На сей раз это были "врачи-отравители", преимущественно евреи. Последняя кровавая акция Сталина, к счастью, не была завершена — "великий отец всех народов" своевременно скончался. Врачей оставили в покое. Но "черный список" МГБ остался. Подобно злобной кобре, его составители выжидали момента, чтобы ужалить свои жертвы. Одной из них оказался Лев Гитман. Его вызвали в прокуратуру и уведомили о возбуждении против группы работников школы-интерната, в том числе и против него, Гитмана, уголовного дела "за хищение социалистической собственности". Причисление инструктора к группе школьного начальства, далеко не безупречного, было настолько нелепым, что бывший сержант даже не удивился.

- Руки мои и совесть чисты, — спокойно сказал он. - А за других я не отвечаю.

- Следствие покажет, - так же спокойно возразили ему.

Возвращаясь из прокуратуры, Лев Абрамович невольно вспомнил разговор с Брежневым, и его осенила догадка: вот он, коварный результат! Значит, не забыли соратники Леонида Ильича дерзости еврея, хотя самого Брежнева давно не было в Днепропетровске - пошел на повышение. Да, не забыли... И теперь ему инкриминируют именно то, в чем когда-то он обвинил высокопоставленных хапуг.

Репрессивные жернова заработали. Следователи прокуратуры старались во всю. Но когда дело передали в суд, судья Лукашев, человек порядочный и мужественный, не нашел в грубо сфабрикованном деле Гитмана состава преступления, чем не на шутку разгневал власть имущих. Он был немедленно смещен с должности, а другой судья, тоже нисколько не сомневавшийся в невиновности Гитмана, не устоял против нажима "сверху"...

- Льва, - рассказала жена Гитмана, - приговорили к 10 годам лишения свободы. А ведь никакой вины за ним не было, кроме той, что родился евреем. И надо же было ему, еврею, сказать неприятные слова партийным руководителям. Сколько слез я пролила! Как же так? Участник войны, отдавший родине свою кровь и здоровье, честный человек, по прихоти недобрых людей оклеветан, лишен свободы, чести, звания Героя...

- Но слезами делу не поможешь, - продолжала Мария Семеновна, - я поехала в Киев к заместителю председателя Верховного Совета Украины С.А. Ковпаку, бывшему командиру партизанской армии. Сидор Артемьевич хорошо меня принял, внимательно выслушал, поинтересовался, за что присвоили Леве звание Героя. Обещал помочь. И помог — частично: срок мужу сократили вдвое. Но даже 5 лет тюрьмы для Левы, израненного, больного человека, гибельны. Я не успокоилась. С ходатайством уважаемых людей Днепропетровска (36 подписей) я пошла в обком партии. Не пустили. Несколько раз приходила на Ворошиловскую улицу, к богатому особняку, где жил тогда первый секретарь обкома Антон Гаевой. Тоже не пустили, будто железобетонная стена стояла на моем пути. Все же рук не опускала. Где только силы брались! Я готова была идти до конца. Ценой невероятных усилий мне удалось все же добиться приема у местного руководителя. В просторном кабинете обкома партии сидели за столом Гаевой, лет пятидесяти, сытый, самодовольный, и второй секретарь Толубеев, молодой, розовощекий.

- Антон Иванович, — обращаюсь к Гаевому, - мой муж, Лев Гитман, оклеветан, без вины виноватый. Он честный человек, герой войны, инвалид, а его томят в тюрьме. Прошу вас...

Гаевой оборвал меня:

- Нечего просить. Заслужил - посидит. Органы знают, что делают.

Это сказал человек, погрязший в коррупции, матерый вор и взяточник. Впоследствии, припертый к стенке непроверяемыми уликами следствия, он вынужден был застрелиться.

- Антон Иванович, - говорю, - мой муж никогда чужой копейки не взял. Вот убедительные документы. Я собрала... Прошу вас, окажите содействие! Он кровь пролил за Родину. Умоляю!

- Я уже все сказал, — нетерпеливо произнес Гаевой. - Мне добавить нечего.

- Но справедливость должна быть! - закричала я.

Толубеев, до этого молчавший, поддержал хозяина:

- Успокойтесь. Мы, гражданка, уголовников не опекаем. До свидания.

У этих бессердечных людей были безжалостные стеклянные глаза. Я заплакала и вышла из кабинета с чувством, как будто меня побили, плюнули мне в душу. Потом была амнистия 1961 года. Леву досрочно освободили. Как он постарел! В свои 39 лет выглядел на все 50. Долго без работы не оставался, поступил слесарем на завод "Красный металлист", его портрет не сходил с заводской Доски почета. Но покоя не было, душевная боль не покидала его. Он обращался в разные инстанции с просьбой о реабилитации, возвращения ему военных наград. Безрезультатно! В те годы партийная пропаганда придумала очередного "врага" — сионистов. Их всячески чернили, особенно после Шестидневной войны и войны Судного дня. Публичная ложь, направленная в русло антисемитизма, разрасталась, как чертополох на пустыре. В условиях юдофобской истории Леве трудно было бороться за свою честь.

- Куда идем? - с грустью спрашивал Лева. - Что будет?

Моральная угнетенность пагубно сказалась на его и без того слабом здоровье. Работать он уже не мог. В последние годы почти не выходил из дому, с трудом передвигался по комнате.

Так и не дождался Лева реабилитации. Он умирал тяжело, в марте 1979 года, на 57-м году, он скончался. Перед смертью он говорил: "Смерть не страшна, ужасно, что ухажу обесщеченным".

Теперь ему ничего не нужно. Ну а как быть нам, живым? Как смириться с учиненной над ним расправой?

Мария Семеновна показала посланные ею в разные инстанции письма и днепропетровскую еврейскую газету "Алевай" ("Дай Б-г"), в которой в поддержку ее просьбам было опубликовано обращение городской общественности, ранее отправленное в Верховный Совет и Кабинет министров независимой Украины.

- Уже более 38 лет я добиваюсь справедливости, - говорит Мария Семеновна - и не успокоюсь, пока не восстановлю честное имя Левы, его звание Героя войны, добытое любовью к Родине, отвагой, кровью... Я буду бороться, даже если для этого потребуется весь остаток моей жизни.

ЧЕЛОВЕК МУДРОГО ЮМОРА

Аידען אױעי יא

Ефим Зозуля? — может спросить иной читатель нового поколения. — Что-то не знаю такого.

Охотно этому верю. И потому позволю себе сразу же привести коротенький рассказ-новеллу несправедливо забытого писателя.

"Был один медник, очень недовольный жизнью. Ему ничего не нравилось. Лицо у него было косое, злое и испуганное. В будни он работал, а в праздники бродил по городу, изливался желчью и все критиковал. Но никому о критике своей не говорил. Боялся.

Так прошло тридцать лет.

К косому и испуганному лицу его прибавилась седая, косая, ехидная борода. А он все злился и все критиковал.

Наконец решил излить злобу. Придумал пакость.

Сам изобрел и выстроил огромную медную трубу, которая, если завести в ней особую пружинку, могла прорычать на весь город самое неприличное ругательство.

Десять лет он строил эту трубу. И вот ночью собрал трубу, высунул в окно, завел пружину на семь часов утра, затем быстро уложил свои вещи, побежал на вокзал и — уехал.

В заведенный час труба прорычала свое ругательство. Но был уже рассвет. Пели петухи. Звенел трамвай. Грохотали телеги. Оглушительно свистели поезда.

И рев медниковой трубы потерялся в звуках жизни. При синем небе и восходящем солнце, в свежей радости утра неприличное слово прозвучало, как благословение.

А отсутствия старого медника никто не заметил".

Эта, на первый взгляд, простенькая, несколько забавная притча пронизана тем светлым жизнеутверждающим мировоззрением, лежащим в основе всего творчества Зозули.

Нелегкими были молодые годы писателя. Он познал и изнурительный труд чернорабочего, и издевательскую муштру царской казармы, и неволю тюремной камеры за участие в революционном движении. Но это не мешает ему получить серьезное самообразование, изучать философию, увлекаться учением Спинозы, увлекаться искусством, писать о нем статьи, которые, впрочем, никто не печатал.

Но никакие жизненные испытания не лишают его оптимизма, тяги к творчеству. И он добивается своего — его рассказы, новеллы, очерки появляются в печати.

Я познакомился с Зозулей в бурном восемнадцатом году в Киеве и как-то сразу с ним подружился. Уже тогда он мне понравился своим добродушным лукавым юмором, какой-то мудрой рассудительностью. Острсюжетные события, и это естественно, происходили не только в политической и общественной, но и личной жизни людей. Под гром и тревоги гражданской войны люди жили своей жизнью: влюблялись, ревновали, сходились, расходились. Как-то Зозуля познакомил меня и моего брата Михаила со своими друзьями из Москвы — поэтом Александром Вознесенским и его женой актрисой Верой Юреновой. И так случилось, что между Михаилом и Юреновой начался роман. Зозуля был этим крайне недоволен.

- Зачем это? - говорил он мне, слегка потряхивая головой (у него был легкий тик). - Не будет из этого ничего хорошего.

И, как положено писателю, мыслящего образами, продолжал:

- Застанет их Вознесенский, ударит Кольцова палкой, выбьет глаз. Что тут хорошего?

- Зозулечка, — засомневался я. - Ну, почему обязательно выбьет глаз? Может быть, обойдется серьезным разговором?

- Не знаю, не знаю, Боречка, мне представляется именно такая картина. Палкой в глаз.

Это предположение, не скрою, весьма меня напугало, и я даже решился заговорить на эту тему с братом, но он только от меня отмахнулся. Действительно, никаких трагедий не произошло — Вознесенский примирился с фактом и скоро нашел утешение в лице одной из слушательниц созданной им Студии экранного искусства, а Кольцов и Юренева вступили в добрые супружеские отношения.

- Ну вот, Зозулечка, все и обошлось, — сказал я.

- Жизнь — это сложная штука, Боречка, - наставительно и с легкой улыбкой ответил он. — Одна семья распалась, другая образовалась. Глаз остался, но осталась и палка.

Начавшаяся в Киеве дружба с Зозулей, крепкая, искренняя, душевная, продолжалась и в Москве.

Зозуля был в числе маленькой группы писателей и журналистов, по инициативе которых в 1923 году возник журнал "Огонек". Он с увлечением и жаром окунулся с первого же номера в работу по редактированию и выпуску журнала, с радостью вдыхая в себя, как он сам выражался, "воздух типографии — нежную и суровую смесь краски, скипидара, свинца и пыли". Пятнадцать лет Зозуля проработал в руководстве "Огонька". С его именем связано также создание популярной Библиотечки "Огонька".

Редакционная работа сочеталась у него с писательской. Из-под пера Зозули выходит ряд рассказов и новелл. Его литературная манера отличается какой-то особой, присущей ему острой наблюдательностью, вдумчивым и зорким интересом ко всем бесконечно большим и бесконечно малым явлениям окружающего мира. С неиссякаемой писательской любознательностью Зозуля подходит к сложной путанице человеческого общества. Он смотрит на жизнь не через натуралистические очки, а прибегает к социальной фантастике, образно говоря, чередуя в своих руках микроскоп и телескоп, рассматривая то обобщенные социально-философские схемы ("Гибель главного города", "Рассказ об Аке и человечестве", "Студия любви к человеку"), то ничтожные происшествия серенькой жизни маленьких людей ("Прислуга", "Хлеб", "Тиф").

Много и плодотворно трудясь как писатель и редактор, Зозуля одновременно вел большую общественную работу как воспитатель литературной молодежи. Он организовал при "Огоньке" известные литературные декадни, на которых для чтения и обсуждения новых стихов собирались за "круглым столом" молодые поэты. При отеческой помощи и внимании Зозули многие из них именно на страницах Библиотечки "Огонька" увидели свои произведения впервые напечатанными. Среди них ставшие впоследствии широко известными, С. Михалков, К. Симонов, Е. Долматовский, М. Алигер, С. Васильев, Я. Смеляков и другие. Вот как вспоминает об этом поэт Сергей Васильев:

*Áúĕ òàĕĭĕ Áóĕì Ćĭĉĕÿ,
ăđăĭĭÿòĭâ ĭ ĭĕĭâúă,
ĕâĕ ĭĭ ĕĭĭ ĭ âĭă, áúââĕĭ,
âĭâĭâĕĕ ĭĭ â ĕĭpâĕ ĕă.
...Âĭă òâĭ áúĕĕ — âĕĕ-ĭĕĕĕ,
ĭ â-ĕĭâĕĕ ĭ óòŭĭâĉĭâ —
Ĭ ĕăâĕĕĭâ Ĭĉâĭĕĭ, Ĕâăđĕĭ,
Ĕĭââĕĭĭĕĭâ Ĕâĕâĉĭĭâ
Âĭă ĭ âò âăđăĭ òâĭ ôâââĕĕ*

Îò çàæàáí îé áóéâí "À" —

Àèèãîð è Áîèì àò îâîèéé,

è îîéîðí úé ààø îèóâì

В середине 20-х годов после долгого перерыва стали возможными для советских граждан зарубежные поездки, и мы задумали с Зозулей поехать в Берлин. То была нелегкая затея — получить французскую визу на советский паспорт представлялось невозможным. Нам пришлось приложить немало усилий, чтобы устранить все препятствия. В то же время при пересечении нами германско-французской границы никто не поинтересовался ни нашими паспортами, ни нашими визами. Мы просто перешли с одной вокзальной платформы на другую и сели в поезд, который через несколько часов доставил нас на Гардю Нор (Северный вокзал) Парижа. Не зная усталости бродим по улицам, площадям и бульварам знаменитого города, поднимаемся на Эйфелеву башню, не без волнения стоим у импозантного мемориала Наполеона, гуляем вдоль бурлящих Елисейских полей, по узкой каменной лестнице поднимаемся на вершину Собора Парижской Богоматери, почтительно стоим у стены Коммунаров на кладбище Пер-Лашез. Короче говоря, совершаем классическое, элементарное знакомство с достопримечательностями Парижа.

...Промчались годы. И все они были отмечены неизменной, "нержавеющей" дружбой с Кольцовым и со мной. Но пришли тяжелые времена. Безвременная гибель Кольцова была тяжелым ударом не только для меня, его родного брата, но и для Зозули, его ближайшего друга. Само собой, он был не только отстранен от работы в "Огоньке" — перед ним закрылись двери издательств, произведения его больше не печатали.

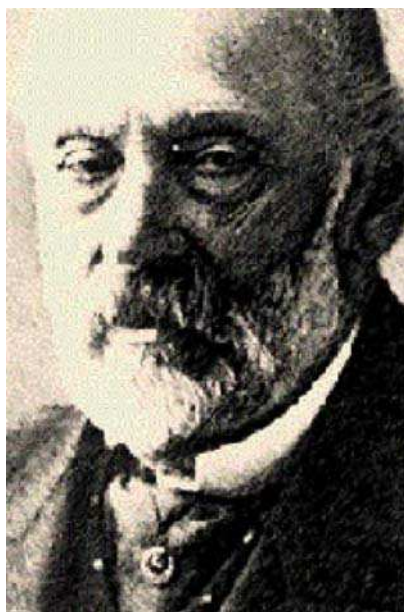
...Писатель Ефим Давыдович Зозуля погиб на фронте суровой военной осенью 1941 года. Четвертого июля пятидесятилетний писатель ушел в ряды московского ополчения. Ушел, чтобы драться за свою страну, за свою Москву, в которой он родился, за все, что он любил и чем дорожил в жизни.

Ушел, чтобы больше не вернуться в свою маленькую семью, к своим незаконченным рукописям...

АРМИНИЙ ВАМБЕРИ: ВЫСТРАДАННАЯ ЖИЗНЬ

Ėàçàðì Ĩ ààĭ ààð

То был маленький, хромой еврейский мальчик. Звали его Герман Вамбери"... Так начинается рассказ писателя Николая Тихонова "Вамбери" о знаменитом венгерском путешественнике, первом из европейцев, совершивших путешествие по Средней Азии и благополучно возвратившихся оттуда. Опубликованный в 1925 году, рассказ переиздавался многократно как в виде отдельного издания, так и в сборниках автора. В Израиле он вышел в серии "Евреи в мировой культуре".

О Вамбери писали и другие авторы, чаще, как и он сам, они звали его Арминий, Арминиус. В молодости мало кто его знал, а в юности антисемитски настроенные учителя произносили его еврейское имя с явной насмешкой, а в дальнейшем ему приходилось принимать совсем иные, нееврейские имена и не раз слышать оскорбительное "жид". Но он стал всемирно известным ученым, и к нему уже обращались "господин Вамбери" или "профессор Вамбери".

Его причисляли к различным конфессиям. В Персии его считали персом-шиитом, в Турции — турком-суннитом. В некоторых источниках, в частности в Еврейской энциклопедии, сообщается о принятии им ислама, в других утверждается, что он перешел в католичество или протестантство, и все это не соответствовало действительности.

Вамбери совершил два путешествия в Азию. Первое не выходило за границы Турции. За четыре года пребывания в этой стране (1857—1860) он изучил ее язык и обычаи, стал известным в Европе журналистом, был избран членом-корреспондентом Венгерской Академии наук.

Всемирную известность Вамбери принесло второе путешествие, когда он с караваном дервишей посетил святые города мусульман Востока и описал их в 1864 году в книге "Путешествие по Средней Азии. Из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 году с научной целью по поручению Венгерской Академии в Пеште, членом ее А. Вамбери". Книга была переведена почти на все европейские языки, в том числе на русский.

В 1883 году Вамбери опубликовал автобиографическую повесть "Жизнь и приключения Арминиуса Вамбери, описанные им самим". Книга имела большой успех, автор получал письма из разных стран мира и, к своему удивлению, узнал, что читателей весьма заинтересовали факты его биографии. Это побудило Вамбери в дальнейшем более полно описать свою жизнь, в результате чего в 1904 году появилась книга "Моя жизнь", в английском лондонском оригинале "The struggles of my live".

В 1913 году в серии "Приключения знаменитых путешественников" вышла книга о Вамбери известного библиографа и писателя Н.А. Рубакина "Среди опасностей". После упомянутого выше рассказа Н. Тихонова в 1928 году корреспондент журнала "Вокруг света" Г. Голубев в книге "Необычные путешествия" изложил свою версию путешествия Вамбери "Под чужим именем".

В этих увлекательных повестях, рассказах и статьях о Вамбери его путешествие характеризуется как "грандиозное", "знаменитое", "отважное", а он сам — как один из наиболее выдающихся исследователей и специалистов по Средней и Центральной Азии, мусульманскому миру вообще.

Следует, однако, отметить, что во всех этих произведениях основное внимание уделялось второму путешествию Вамбери; очень мало говорится о первом путешествии и практически ничего — о жизни ученого после его возвращения в Европу.

Наиболее полной представляется уже названная книга самого ученого "Моя жизнь". В предисловии к ее русскому изданию переводчик В. Лазарев рассказывает, что

Вамбери на редкость доброжелательно отнесся к предложению московского издательства "Наука" выпустить его книгу и намерен был включить в нее дополнительную главу. Но 15 сентября 1913 года ученый скончался. Книга вышла в России через год без дополнений автора. "Это не только жизнеописание выдающегося человека своего времени, знаменитого ученого, лингвиста и этнографа, политика и географа, — пишет В. Лазарев. — Его жизнь необычайно занимательна сама по себе, независимо от того, что это жизнь крупного человека, героически смелого и талантливого".

Вамбери прожил 80 с лишним лет. Точной даты своего рождения он не знал, так как в то время в Венгрии закон не обязывал евреев вести метрические записи. Со слов матери он считает, что родился в местечке близ венгерского городка Прессбург (ныне — Эстергом) незадолго до смерти отца, в 1831 или 1832 году. Вторая дата чаще фигурирует в различных источниках, в частности она названа в Большом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

Отец Вамбери был религиозным евреем, способный просиживать за Торой и Талмудом дни и ночи. Глубокая вера неграмотной матери, практичной и энергичной женщины, по воспоминаниям сына, каким-то странным образом сочеталось с трезвым взглядом на жизнь. От нее сын унаследовал замечательную память, от отца — любовь к книгам.

Оставшись в 22 года вдовой, мать открыла трактир и вначале успешно вела дела. Но через два года она неудачно вторично вышла замуж, и все ее усилия сохранить относительное благополучие ни к чему не приводили. "Так называемые светлые дни детства для меня лично были днями страданий и беспросветной нужды" — писал о своем детстве Вамбери. Он жил впроголодь, ходил в лохмотьях, часто босой. Единственный заработок ему приносила продажа пива аптекам, которых он ловил в окрестных болотах.

В раннем детстве в одно недоброе утро он почувствовал боль в левой ноге. От появившейся хромоты он не смог избавиться никогда, несмотря на все попытки матери излечить сына с помощью врачей и знахарей. Пришлось пользоваться костылем.

Неграмотная, но мудрая женщина понимала, что у сына блестящие способности, видела, как он тянется к знаниям, и отдала его в небогатую еврейскую школу. Хромой мальчик сразу выдвинулся среди других учеников, и когда какой-либо еврей приводил своего многообещающего сына в школу, вызывали Вамбери, чтобы продемонстрировать усердие и талант... учителя. Ученик демонстрировал прекрасное знание Торы с комментариями, мог читать наизусть длинные отрывки из нее.

Но необходимость помогать семье вынудила его покинуть школу и пойти в учение к знакомой матери дамской портнихе. Шитье не интересовало мальчика, и он ушел, чтобы поступить в монастырскую школу. Нужда не покидала его. Пообедать удавалось не чаще одного-двух раз в неделю, жить приходилось, где придется. Зато уже в первом классе он освоил латинский язык, в конце года ему вручили похвальный лист, где золотыми буквами было вписано его имя. Мать с гордостью показывала награду соседям и говорила: "Отец был замечательный ученый, и мальчик весь в него".

Новый учитель второго класса посоветовал "Мошеле", так он его звал, стать шойхетом и продавать кошерное мясо, но все же разрешил ему продолжать учебу. Он даже получил работу в монастыре — чистить обувь и одежду наставникам, что позволило ему познать несовпадение того, чему монахи учили, тому, как они себя вели. Однажды его облачили в рясу и заставили отслужить раннюю обедню вместо отсутствующего по неизвестной причине монаха. Никого не смутило, что молитву читает еврей.

Над бедным мальчиком издевались не только ученики, но и учителя, особые насмешки вызывала его хромота. Кончилось тем, что он сломал и выбросил свой костыль, а за ним и палку, которая некоторое время его заменяла. Единственное утешение приносили книги.

Летом ему удалось съездить на каникулы к дальним родственникам в Вену (Венгрия тогда входила в состав Австрийской Империи). Принят он был хорошо, ему посоветовали искать работу в Пресбурге и дали деньги на дорогу. Но изголодавшийся мальчик истратил часть их на вкусную еду и на билет денег не хватило. По совету кассира он обратился за помощью к группе пассажиров, ожидавших поезда, на латыни и те, пораженные, без колебаний помогли ему.

В Пресбурге он поступил в третий класс такой же монастырской школы. Здесь, правда, его уже называли Гершеле, но жизнь мученика с постоянными поисками работы и жилья была та же. К этому времени он, кроме еврейского и венгерского языков и латыни, выучил еще и немецкий, и словацкий языки, появилась возможность как-то зарабатывать на жизнь уроками. Это была все та же жизнь впроголодь, спать приходилось чаще всего на скамейке или под ней. Но за три года учебы добавилось знание еще четырех языков — испанского, датского, французского и русского. Он мог читать в оригинале Пушкина, Андерсена, Вольтера, Гёте. Как образно пишет Тихонов, "Слова чужих стран входили в его голову, как бы играя. Он забавлялся их пестротой и музыкой. Он видел их, как видят картины или статуи. Они прыгали перед ним, и каждое означало что-нибудь новое, еще не известное ему". Его девизом было: "Хоть одну строчку в день". Он сам устанавливал себе задания и сам наказывал себя в случае их невыполнения. За свою жизнь Вамбери освоил более 20 языков европейских и азиатских стран. И не просто освоил, а изучил их диалекты, произношение, акценты, особенности.

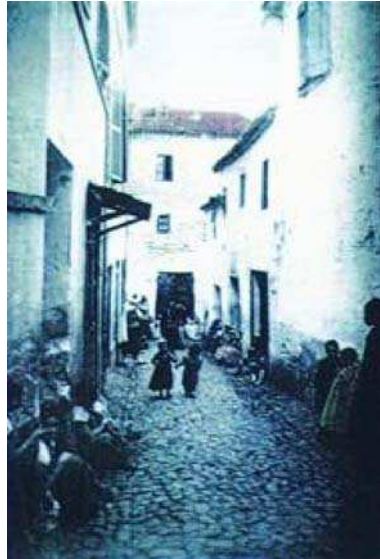
Борьба Венгрии за независимость, подавленная Австрией с помощью войск Николая I в 1848 году, сопровождалась в Пресбурге не только казнями венгерских

патриотов, но и еврейскими погромами, разорением еврейских общин. Вамбери возненавидел насилие, а к России на долгие годы сохранил неприязнь, которая прошла лишь в старости. Однажды, когда он беседовал со старым пастухом на берегу Дуная, к ним присоединилось несколько солдат, оставшихся в живых после боя и ожидавшие скорой гибели. Чтобы поддержать их, пастух рассказал солдатам, что всегда, когда венгров постигала беда, к ним на помощь приходили их братья, мадьяры из Азии. "Они и теперь придут к нам", — заверил их старик. На Вамбери рассказ произвел сильное впечатление. Он и раньше чувствовал тягу к Востоку, а теперь твердо решил побывать в Средней Азии, найти там мадьяр.

Погромы вынудили Вамбери покинуть Пресбург и поселиться в Пеште. Здесь он пробыл недолго, зарабатывая себе на жизнь выступлениями в городских кафе с декламациями на разных языках. Иногда удавалось снять койку на одного или на двоих. Теперь он был занят изучением арабского и турецкого языков.

Ему уже перевалило за 20, он устал от бесконечных мытарств и решил уехать. Ускорило это желание одно обстоятельство. Он жил тогда и работал учителем в Четени в доме арендатора. Жилось ему в этой семье неплохо. Но однажды в дом ворвались разбойники, связали всех и ограбили. Полиция заподозрила участие в происшедшем Вамбери, так как именно он открыл дверь, когда постучались разбойники, и только заступничество хозяина спасло его. Незадолго до этого умерла его мать (как рассказывали, с его именем на устах), и теперь его ничего не связывало с Венгрией.

В 1856 году Вамбери отправился в Стамбул (Константинополь). Началось его первое путешествие на Восток, в Азию. На палубе парохода, плывшего через Босфор, путешественник от избытка чувств — он впервые видел море — запел сонеты Петрарки, чем привлек внимание повара, оказавшегося итальянцем. Завязалось знакомство, Вамбери увлеченно рассказывал повару об итальянском искусстве, а тот его отменно кормил. В Стамбуле Вамбери, разумеется, никто не ждал, и снова началось бездомное голодное существование. По счастью, через некоторое время он встретил венгерца Песпеки, бывшего руководителя общества венгерских эмигрантов, бежавших сюда от преследования австрийцев. Песпеки поместил приятеля в опустевшее помещение общества, где оказался даже диван для сна, накрывался он бывшим полковым знаменем. Вскоре Песпеки устроился поваром на пароходе, и Вамбери вернулся на улицу. К этому времени у одного обеспеченного чиновника, которому по роду работы приходилось часто разъезжать, умерла собака, а жена его боялась оставаться одна, и Вамбери было предложено место сторожа в доме. За это он получил в свое распоряжение приличную комнату. Ночью он сидел над книгами, а днем бродил по городу, его базарам и кофейням, изучая турецкий и персидский языки, их разновидности, произношение. Огромную радость он испытывал, когда собеседник принимал его за земляка. В кофейнях, где встречались турки, персы, греки, арабы, европейцы, Вамбери зарабатывал себе тем, что как когда-то в Пеште, читал стихи посетителям на их родном языке. Слушали его очень внимательно, казалось, он гипнотизировал любителей поэзии.

"При помощи слова, — писал Вамбери, — мне удавалось достичь самых невероятных результатов, делая сердца твердыми, как скала, или мягкими, как воск". Различие в вере и национальности не имело значения. Вамбери убедился в силе своего красноречия: "Отправляясь в путешествие по Азии, я знал, что обладаю великим орудием власти, и благодаря этому избежал в дальнейшем немало всяких неприятностей".

В книжных лавках Пере, престижного района Стамбула, Вамбери вывесил объявление, предложив услуги в качестве преподавателя восточных и западных языков. Откликнулись двое: богатый турок, пожелавший изучить французский язык, и датский консул, которого интересовало чтение деловых бумаг и газет на его родном, датском языке. "Я не мог и подумать, — вспоминал Вамбери, — что придется обучать дипломата языку той страны, которую он представляет".

В доме турка Вамбери познакомился со всем высшим светом столицы, его обычаями. Он не только учил, но и учился сам. Через каких-нибудь три месяца ему не надо было подражать знатным вельможам — он научился говорить по-турецки в совершенстве, пользуясь самыми изысканными выражениями. Один из друзей турка, приближенный при дворе султана Махмуда, приказал своим слугам называть Вамбери решидом, что значит "доблестный", "честный", и — господином.

В доме Гуссейн Паши, где жил и учительствовал Вамбери, он мог узнать бытовые подробности, наблюдать за поведением прислуги, укладом гарема, этого символа женского рабства. Кстати, входить в гарем было запрещено, но Вамбери полностью доверяли, и однажды, когда у одной из жен разболелись зубы, его попросили сопровождать ее к врачу. Вскоре зубы стали болеть и у других обитательниц гарема...

Для путешествия в Среднюю Азию недостаточно было свободно владеть языком и знать местные обычаи. Надо было еще помнить магометанские молитвы, уметь их читать и петь, класть поклоны, поднимать руки к небу, закатывать глаза, благословлять, знать ритуалы... Для освоения всех этих премудростей Вамбери, первому из иностранцев, формально не принявшему ислама, было разрешено посещать медрес, высшую школу для изучения Корана. Помог ему в этом Рифат-паша, бывший министр иностранных дел, в доме которого Вамбери преподавал историю, географию и французский язык.

Но, как подчеркивает Вамбери, "ни я сам, ни мои высокопоставленные друзья никогда не думали о моем действительном переходе в ислам. И я был чрезвычайно далек от мысли переменить религию". Знание Корана и обычаев мусульман, а также учеба в медресе, по-видимому, и послужили поводом для упомянутого выше утверждения о принятии им ислама.

К 1860 году Вамбери был уже настолько сведущ в богословии, что мог активно участвовать в диспутах. Его приглашали на беседы высшие сановники государства, писатели, философы. Так, он познакомился с творцом турецкой конституции Мидхадом-пашой. Повсюду он встречал радушный прием: в одних домах как учитель, в других — как друг или гость. Принять гостя было для мусульман приятным и священным долгом, какие-либо классовые предрассудки при этом отсутствовали; визирь, министр, зять султана — все относились к Вамбери одинаково приветливо, никто не спрашивал о его происхождении, не интересовался, на какие средства он жил. За короткий период он стал близким другом видных и влиятельных сановников, единственным иностранцем, ставшим в Пере своим человеком. Он уже ни в чем не нуждался и мог заниматься наукой. В Пере был издан его первый печатный труд — немецко-турецкий карманный словарь, содержащий около 14000 слов; это была первая немецкая книга, напечатанная в Стамбуле. Затем последовали и другие словари. Знакомство с турецкими архивами позволило Вамбери опубликовать ряд статей по истории Венгрии в издании Венгерской Академии наук.

Жаждавшие новостей журналисты стремились получать у Вамбери интервью. Его репортажи появлялись в газетах Будапешта и Вены, он стал представителем сразу нескольких профессий: педагога, журналиста, историка, богослова, лингвиста (переводчика). В 1861 году Венгерская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом.

Он прибыл в Пешт и добился согласия президента Академии наук графа Десевфи субсидировать его путешествие на Восток с тем, что он "отправится в глубь Азии для изучения вопроса о происхождении мадьярского языка". На заседании комиссии выяснилось, что ее члены имели довольно смутное представление о нравах и обычаях Средней Азии. Один из академиков обратился к путешественнику с просьбой привезти с собой несколько татарских черепов для сравнения их с мадьярскими. Президент возразил на это: "Прежде всего пожелаем нашему сотруднику привезти свой собственный череп, так он лучше всего выполнит наше поручение".

Вамбери снабдили небольшим количеством денег и письмом ко всем сановникам Персии и Турции, ко всем ценителям науки, которых призывали оказать содействие в выполнении его миссии. В Средней Азии такое письмо могло погубить Вамбери, избличая в нем европейца.

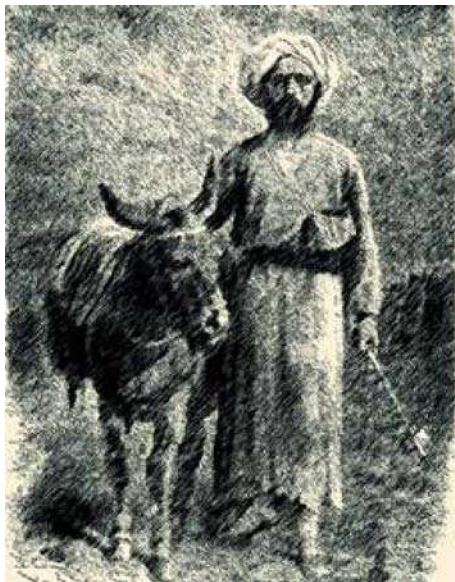
В марте 1862 года пароход доставил путешественника из Стамбула в турецкий порт на черном море Трабзон (Трапезунд), откуда он караванным путем через Эрзурум, Тебриз (Тавриз) и Казвин прибыл в столицу Персии Тегеран.

Началось второе путешествие Вамбери на Восток.

Персидское правительство, как и турецкое посольство в Тегеране, оказали покровительство турецкому эфенди, он мог беспрепятственно знакомиться со страной. Он ходил по караван-сараям, заводил знакомства среди диких паломников, путешественников, купцов, жил среди них, разделял их кров и пищу.

Жесткое седло, кусок черствого хлеба и голая земля для ночлега стали ему милее роскоши и комфорта. Он научился спать в седле, вскакивать на лошадь на полном ходу, ловко взбираться на верблюда.

Он знакомился также с персидской интеллигенцией, но взаимопонимание находил далеко не всегда. "Если ваши мыслители, — говорили ему, — действительно так велики и глубоки, для чего же вы переводите наших Ваади и Хайяма? Мы имеем мало желания знакомиться с вашими классиками".

Кроме турецкого и персидского языков, Вамбери освоил узбекский, туркменский, киргизский и татарский, обряды и обычаи мусульман он знал не хуже любого муллы. И был вполне готов начать путешествие к заветной цели — в Среднюю Азию, к "благородной" Бухаре и "сияющей точке земного шара" Самарканду.

Но вся эта обширная территория была поделена ханами и эмирами на свои владения и закрыта для европейцев. Появление там френги (презрительная кличка европейцев) грозило им мучительной смертью. До Вамбери два англичанина, проникшие в Бухару, были после пыток в эмирских застенках публично казнены, а их головы выставлены для всеобщего обозрения.

Свободно перемещаться по городам Средней Азии могли лишь "святые паломники" — дервиши. Для паломничества они обычно объединялись в караваны во главе с караван-баши, приказания которого беспрекословно выполнялись. Дервиши были вхожи в любой дом, и даже всемогущий эмир спрашивал их благословения.

Через Тегеран постоянно проходили караваны дервишей, направляющихся из Средней Азии в священную Мекку и обратно. В турецком посольстве они получали небольшое пособие, и двор посольства всегда был полон "гостей".

Вамбери решил присоединиться к одному из караванов, возвращавшихся из Мекки в Бухару, и под видом дервиша совершить свое путешествие. Отговорить его от опасного замысла не удалось, и турецкий посол выдал ему паспорт на имя Хаджи-Мехмед-Решид-Эфенди. Паспорт был скреплен печатью и подписью султана, к которому мусульмане относились с особым почтением.

Вамбери, не побывавший в Мекке, не должен был именоваться "хаджи" (паломником, побывавшим в ней), но документ был необходим и не раз в дальнейшем спасал ему жизнь. Посольский доктор снабдил его пилюлями стрихнина, чтобы избежать пыток в случае разоблачения...

"Дервиш" Вамбери присоединился к каравану, направлявшемуся на северо-восток к Каспийскому морю. Началось знаменитое путешествие в глубь Средней Азии. Маршрут путешествия нанесен для иллюстрации на современную карту, в скобках приведены названия, принятые во времена Вамбери.

В.Верещагин. Дервиши в праздничных нарядах.

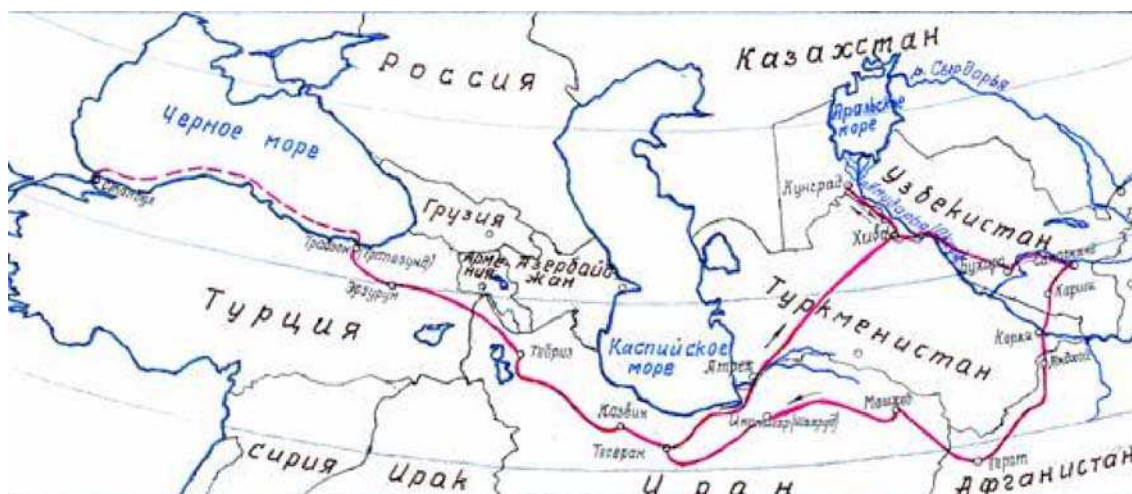
Из Тегерана через провинцию Мазандеран "дервиш" добрался до Балхского залива Каспийского моря, оттуда через туркменскую пустыню Каракумы в город Хиву, где караван остановился на месяц. За это время Вамбери смог спуститься на паруснике к дельте реки Амударьи (Оксун) и посетить древний город Кунград. Из Хивы караван, переправившись через Амударью и пройдя еще одну пустыню, Кызылкум, пришел в Бухару, а после некоторого пребывания в ней — в Самарканд. Обратный путь из Самарканда лежал через город Карши, повторную переправу через Амударью, Керки, афганские города Андхой и Герат, старинный персидский город Мешхед и, наконец, Тегеран.

Стихийные бедствия, землетрясение и песчаная буря, покрывавшая падавших людей и верблюдов толстым слоем песка и засыпавшая колодцы, нехватка воды при

нестерпимой жаре, разбойничьи нападения на караван, ритуальные омовения перед молитвой, в которых вода заменялась песком, еда из общего котла грязными руками, подчас покрытыми язвами, из-за чего под предлогом угодного Всевышнему воздержания приходилось от еды отказываться, — эти и другие картины караванной жизни подробно описаны путешественником.

Но самой страшной для Вамбери была угроза разоблачения. Цветом лица он не был похож на мусульманина, за ним постоянно следили, и малейшая неосторожность могла погубить его.

К тому же караван был выбран для него неудачно; хотя все дервиши были мусульмане и придерживались одной религии, они принадлежали к двум враждебным сектам — суннитов (турков) и шиитов (персов). Вамбери попал к персам-шиитам, и ему, турку-сунниту, приходилось постоянно слышать "суннит-пес" и грубую брань. Выручали память и знание языков; стоило ему начать читать с интонацией и акцентом шиитов какую-нибудь суру из Корана или отрывок из книг, одинаково священных для обеих сект, и раздражение уменьшалось или даже пропадало. "Нет, он еще не совсем погиб, из него еще может выйти хороший мусульманин", — говорили его враги. Наступило время, когда отношение к нему и вовсе изменилось; обширные познания, ясные ответы невежественным попутчикам сделали его уважаемым дервишем, слава о нем стала опережать караван.

Вамбери понял, что правителю каждого города, в который вступит караван, обязательно доложат об "ученом дервише" из Турции. Чтобы предвосхитить всякие слухи и случайности, он решил прежде всего самому посещать правителя и его высокопоставленных вельмож.

Так было и по прибытии в Хиву. Посещение хивинского хана было особенно необходимо, так как над Вамбери нависла смертельная угроза.

Еще по дороге в этот город к каравану присоединился человек, бежавший из Афганистана от англичан. Он сразу признал в Вамбери европейца, всячески его провоцировал, предлагал, обращаясь к караван-баши, оставить дервиша в пустыне, как шпиона, но поддержки не находил. В Хиве афганец рассчитывал доказать свою правоту в отношении "дервиша".

Едва войдя в ворота Хивы, Вамбери направился к советнику хана, старому Шюкруллах-бею, который бывал в Стамбуле и любил этот город. Старик был рад беседе,

они быстро нашли общий язык и даже общих знакомых. Советник представил мнимого дервиша хану.

Вамбери уже был наслышан о невежестве, жестокости и лицемерии ханов. Беседу с ними следовало начинать и кончать выражением радости от созерцания "благословенной красоты и мудрости" правителя, и тот милостиво принимал благословение от святого дервиша, одаривал его небольшой суммой денег и подарком.

Льстивые речи Вамбери оказались по нраву хану, он предложил ему деньги и осла. Денег "дервиш" не взял, а осла охотно принял — он должен был значительно облегчить передвижение и знакомство с отдаленными кишлаками.

Прием ханом "дервиша" способствовал его необыкновенной популярности среди жителей Хивы. Его приветствовали на улицах, приглашали в гости и щедро угощали, он ел через силу — отказываться не полагалось. Афганец был изгнан из каравана, больше Вамбери его не видел.

Не исключено, что Шюкруллах-бей догадывался о тайне Вамбери, он настойчиво советовал ему не посещать Бухару, предупреждая о возможной опасности. На всякий случай он снабдил его охранной грамотой: "Сим объявляется пограничным стражам и таможенникам, что Хаджи-Мулле-Абдул-Решиду-Эфенди дано позволение. Никто не смеет его останавливать".

В.Верещагин. Нищие в Самарканде.

Быт и нравы, которые наблюдал Вамбери в Хиве, присущие всей феодально-теократической стране под общим названием "Средняя Азия", подробно описаны путешественником.

Основными "законами" страны были полное беззаконие и неограниченный деспотизм правителя, будь то хивинский хан или бухарский эмир. Процветали ложь и лицемерие. Шпионы правителя присутствовали везде — на базаре, на улицах, в караванах, чайханах. К Вамбери неоднократно подсылали шпионов. Тирания внушила такой страх населению, что даже муж и жена, разговаривая с глазу на глаз, никогда не произносили имя эмира, не добавив "да продлит Аллах его жизнь до 120 лет". Люди постоянно должны были демонстрировать свою преданность правителю и религиозность. В Бухаре даже существовала особая должность "рейс" — надзиратель за религией, который в определенный положенный час отправлял всех в мечеть.

Эмир мог послать на смерть кого угодно и за что угодно даже из своего ближайшего окружения. Например, даже взгляд в сторону гарема грозил смертью.

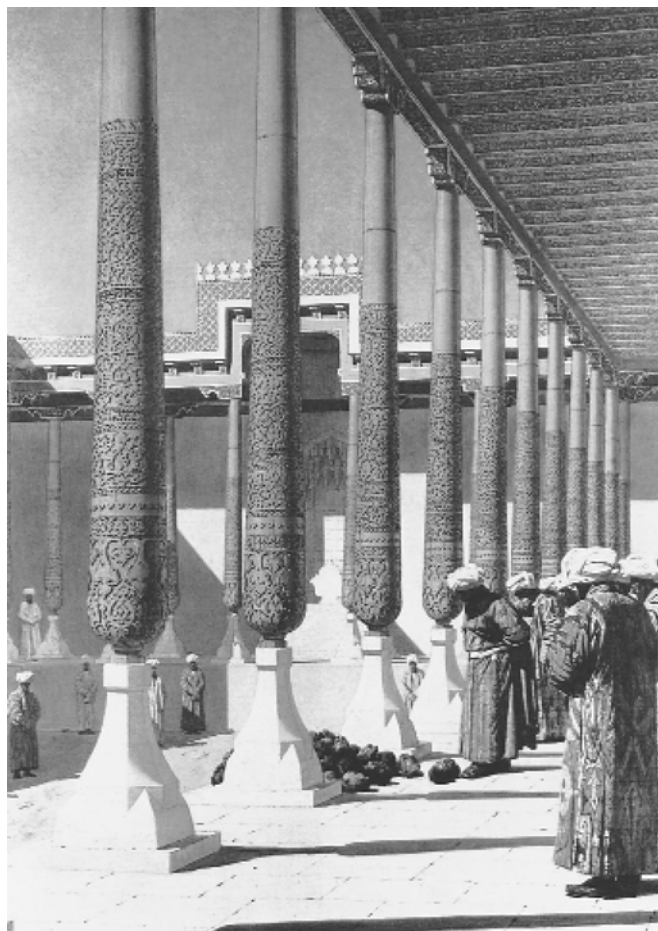
При этом бесчинствовали грабители и разбойники, племена нападали друг на друга, убивали, захватывали заложников с целью получения выкупа или обращения в невольников, рабов. За неприятельские головы хивинцы получали в награду от хана халат, качество которого зависело от количества сданных голов. Известная картина художника В. Верещагина "Апофеоз войны" (кстати, написанная в Самарканде) с пирамидой черепов в центре вполне может служить иллюстрацией к тем нравам.

Закованные в кандалы невольники-рабы подвергались всяческому унижениям, и Вамбери, когда ему их показывали, должен был напрягать всю свою волю, чтобы не выдать возмущения и сострадания. В Бухаре невольников продавали в рабство в возрасте от 3 до 60 лет. По религиозным законам невольниками могли быть только "неверные", но этим обычно пренебрегали. Недостойными быть невольниками считались одни евреи. Туркмены могли ограбить еврея, тела же его они не касались. Вамбери отмечает, что "такое отношение отнюдь не огорчало сынов Израиля".

Особенно тяжела была участь женщины. Она должна была беспрекословно подчиняться мужу, который мог ее унижить, прогнать и даже продать. На пути из Самарканда Вамбери встретил женщину, мать двоих детей, которую муж продал какому-то купцу. За подозрение в измене женщину ждала жестокая казнь: ее зарывали до половины в землю и избивали твердыми кусками земли.

Паломники не имели гаремов, но в разных селениях у них часто были жены и дети.

"Восточный человек рождается и умирает в маске, — писал Вамбери о жителях Средней Азии, — искренности здесь нет и быть не может".

В.Верещагин. Представляют трофеи.

Маска религиозности скрывала невежество, лицемерие и жестокость дервишей. Они могли продавать воду из соседнего колодца как святую, привезенную из Мекки, лечить глаза, посыпая их песком из той же Мекки; они охотно становились шпионами правителей. Им не полагалось иметь деньги, и они прятали их в подошвах обуви. Под лохмотьями их одежды Вамбери нередко видел шелковые подкладки. Некоторые дервиши за солидное вознаграждение отправлялись в святые места за своего богатого соседа.

Получило широкое распространение знахарство, больных лечили чтением молитвы из Корана. Вамбери еще у себя на родине видел, как монахи "излечивали" больных чтением Евангелия. Вся суть, отмечал он, в горячей и искренней вере больного, а не в том, в кого и во что он верит, во что верит исцелитель.

Не верующий в Коран Вамбери излечивал словами из него. Однажды он исцелил женщину, бившуюся в эпилепсии, при чтении над ней Корана больная успокоилась и выздоровела. В другой раз несколько женщин, потерявшие способность ходить, после его молитвы встали на ноги. Правда, тяжело больным молитвы не помогали.

Возраст некоторых городов Средней Азии, Хивы, Бухары, Самарканда, Карши и др., составляет сотни и тысячи лет. Их украшают многочисленные дворцы, медресе, минареты, мечети, гробницы святых. Во времена Вамбери здесь жили правители, учились студенты, звучали призывы на молитву, сюда стекались тысячи богомольцев. Путешественник подробно и красочно описал эти города с их архитектурными памятниками, окружающую природу.

Река Амударья, по его описанию, отличалась самой вкусной водой, а вдоль ее берегов сохранились остатки древних крепостных стен; с одной ее стороны простиралась пустыня со своим растительным и животным миром, с другой — девственные леса. Он видел цветущие сады городов-оазисов и грязную воду в их водоемах — источник болезней; роскошные дворцы правителей и врытые рядом в землю казематы, куда бросали тех, кто вызывал гнев правителя и куда рисковал попасть он сам.

В Хиве, отмечает Вамбери, много соловьев, но нет аистов, в Бухаре — наоборот. "Аисты стучат тебе клювом, вот и вся твоя соловьиная песня", — говорили хивинцы бухарцам. Поражает своей экзотикой восточные базары, в частности главный базар в Бухаре с его многочисленными куполами, под каждым из которых продается определенный товар.

В одних только Бухаре и Самарканде были сотни святых мест, привлекавших паломников. Посещая гробницы святых мусульман, Вамбери неистово плясал вокруг них и громко произносил молитвы вместе с другими дервишами, как того требовал обряд. Он изучал также надписи на плитах гробниц и стенах; некоторые, к его удивлению, оказались стихами. Эти святые были поэтами, и при захоронении учли их пожелания.

Наибольшим величием в Самарканде отличалось все, что было связано с легендарным завоевателем Тимуром (Тамерланом), особенно его мечеть и гробница. На ее плите из темно-зеленого нефрита нанесены арабские письмена и хранилась древняя рукопись священного Корана.

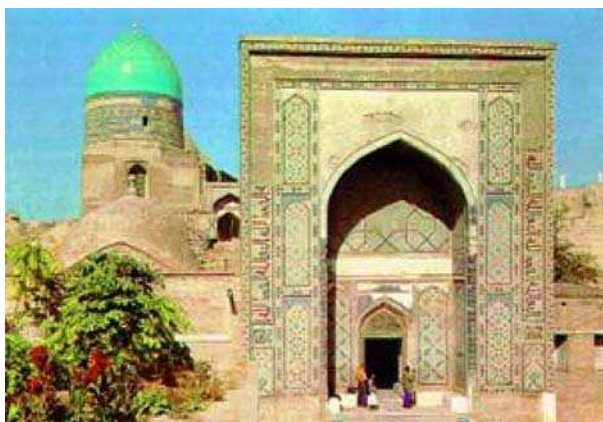
В книжных лавках Вамбери покупал уникальные древние рукописи, которые прятал в складках халата. Об их существовании в Европе никто даже не подозревал. Часто ему приходилось слышать венгерские слова, особенно от таджиков и персов. Объяснить это он тогда не мог.

Во время пребывания Вамбери в Бухаре эмира там не было. Он отдыхал после очередного похода в Самарканде. Вместо него путешественника принял сановник Рахмет-бей, который сразу заподозрил мнимого хаджи. Но в процессе беседы выяснилась любовь обоих собеседников к поэзии, нашлись общие любимые стихи, и Рахмет-бей не только снял свои подозрения, но даже дал Вамбери сопроводительные письма в Самарканд и Керки.

Короткая встреча с жестоким и властным эмиром состоялась в Самарканде. Эмир удивился тому, что хромой дервиш совершает такое трудное паломничество. Вамбери сослался на Тимура, который тоже был хромым, а завоевал полсвета. Эмиру, как раньше хивинскому хану, понравилась лесть "дервиша", он принял его благословение, наградил деньгами и халатом. Даже в страшном сне хану и эмиру не могло присниться, что они получат благословение от европейца, да к тому же еврея.

После встречи с эмиром Вамбери быстро покинул Самарканд — не стоило искушать судьбу — и присоединился к другому каравану, идущему в Терат. Его прежний караван уходил дальше, к Китаю. "Мне 31 год, — рассуждал он и вспомнил турецкую поговорку: "лучше сегодня яйца, нежели завтра курица".

И снова пустыня, переправа, сон на голой земле, ночные бдения...

Караван-баши старался брать как можно больше хаджи, чтобы среди них легче было прятать беглых невольников, плативших ему.

В Герате Вамбери посетил сановника города, взбалмошного молодого человека, ничего не понимавшего в государственных делах, но могущего помочь деньгами. Во время беседы сановник неожиданно воскликнул: "Клянусь, вы англичанин!" Вамбери не растерялся, показал свой паспорт и пристыдил молодого человека, который даже счел нужным извиниться перед ним. Другой случай мог закончиться трагически. После восьмимесячного перерыва Вамбери услышал под окнами сына афганского эмира Якуб-хана европейскую музыку. Это было так неожиданно, что он забыл о бдительности. Эмир, заметивший "дервиша", велел привести его к себе. Несколько лет спустя, попав в плен к англичанам, Якуб-хан рассказал сопровождавшему его английскому офицеру, что сразу узнал в Вамбери европейца по тому, что он притапывал ногой в такт музыке — на

Востоке так не делают. "Я спросил его, не европеец ли он, и получил отрицательный ответ". Якуб-хан не стал допытываться, решив, по-видимому, пощадить "дервиша".

Вамбери вернулся в Персию; смертельные опасности остались позади. В Тегеране его встретили восторженно, были многочисленные встречи, приемы. Он стал героем города. Русский посол в Тегеране уговаривал его переехать в Петербург. Ему надо было привести в порядок свои заметки, и на это ушло три месяца. Находясь во время путешествия под постоянным наблюдением, он не только не мог открыто вести записи, но и спрашивать названия мест, где находился караван, это вызвало бы подозрение, не шпион ли он. Изредка, ночью он позволял себе достать спрятанный в лохмотьях халата карандаш и что-то записать. Практически все надо было запоминать.

В.Верещагин. Хор дервишей, просящих милостыню.

Когда доступ в Среднюю Азию стал открытым, все последующие путешественники отмечали удивительную точность описаний Вамбери.

28 марта 1864 года ученый отбыл из Тегерана через Турцию в Пешт. Радость его была настолько велика, что он даже не заметил отсутствия торжественной встречи, хотя в Европе его имя уже "гремело" во всех газетах.

Родина приняла его совсем не так, как он ожидал и заслужил. Вот как он сам об этом пишет: "Если широкая публика встретила меня с распростертыми объятиями и даже не без чувства национальной гордости, то высшие слои общества, его руководящие круги проявили ко мне полное равнодушие и намеренное пренебрежение. Многих смущало то обстоятельство, что венгерец, которого повсюду в Европе воспринимают с таким почетом, — какой-то бродяга без роду, без племени и к тому же еврей".

Академия наук, которая, собственно, посылала Вамбери в путешествие, теперь не хотела ни слушать его, ни верить ему. Объяснялось это просто: академики не знали такой науки, как востоковедение, и им проще было игнорировать ученого или объявить его лжецом, чем признать свое невежество.

"Вот награда за полное лишений и опасностей путешествие, которое я предпринял во славу родины", — с горечью констатировал Вамбери.

Лондонское Географическое общество пригласило Вамбери сделать доклад о его путешествии. Но у него не было денег на поездку — ведь из путешествия он вернулся "бедным дервишем". Академия соглашалась субсидировать поездку, но при условии, что он оставит в залог единственное, что у него было, — драгоценные восточные рукописи! Ученый был возмущен и оскорблен, что и высказал президенту Академии.

В конце концов поездка состоялась. Доклад прошел триумфально, и от издателей не было отбоя. Появились авансы. Первые книги путешественника вышли на английском языке, потом на немецком и других языках.

Англичане очень тепло приняли ученого, просили его навсегда остаться в их стране. Но путешественника тяготили требования этикета, роскошь приемов и другие подобные особенности английского общества. На одном из приемов он познакомился со знаменитым английским путешественником Ливингстоном, и тот признался ему: "Как хорошо мне жилось в Африке; насколько свободнее я чувствовал себя там, среди нагих дикарей, чем сейчас в изысканном обществе с его мучительным этикетом".

Вамбери вернулся в Венгрию, намереваясь занять место профессора восточных языков философского факультета в Пештском университете. Венгрия тогда была еще австрийской провинцией, и такое назначение мог дать только император Франц-Иосиф. На аудиенции в Вене император утвердил прошение Вамбери, сказал: "Вы много страдали и вполне заслужили кафедры". Однако он выразил опасение, что у профессора по такой специальности может не оказаться студентов. "В таком случае я буду обучать самого себя", — ответил Вамбери.

Пештский университет считался католическим, и Вамбери был первым не католиком, назначенным императорским указом на профессорскую должность. Католическое духовенство отнеслось к этому весьма неодобрительно. Ректор университета прямо сказал ему, что только императорский указ заставляет его принять Вамбери. Его чернили и хулили, высказывали сомнения в том, что он, хромой — не мог совершить такое путешествие. "Еврей лжет, — утверждали некоторые, — он такой же хвастун и плут, как и все его единоверцы"; его называли даже скрытым протестантом, хотя, как он сам писал, ему одинаково было чуждо и католичество, и протестантство.

"Еретика" три года не утверждали в звании профессора, он оставался лектором с ничтожной платой. И это в то время, когда ученые европейских столиц давали ему восторженные отзывы.

Утвержденный в профессорской должности в 1865 году, он пребывал в ней 40 лет (с 1865 до 1905 года). Им написано около 20 книг, посвященных анализу жизни Средней Азии: этнографии, политике, географии, религии. В частности, им написана первая достоверная история Бухары и бухарского ханства. Его труды до сих пор являются ценным источником для изучения Средней Азии.

Домашних радостей у Вамбери было мало. Жизнь его омрачала болезнь жены, "милой и славной женщины, прохворавшей несколько лет подряд. И если бы не рождение сына, я так и не знал бы семейного счастья", — писал он.

Постоянными и верными друзьями, выручавшими его в трудные минуты, доставлявшими ему истинную радость, по его признанию, были книги, наука и труд.

До самой старости он продолжал работать, хотя бы по несколько часов утром и вечером. Он вел огромную переписку с друзьями в Европе, Азии, Америке. Приходили письма даже из Крыма и Сибири. Он мог диктовать сразу двум машинисткам на разных языках.

"Затрудняюсь сказать, — говорил он, — какой язык был мне родным. Обычное определение, что тот, на котором думают, не подходит по отношению ко мне, так как я могу думать на любом языке".

Один американский хирург просил прислать ему фотографию языка ученого в надежде установить зависимость лингвистических способностей человека от строения его органа речи.

В 1889 году Вамбери в очередной раз посетил Англию, где был приглашен королевой Викторией и королем Эдуардом VII на обед и осмотр библиотеки. Он с гордостью и благодарностью вспоминает оказанный ему прием. Когда понадобилась горячая вода для мытья рук перед обедом, вместо куда-то отлучившегося слуги ее принес принц Георг. "Мне, нищему еврею, прислуживает английский принц! Есть чему удивляться", — с восторгом пишет он.

"Вамбери, — обратился к нему король, — почему вы не при орденах?" Принцесса Луиза, которую гость по этикету должен был вести к столу, ответила за него: "Уж лучше бы, папа, профессору Вамбери прикрепить к сюртуку некоторые из его сочинений, это было бы самым лучшим его украшением".

Его принимал также Наполеон III в Париже, который счел для себя почетным встретиться со знаменитым путешественником.

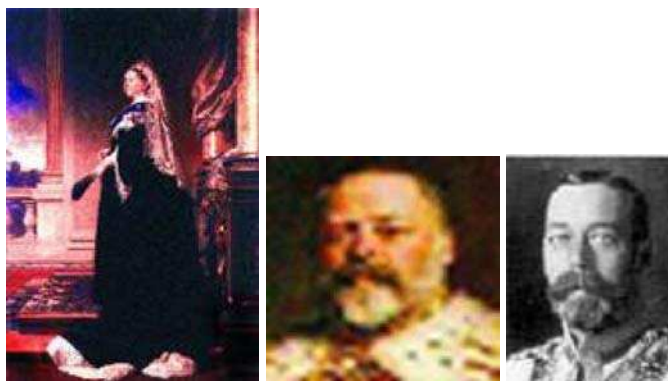
И только на его родине продолжалась демонстрация равнодушия правительства и Академии наук к нему. На коронационные торжества были приглашены все венгерские писатели и ученые, кроме Вамбери. Лишь через 12 лет после возвращения из Средней Азии он был избран в Академию — обойти его уже было невозможно. Зато, если надо было показать, что венгерская наука находится на европейском уровне, ссылались на Вамбери.

В числе выдающихся государственных деятелей Венгрии, отмечает Вамбери, не было ни одного еврея, и приходилось считаться с консервативной Веной.

Заслуживает внимания и Вамбери-публицист, тем более что укоренилось мнение ряда авторов о его русофобстве.

Путешествие Вамбери совпало с подготовкой к завоеванию Средней Азии Россией. В 1868 году пало Бухарское ханство, а в 1873 году — хивинское. Все туркменские земли также были объявлены российскими. Захватом в 1881 году крепости Геок-Тепе генералом Скобелевым завершилось присоединение Средней Азии к Российской Империи. Пленники и невольники-рабы были освобождены, рабство уничтожено. Англичане к этому времени установили фактический контроль над Афганистаном.

"Ради успехов цивилизации, — отмечал Вамбери, — мы должны пожелать полного успеха русскому оружию. Но не появится ли Россия непосредственно в Афганистане и северной Индии?" О своих опасениях он говорил в многочисленных статьях, выступлениях на конференциях, в обращениях к английскому правительству. "Беспристрастно разбирая вопрос, мы считаем себя вправе не одобрять равнодушие англичан к предприятиям русских в Азии. Это мое скромное мнение", — предупреждал он англичан. По его статьям делались запросы в парламенте, проводились дискуссии.

Королева Виктория. / Эдуард VII. / Принц Георг.

Его довольно резкие статьи удивляли даже англичан: почему иностранец выступает за их интересы более ревностно, чем даже их некоторые парламентарии? Симпатии Вамбери к Англии легко объяснить: он встретил в этой стране очень теплое, дружеское отношение после того как прославленная им его собственная родина фактически отвернулась от него. Играли роль и воспоминания о подавлении венгерского восстания 1848 года, погромах в Пресбурге, а также клеветническая кампания, начатая против него некой Ольгой Новиковой.

"Никто так не старался очернить меня в глазах англичан, как госпожа Новикова. Она сделала ряд открытий: что я вовсе не венгерец, а обманщик-жид; что я никогда не был в Азии; что моя деятельность направлена исключительно на то, чтобы испортить отношения между Англией и Россией... Однако ей нисколько не удалось поколебать своими ребяческими выходками моего положения и повредить моей популярности у англичан", — пишет Вамбери.

Он боролся не столько против России, сколько за сохранение любимой им Англией своего влияния, особенно в Индии. И когда в 1907 году между Россией и

Англией было заключено соглашение, началось сближение стран, исчезла и "русофобия" Вамбери.

Естественно, не мог ученый оставить без внимания проблему антисемитизма, с которым он сталкивался в течение всей своей жизни. "Евреи Европы, — писал он, — не имеют себе соперников по гонениям, хотя они, казалось бы, имеют перед другими иноверцами то важное преимущество, что легко усваивают язык и культуру народа, среди которого живут... Именно в Европе, столь гордой своей культурностью, оказались необыкновенно благоприятные условия для развития антисемитизма, этого позорнейшего явления современной цивилизации". Этот позор Европы, утверждал ученый Вамбери, не могут оправдать никакие религиозные, расовые и общественные соображения.

Корни антисемитизма, по его мнению, следует искать в способностях евреев и в тех свойствах характера, которые выработались у них под гнетом вечных преследований, и дали возможность занять видное место в общественной жизни разных стран. "Они нередко оказываются патриотами в большей степени, чем их соотечественники христиане". Он отмечает любовь евреев к своим родственникам и их стремление дать образование своим детям. Он призывает евреев оставаться евреями, "нас называют космополитами, что ж пусть будет так".

Вамбери был сторонником создания собственного еврейского государства, поддерживал сионистское движение, был дружен с его основателем доктором Т. Герцлем и как знаток Палестины и Турции часто оказывал ему помощь своими связями, консультациями, советами.

Родину венгров Вамбери так и не нашел. Хотя, по данным некоторых авторов, он был от нее совсем недалеко. Как показали исследования советских ученых, предки современных венгров жили, скорее всего, в степях Южного Урала и вдоль среднего течения Иртыша. Совпадение отдельных слов в венгерском и иранском языках, подмеченное Вамбери, объясняется соседством мадьярских племен с древними кочевниками-саки, говорившими на иранском языке.

В одном из посвященных Вамбери некрологов сказано, что "его жизнь была похожа на сказку, и веет от нее фантазией старых романистов, поэтов Востока".

С этим вряд ли можно согласиться. Жизнь ученого до самой старости была тяжелым трудом, часто сопровождаемым несправедливостью и обидами, а реальное описание диких нравов Востока, граничащих со средневековьем, отнюдь не является фантазией и далеко от поэзии.

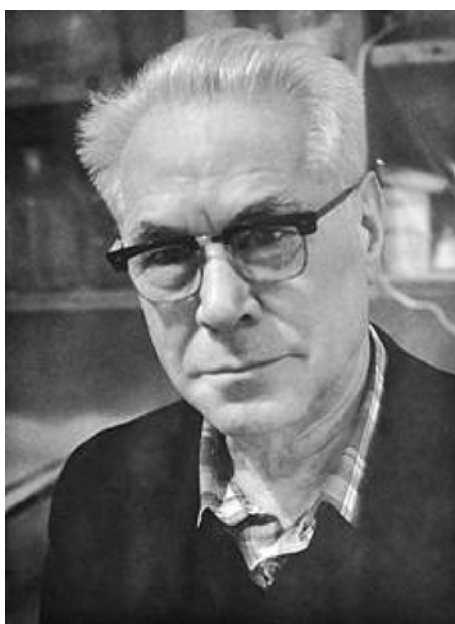
В его жизни сплелись воедино романтика и проза, история и политика, нищенское, голодное существование и блеск славы.

"Истинное удовлетворение, — считал Вамбери, — может дать человеку одно только сознание, что он своими трудами хоть немного содействовал прогрессу человечества". Сам он содействовал этому больше, чем "немного".

РОМАН БЕНИАМИНОВИЧ ХЕСИН-ЛУРЬЕ: ГЕНЕТИК И БИОХИМИК

יְהוּדָא אִמִּיעַ

Родился Роман Бениаминович (Вениаминович) Хесин-Лурье 24 марта 1922 года в Москве в семье врачей. Его отец В.Р. Хесин был известным хирургом, профессором, заслуженным деятелем науки, мать М.Е. Лурье, доктор медицинских наук, окончила также консерваторию. Мальчик уже в раннем детстве проявил большой интерес к естествознанию. В 12 лет он составил конспект "Происхождения видов" Ч. Дарвина, в 14 лет, став членом кружка юных биологов зоопарка, занялся пресмыкающимися, после чего "увлекся" паразитическими червями. Мальчик подолгу сидел за микроскопом, за что и получил кличку "профессор". В 1939 году Роман поступил на биологический факультет МГУ. С самого начала своей студенческой жизни он регулярно посещает кафедру генетики, которую тогда возглавлял профессор А.С. Серебровский.

Студент Хесин — постоянный участник различных походов, экскурсий, многокилометровых пеших и лыжных прогулок. В первые летние каникулы он совершает путешествие из Москвы в Ленинград и обратно на велосипеде, в течение месяца бродит по Кавказу. Свои зимние каникулы на 2-м курсе он провел в Лапландском заповеднике.

А летом началась Великая Отечественная война. Втайне от родителей Роман отправляется в райвоенкомат, чтобы записаться добровольцем, и там встречается со своим старшим братом Женей, студентом 4-го курса исторического факультета МГУ. Каждый из них намеревался попасть на фронт, полагая, что другой останется с родителями. Оба оказались в истребительном батальоне. Женя погиб в самом начале войны.

Во время войны существовал приказ об ответственности за оставленное врагу оружие. Бои в части, где служил Роман, временно приняли позиционный характер. Между двумя линиями окопов, на ничейной земле, оказался наш станковый пулемет "Максим",

расчет его был убит при отступлении. Все попытки притащить пулемет в свое расположение кончались гибелью очередных смельчаков. Заметив малейшее движение орудия, враг открывал бешеный огонь. Младшему сержанту Хесину в темноте удалось подползти к пулемету, прикрепить к нему конец длинной проволоки и так же незаметно вернуться в свой окоп. Как только потянули проволоку с пулеметом, немцы открыли огонь, но никто не пострадал, а пулемет обрел своих настоящих хозяев. Прибывший затем командир дивизии объявил о представлении героя операции к награде орденом Красной Звезды. Выступивший из строя Хесин поблагодарил по форме военное руководство и попросил у него... махорочки... Две пачки махорки и достались ему в качестве награды.

Уже после войны на одном из вечеров на биофаке профессор Серебровский читал свое стихотворение, посвященное своему ученику и сотруднику Роману Хесину, где звучали слова: "и он один с пулеметом вдвоем".

Роман был дважды ранен. После первого ранения он быстро вернулся в строй. Второе, очень тяжелое, приковало его к больничной койке в прифронтовом госпитале в г. Торжке. Туда к нему в мае 1942 года приехала его будущая жена Мария Варга, с которой он познакомился во время ее приемных экзаменов на биофак в 1940 году и переписывался с первых дней войны. Девушка ходила по палатам и спрашивала, нет ли здесь Хесина. Кто-то неожиданно попросил ее уточнить, какого Хесина она ищет. Это был тяжело раненный Михаил Гефтер, однокурсник Жени Хесина. Марии удалось вывезти из Торжка в Москву и Р. Хесина и М. Гефтера, ставшего впоследствии известным историком, автора книги "Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос" (Москва, 1995).

Комиссованный Роман вернулся в университет, на студенческую скамью. Его очень ценили на кафедре как вдумчивого студента и хорошего экспериментатора. Выделенная ему Сталинская стипендия не только улучшила его материальное положение, но и дало возможность остаться по окончании университета в 1945 году на кафедре генетики.

Казалось, любимого ученика А.С. Серебровского ожидает блестящее будущее. Летом 1945 года учитель писал об ученике: "Еще на первом курсе им выполнено небольшое исследование на тему о времени действия летальных мутаций... В настоящее время Хесин-Лурье успешно выполнил дипломную работу, потребовавшую от него овладения сложными генетическими методами исследования".

В 1947 году в "Литературной газете" появилась статья Т.Д. Лысенко "О внутривидовой борьбе". В ответ на эту статью биофак решил провести открытую дискуссию по проблемам внутривидовой конкуренции и основам дарвинизма, чтобы показать опасность для науки и сельского хозяйства взглядов, проповедуемых Лысенко. Сам он от участия в дискуссии уклонился, с его стороны на ней присутствовал главный редактор журнала "За социалистическое земледелие" Ф.А. Дворянкин. После выступления известных ученых (академика И.И. Шмальгаузена, профессоров А.Н. Формозова, М.М. Завадовского, Д.А. Сабина) выступил Р. Хесин, как бы подытоживший оценку вреда, который наносил Лысенко стране своей борьбой против классической генетики и теории эволюции. Биологический факультет праздновал победу, Хесин был героем факультета. До злополучной августовской сессии ВАСХНИЛа оставалось меньше года. Роман успел защитить кандидатскую диссертацию.

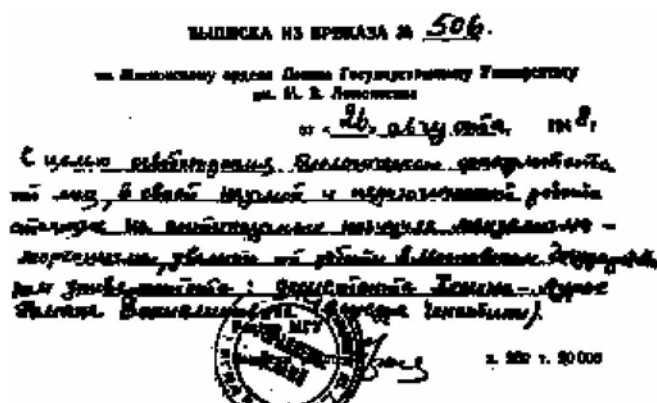
В первый список уволенных с биофака попал Р. Хесин. Он остался без работы. Предвидя неизбежность слияния генетики и биохимии, Хесин решил серьезно заняться последней. Он прошел большой аспирантский практикум в Первом Московском

медицинском институте на кафедре биохимии, руководимой профессором Н.Ф. Толкочевской, проштудировал учебники и руководства по этой дисциплине. В октябре 1949 года молодой ученый был зачислен младшим научным сотрудником в лабораторию химии тканей Института биологической и медицинской химии, заведовал лабораторией профессор С.Я. Капланский. Хесин быстро освоил современные биохимические методы, и здесь он зарекомендовал себя прекрасным экспериментатором.

Начались его пионерские работы по изучению синтеза белков в изолированных цитоплазматических гранулах. Но вскоре его коснулось очередное сокращение. Чтобы отстоять его, два старших научных сотрудника перешли на должности младших. Однако в институт поступает приказ, запрещающий "нераскаявшимся" генетикам заниматься научной деятельностью. Хесина переводят на должность лаборанта, сохраняя ему возможность получить материал, необходимый для докторской диссертации.

В начале 1953 года во время так называемой борьбы с космополитизмом из института были уволены 26 сотрудников еврейской национальности. После смерти Сталина, как известно, появился приказ об освобождении "врачей-убийц", и часть уволенных была восстановлена, но Хесин не попал в их число.

Полтора года длилась его безработица, и все это время он не переставал трудиться над своей диссертацией.

В августе 1954 года Хесин получил приглашение ректора Каунасского медицинского института на работу в должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой биохимии. С грустью расставался он с Москвой, тревожно было оставлять овдовевшего старого отца, которого он считал своим учителем в жизни и науке. В письмах к нему есть такие строки: "...уехал из Москвы с очень тяжелым ощущением отъезда в ссылку... Сильное впечатление заграницы, потери Родины".

Лекции Хесина в Каунасе пользовались большим успехом. Их приходили слушать с других курсов. На кафедре он начал внедрять научные исследования. Московские друзья всячески поддерживали его, старались помочь ему с оборудованием. К нему приезжали Е.В. Карасева, Б.С. Кулаев, А.М. Уголев, К.М. Эфрон, Г.Э. Фельдман. Сам он раз в две недели на своей машине за 12-15 часов проделывал путь от Каунаса до Москвы — надо было сохранить московскую прописку, т.е. возможность вернуться на "родину". Руководство кафедрой, подготовка к лекциям отнимали много времени. Все же работа по изучению синтеза белков в клеточных структурах продолжалась и была обобщена им в докторской диссертации "Роль структурных компонентов цитоплазмы клеток печени поджелудочной железы в процессах синтеза белков". Защита состоялась в 1955 году, 33-летний доктор биологических наук получил звание профессора.

А осенью 1956 года состоялось и возвращение в Москву — в Институт биофизики Академии наук, куда он был приглашен для организации группы биохимической генетики в составе лаборатории Н.П. Дубинина. Своего помещения группа не имела, исследования проводились в разных институтах, где работали друзья Романа Бениаминовича. Неудобства закончились, когда в 1959 году Хесин и его сотрудники по приглашению известных ученых (И.В. Курчатова, А.П. Александрова, И.Е. Тамма, В.Ю. Гаврилова), озабоченных проблемой возрождения и развития разрушенной в 1948 году генетики, перешла в Институт атомной энергии. С 1960 года институт носит имя его основателя и первого директора И.В. Курчатова.

В том же 1959 году Хесин выступил с докладом на съезде биохимиков, физиологов и фармакологов, где впервые после сессии ВАСХНИЛа неоднократно звучало слово "ген". В 1960 году увидела свет его книга "Биохимия цитоплазмы".

Группа Хесина превратилась в лабораторию молекулярных основ генетики, где Роман Бениаминович проработал до конца своих дней. Весь биологический отдел в недрах Института атомной энергии явился основой созданного в 1978 году института молекулярной генетики.

В лаборатории Хесина проводились еженедельные "пятиминутки", длившиеся иногда целый день. На них делали рефераты, отчеты по выполненным экспериментам, репетировали предстоящие доклады и диссертационные выступления. В 1974 году Р. Хесин был избран членом-корреспондентом Академии наук. Он никогда не ставил своей фамилии под работами, выполненными его сотрудниками, если сам не участвовал в экспериментах. Зато в огромном количестве работ их исполнители выражали ему признательность и благодарность.

В 1965 году трагически погиб единственный сын Романа Бениаминовича. После этого он перенес несколько инфарктов, работоспособность же его оставалась удивительной. Даже в больнице он продолжал работать, его палата превращалась в филиал лаборатории, где обсуждались полученные сотрудниками данные, правились статьи.

На протяжении многих лет Роман Бениаминович был организатором знаменитых зимних школ по молекулярной биологии. Свободное время он любил проводить на природе — рыбалка, байдарочные походы. Во время отпуска прочитывал много художественной литературы.

Хесин считался невыездным. Он был лишь в Чехословакии и ГДР. Даже признанные классическими его работы о смене рибонуклеиновых кислот в жизни клетки докладывали в Страсбурге за него.

Мировое признание ученый получил при жизни. В 1982 году ему была присуждена Государственная премия за цикл работ по изучению ферментов бактерий, ответственных за активность генов. В 1986 году он посмертно удостоился Ленинской премии за фундаментальный труд "Непостоянство генома", представлявший собой обобщение работ по молекулярным основам функционирования генов. В посвящении к нему написано: "В знак благодарности посвящаю эту книгу памяти Вениамина Романовича Хесина и Александра Сергеевича Серебровского".

В 1984 году Р.Б. Хесин тяжело заболел. Последние дни он провел в онкологическом центре, где его очень поддерживал его друг профессор Г.И. Абелев.

Скончался Роман Бениаминович 16 июля 1985 года. Ежегодно в Институте молекулярной биологии проводятся конференции памяти Хесина, приуроченные ко дню его рождения.

При входе в Институт молекулярной генетики помещены мраморный барельеф Р.Б. Хесина и доска с надписью о том, что он работал в этом здании. Памятная доска есть и у его кабинета, в которой висит прекрасный портрет Хесина, отражающий его незабываемый добрый, ироничный взгляд. Все общавшиеся с Романом Бениаминовичем убеждены, что каждый контакт с этим интересным, талантливым человеком, объективным и требовательным ученым всегда обогащал их.

ФИЗИК, ЛИРИК, ГЕНЕРАЛ

Кто же он, новый премьер-министр Израиля?

На выборах 17 мая 1999 года Эхуд Барак, лидер партии Авода, получил 56%, обойдя действующего премьер-министра Биньямина Нетаниягу.

Эхуд родился в кибуце в семье Боргов, эмигрантов из Литвы, в 1942 году. Изучал математику в Иерусалимском Еврейском университете и менеджмент в Станфордском университете. Военную карьеру начал в 1959 году. К концу 70-х Барак командовал элитным подразделением и под его началом служил Биньямин Нетаниягу. Барака называют "командо №1" в Израиле. Он считается крупнейшим специалистом по десантным операциям. Надев паранджу и черное платье, он приводил в исполнение приказ израильского командования об устранении трех палестинских лидеров в Ливане в 1973 году, именно он готовил убийство Абу Джихада, человека №2 в ООП в Тунисе в 1988 году.

С 1983 по 1986 год Барак возглавлял военную разведку, а в 1991 году стал начальником генерального штаба. Под его командованием происходила депортация 412 палестинцев в Южный Ливан в 1992 году, он был организатором крупнейшей военной операции по уничтожению подразделений Хезболла в 1993 году.

1 января 1995 года Барак ушел в отставку, а 16 июля того же года начал свою официальную политическую деятельность, вступив в партию Авода. Ицхак Рабин незамедлительно назначил его министром внутренних дел. В кабинете Шимона Переса, сменившего убитого Рабина, он становится министром иностранных дел. До мая 1996 года Барак много занимался переговорами с палестинцами, упорно добивался возможности заключить мир с Сирией. После поражения Аводы на очередных выборах он обвинил в неудачах своей партии Переса, между ними завязалась настоящая борьба за лидерство в партии. Аналитики даже считали, что в Аводе может произойти раскол на две партии, но этого не случилось. Барак одержал победу над своим уже пожилым конкурентом и выиграл внутривыборные выборы.

Барак неоднократно заявлял, что не считает недопустимым создание палестинского государства. "Будь я молодым палестинцем, обязательно вступил бы в террористическую организацию", — говорил он в начале 1998 года. Такого рода высказывания, конечно, шокировали израильское общество, вызывая одобрение его левой части.

Перед последними выборами Барак отмечал: "Нам повезло — Нетаниягу провел плохую избирательную кампанию, с пренебрежением относился к нам". Вероятно, он был недалек от истины. Тогда как Нетаниягу делал ставку на "разоблачение" Аводы, ее готовность идти на тесные связи с арабами, к чему общество относится в общем-то одобрительно, Барак обращал внимание своих избирателей на экономические неудачи Нетаниягу. Он говорил им то, что от него хотели услышать и ашкеназские интеллектуалы, и нищие сефарды из южных районов Тель-Авива, был понятен военным как прославленный генерал, и простым фермерам как бывший кибуцник, ставший лидером крупнейшей партии.

Барак символизирует собой нынешнее израильское общество: наполовину ястреб, наполовину голубь, военный герой и классический пианист, сын кибуцников со станфордским дипломом по физике, допускающий мир с арабами и уповающий на армию. "Я верю, что мы на пути к изменению в Израиле в обществе и к новой надежде", — заявил Барак, узнав о своей победе. Хорошо бы, чтобы надежды не оказались иллюзорными.

РЕБЕНОК № А-824

Àðåääé Èðääü

29 марта 1881 года Особое присутствие Сената по делу “1 марта 1881 года” (убийство царя Александра II) приговорило народовольцев: мещанку Гесю Гельфман, крестьянина Андрея Желябова, сына священника Николая Кибальчича, крестьянина Тимофея Михайлова, мещанина Николая Рысакова и дворянку Софью Перовскую К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Ниже изложена история одной из них — Геси Гельфман.

Гesia Мироновна Гельфман родилась в 1854 году в местечке Мозырь Минской губернии (ныне город Гомельской области, Белоруссия) в относительно зажиточной семье, отец ее занимался лесным промыслом. Гesia рано лишилась матери, и мачеха оказалась злой. Детства было невеселое, юность — тяжелая.

Девочка много читала, предпочитала русскую литературу. Увлеклась сочинениями Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Опасаясь насильственного замужества, она порвала с семьей и весной 1871 года тайком уехала в Киев.

Здесь она работала швеей и училась на акушерских курсах при Киевском университете, закончила их в 1874 году. С этого времени она входит в среду киевских революционеров, где познакомилась с народниками, в том числе Николаем Колодкевичем, ставшим впоследствии ее мужем.

Смуглую черноволосую девушку с черными глазами, в которых светились ум и доброта, подвижную, любившую петь и танцевать, все любили и уважали.

Готовясь "идти в народ", Гesia заводит знакомства с фабричными рабочими. Она распространяет пропагандистскую литературу. 9 сентября 1875 года ее арестовали и доставили в Петербург, где она, в ожидании суда, провела в заключении полтора года.

По процессу "противозаконного общества и распространению преступных сочинений" (процесс "50-ти"), который рассматривало Особое присутствие Сената с 21 февраля по 14 марта 1899 года, Гельфман приговаривается к двум годам тюремного заключения.

В тюрьме (знаменитом Литовском замке) в 1878 году она познакомилась с известной революционеркой Е.К. Брешко-Брешковской, осужденной по процессу "193-х".

В мае 1879 года освобожденную из тюрьмы Гельфман выслали этапным порядком в Старую Руссу, откуда она 11 сентября бежала. В ноябре она появляется в Петербурге и налаживает связи с революционерами. Став нелегальной, Гельфман целиком отдается революционной работе. По рекомендации Николая Колодкевича ее приняли в ряды организации "Народная воля" агентом 2-й степени.

Деятельность Гельфман была весьма разнообразной. Она вела большую пропагандистскую работу среди молодежи и рабочих. Но главную роль она играла в качестве бессменной хозяйки нескольких конспиративных квартир и динамитных мастерских. Ее партнерами были В.И. Иохельдсон (Гороховая улица), М.В. Тетерка (Троицкий переулок), Н.А. Саблин (Тележная улица).

26 января 1881 года был арестован муж Геси, член Исполнительного комитета "Народной воли" Николай Колодкевич. Известие об аресте мужа потрясло Гесю, Николай был ее другом, советником, наставником, любимым человеком.

1 марта 1881 года Софья Перовская и Николай Кибальчич доставили на Тележную улицу четыре бомбы, изготовленные на квартире Г.П. Исаева и В.Н. Фигнер (Вознесенский проспект). Их унесли так называемые метальщики. Днем на Набережной Екатерининского канала был убит царь Александр II, погиб и метальщик бомбы Игнатий Гриневицкий.

3 марта жандармы пытались проникнуть в квартиру на Тележной. Саблин покончил жизнь самоубийством, а Гельфман была арестована и отправлена в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, откуда 24 марта ее перевели в Дом предварительного заключения на Шпалерной.

26 марта в здании Петербургского окружного суда на Литейном проспекте началось заседание Особого присутствия Сената для рассмотрения дела первоапрельцев.

Находясь на скамье подсудимых, Геся Гельфман, очевидно, думала о своем ужасном положении. Ее казнят. Но ведь она беременна, уже четвертый месяц. Это значит, что казнят и ребенка... За что?

Если сейчас, во время суда, заявить о своей беременности, не подумают ли товарищи, что под этим предлогом она просит пощады? Не подумают ли они, что она заботится только о собственной жизни?

Хорошо бы посоветоваться с Соней. Та ее поймет... Соня сидит далеко, рядом с Андреем Желябовым. Для них это последние дни поздно пришедшей любви. С мужем Николаем тоже посоветоваться нельзя — он арестован. Может быть, попросить свидания с Николаем? Он правильно посоветует, как ей поступить, вместе они решат судьбу будущего ребенка. Но это после приговора. Она не убивала, бомб не изготавливала, прокламаций не сочиняла, в подкопах не участвовала. Не могут же ее казнить.

После объявления 29 марта 1881 года решения суда, по которому к казни приговаривались ВСЕ подсудимые, был установлен однодневный срок для подачи кассационных жалоб. Этим не воспользовался никто из подсудимых, тем самым поставив вопрос об исполнении приговора. В этот день защитник Гельфман по просьбе своей подзащитной составил два прошения, которые она подписала. Первое из них гласило:

Через несколько часов Победоносцев получил свое письмо обратно с царской надписью:

**"Αγαπώ αμείβεταί, ην αγαπεί η δακτυλοδείξι ε ετ ι ια ια ι ι μ ααο ι δε εο ε
ι ε ε ο ι, ε ε ο ι αα ο αα ο αα ο ι ι αα ο αα ο, ε ε ο ι ε ε ο αα ο Α."**

Однако нашелся человек, который посмел обратиться к царю с просьбой о помиловании осужденных. Этим человеком был Лев Николаевич Толстой. Он долго готовился к этому письму.

Решив написать письмо царю, великий писатель несколько раз его переписывал. Он обращался к человечности Александра III, убеждал его проявить доброту и всепрощение:

**"...Ια ι δειπνεοα εαρεοα ι δαπνοοι ι ε ε ι α Αη ηααααοα ο ι, ε ο ι ε ε ε ηα
η ο α ι Αη αη δααοα ο δαα, ε α ο υ δαα ε ε ε ι ι η δ ι α ε ο ε ε ι. Ε ι α ι α η ο α ο δ α α, ε α ο υ δ α α
α η δ α η ο ο ο 30, 40.. Ο α ε α α ε, ο ι ε ε ο ι α ε α ε ε ο, ι α ε ε ε ε α η δ ι ο υ η η ι ε ι ε. Ι α α α ε ι ι ε ο
ε ε η ε ι, α α α ε ι η ε ο ι η η ε ε."**

Если бы простили всех государственных преступников, объявили это в Манифесте, начинающемся словами: "Люби врагов своих", — это христианское слово и исполнение его на деле было бы сильнее всей человеческой мудрости. Сделав это, Вы бы истинно победили врагов любовью всего народа".

Л.Н. Толстой с большим трудом нашел пути для доставки письма царю. Оно произвело на него сильное впечатление. Однако Победоносцев на правах бывшего наставника явился к царю и уговорил его не поддаваться влиянию писателя.

Письмо Толстого было оставлено царем без последствий, автор не получил на него ответа.

30 марта 1881 года приговор суда вступил в законную силу. Казнь была близка... Но Гесья Гельфман чувствовала биение новой жизни. Под грудью она носила живое существо, за которое она несла ответственность. Получить положительный или вообще какой-либо ответ на поданные прошения о свидании с Колодкевичем она не надеялась. Надо было принимать решение, действовать самой. Ради жизни будущего ребенка она напомнит властям, что нет закона, который мог бы послать на виселицу невинное существо!

30 марта 1881 года всех первоапрельцев снова усадили на скамью подсудимых, чтобы сообщить им окончательный приговор.

Впереди Геси Гельфман сидит Тимофей Михайлов, сзади — Николай Кибальчич. С ним она часто встречалась на нескольких конспиративных квартирах. К ней на Тележную он принес утром 1 марта две последние бомбы. Попытаться посоветоваться с ним?

1 апреля Особое присутствие Сената постановило: "Обратить приговор в исполнение", кроме Геси Гельфман, в отношении которой решило: "Отсрочить исполнение приговора до истечения 40 дней после родов".

На прошения о свидании с Колодкевичем директор департамента полиции барон И.О. Велио 31 марта и 2 апреля начертал: "Свидание между преступниками не допускается".

3 апреля 1881 года на Семеновском плацу в Петербурге были публично повешены пять первоапрельцев. 23 апреля Гесю Гельфман перевели из Дома предварительного заключения в тюрьму Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

Будущее Гельфман вырисовывалось все кошмарнее. По городу начали распространяться слухи об истязании беременной женщины.

Об ужасающем факте содержания в строгом одиночном заключении под страхом смертной казни беременной женщины заговорила печать всего мира. Общественное мнение взбудоражилось.

Как ни старалась верноподданническая отечественная печать успокоить общественное мнение, опровергнуть слухи, она не в силах была заглушить осуждающий голос Европы, взывающий к гуманности.

Особенно резко против неслыханного, циничного издевательства над личностью протестовала французская общественность. С открытым письмом к русскому правительству выступил Виктор Гюго. В статье, опубликованной 2 мая 1881 года, Анри Рошфор призвал организовать в разных городах Франции многолюдные демонстрации протеста, которые и состоялись.

Такая агитация не прошла бесследно. В перспективе уже виделся Франко-русский союз. Русскому правительству надо было дорожить общественным мнением. Правда, уступило оно не сразу.

Три месяца держали беременную женщину под угрозой казни. Только 2 июля 1881 года Александр III заменил ей виселицу бессрочными каторжными работами. Но то было лишь простой формальностью. На самом деле правительство решило во что бы то ни стало содействовать ручательству царя...

Приближались роды. 15 августа 1881 года Гельфман перевели в одиночную камеру Дома предварительного заключения, где помещалась больничная часть. Обстановка, в которой проходили роды, дают основание предполагать, что они были задуманы как операция по лишению Гельфман жизни.

Роды принимали лейб-акушер Баландин со своей акушеркой. Всех местных медицинских служащих удалили. Это был единственный случай, когда принимать роды в тюрьму приглашали придворного врача-гениколога, имевшего выгодную практику при императорском семействе.

12 октября 1881 года Геся родила нормальную, здоровую девочку. Доктору Баландину вручили 300 рублей с указанием, что ему и акушерке причитается по 150. Баландин вернул все деньги, письменно заявив, что акушерке должно быть выплачено 300 рублей. Было очевидным недовольство Баландина предложенным ему вознаграждением.

При передаче родильницы тюремному врачу Дома предварительного заключения тот обратил внимание Баландина на почти полный разрыв промежности у Гельфман и сказал, что надо будет наложить швы. Лейб-акушер запретил это делать — и так заживет. Очевидно, что он действовал по приказу свыше, не только сознательно допустил собственно разрыв, но и обрекал Гельфман на процесс медленного заживания и неизбежное истощение организма.

Раны у Гельфман не зажили до последнего дня ее жизни, она уже была истощена пребыванием в тюрьме и ожиданием виселицы, но свое право на кормление ребенка грудью она отстаивала.

Однако 25 января 1882 года девочку у Гельфман ночью незаконно отобрали и утром отвезли в воспитательный дом на Гороховской улице. Ее сдали под номером А-824 как дочь неизвестных родителей. Хотя родители Николая Колодкевича просили отдать им ребенка на воспитание, им в этом было отказано.

Физическое и нравственное состояние Гельфман приняло угрожающую форму, через неделю, 1 февраля 1882 года, ночью она умерла в страшных мучениях. То была не смерть, а казнь!

В тот же день, но уже вечером, начался осмотр трупа медицинской комиссией. Был составлен акт о смерти, в котором отмечались результаты осмотра и, в частности, записано: "Промежность представляет незаживший, неполный ее разрыв во время родов".

На основании ознакомления с медицинской документацией и произведенного осмотра врачи установили следующее:

"1) 12 октября 1881 года Гельфман родила, при чем произошел разрыв промежности, и в послеродовый период она в течение продолжительного времени лихорадила.

2) 24 ноября 1881 года при первых регулах у нее развилось воспаление околоматочной брюшины.

3) 17 января 1882 года при вторых регулах вышеуказанный процесс обострился и с 25 января при потрясающих ознобах перешел в общее воспаление брюшины.

Причиной смерти Гельфман было упомянутое выше гнойное воспаление брюшины".

Теперь, спустя почти год, царское ружье — казнить ВСЕХ шестерых было выполнено. Заказчик смертного приговора праздновал легкую и гнусную победу...

Помещенная в воспитательный дом, не прожив и года, дочь Геси Гельфман умерла, неизвестно от какой болезни...

Арестованного 26 января 1881 года Николая Колодкевича Особое присутствие Сената по делу "20-ти", которое оно рассматривало 9-15 февраля 1882 года, приговорило к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. Он был помещен в Алексеевский ровелин Петропавловской крепости. В этой "фабрике смерти" он умер 23 июля 1884 года от цинги.

Прошло более ста лет после описанных событий, но и сейчас они нас волнуют. Многие в мире изменилось. Однако вечно, что жизнь Человека — это самое главное, что ему дано, и за нее надо бороться.

НЬЮТОН И ЕВРЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Ἐὰς τὴν Ἰσραήλ

Религиозным взглядам Ньютона посвящена обширная литература. Интерес к этой стороне личности Ньютона обычно объясняют необходимостью лучше понять его основную - научную деятельность (см. Cohen, 1960). Однако один из крупнейших современных исследователей Ньютона Попкин ставит вопрос наоборот — почему столь крупному теологу, каким являлся Ньютон, понадобились физико-математические исследования? Постановка теологии в центр интересов Ньютона подтверждается, например, объемом теологических трудов, составляющим по оценке Попкина половину всего написанного Ньютоном (Popkin 1988).

Степень знакомства Ньютона собственно с иудейской традицией оценивается по-разному. Если в некоторых работах лишь упоминается его знакомство с произведениями еврейских философов, в частности Маймонида (см. Дмитриев, 1991), то крупнейший знаток рукописей Ньютона лорд Кинес (Keunes) называет его "иудейским монотеистом школы Маймонида" (по McLachlan 1950). Во всяком случае громадная часть наследия Ньютона посвящена толкованию Библии, причем в своих толкованиях Ньютон активно ссылается на собственно иудейскую традицию толкования (включая Талмуд).

Анализ "ненаучных" интересов Ньютона затрудняется тем, что полностью труды Ньютона не опубликованы до сих пор. Не существует даже общего описанию всех сохранившихся рукописей. Начиная от самого Ньютона (оставившего соответствующие труды только в рукописях) нежелание публиковать его теологические труды, очевидно, нельзя считать случайным.

Действительно, при жизни публиковать эти работы было попросту опасно, поскольку взгляды Ньютона расходились с общепринятыми и, вероятно, могли быть сочтены преступными. Всю жизнь Ньютону приходилось скрывать эти взгляды из опасения обнаружить близость к унитаризму — движению противников догмата Троицы, официально запрещенному в 1572 г. Характерно, что унитариями в эпоху Реформации называли также иудеев.

Возможно, что аналогичные опасения препятствовали публикациям и после смерти Ньютона. Во всяком случае известно, что непосредственно после смерти Ньютона в 1727 г. все его рукописное наследие было просмотрено д-ром Томасом Пеллетом, специально назначенным для подготовки рукописей к печати. Однако на 84 из 85 объектов просмотра стоит резолюция о непригодности к печати "not fit to be printed. Tho. Pelet".

Вскоре после смерти Ньютона были все же опубликованы две его ранее не публиковавшиеся книги, посвященные анализу текста Библии (Newton, 1728 и 1733). После этого публикации прекратились, несмотря на многочисленные попытки родственников Ньютона — осталась невыполненной и просьба о публикации, выраженная в завещании племянницы Ньютона. Лишь еще одна рукопись попала в пятитомное (так называемое "полное") собрание сочинений Ньютона, изданное в 1777 г.

И все же затянувшееся вплоть до середины этого века пренебрежительное отношение к "ненаучным" рукописям Ньютона явно вызвано не житейскими опасениями, а несоответствием между сложившимся представлением о фигуре Ньютона и его подлинными интересами. Такое же пренебрежение к подлинному Ньютону проявляли не только издатели, но и научные библиотеки, постоянно "не находившие" места для его неопубликованного наследия.

После неоднократных отказов научных библиотек принять на хранение рукописи, а также после возврата части уже хранившихся рукописей из кембриджской библиотеки родственники Ньютона продали остававшиеся у них рукописи в 1936 г. на аукционе Сотби.

Большая часть коллекции была приобретена двумя исследователями.

Приобретший часть рукописей библеист профессор Ягуда (A.S. Yahuda) пытался подарить их в библиотеки ряда известных американских университетов, однако его предложения были отвергнуты — несмотря на вмешательство Эйнштейна — за "недостатком места" (см. Porkin, 1988). Впоследствии — по завещанию Ягуды — эта коллекция попала в Национальную библиотеку Израиля.

Отрывки из коллекции лорда Кинеса, приобретенной на том же аукционе и затем перешедшей в библиотеку Кембриджского университета, были опубликованы в 1950 г. (в предисловии к этому изданию кратко изложена история рукописей — см. McLachlan, 1950).

Для того чтобы сейчас представить истинную картину внутреннего мира Ньютона, нужно иметь представление об интересах и увлечениях современного ему научного сообщества. Дело в том, что еврейская традиция занимала в то время место весьма значительное. Древнееврейский язык изучался в университетах, а с XVI века его изучение — наряду с изучением латинского и греческого языков — вошло в программу так называемых trilingual colleges, распространившихся по всей Европе (Kukenheim, 1951). Выходит в свет "универсальная" грамматика — грамматика латинского, греческого и еврейского языков (Helvicus, 1619).

Особый подъем интереса к еврейской традиции был вызван движением Реформации, обратившимся, в частности, к библейским первоисточникам. Изучение еврейской традиции становится важной составляющей "нового образования". Усилившийся интерес к изучению природы, попытки выявления скрытых причин

существования Вселенной оказались связанными с еврейским мистическим учением — каббалой, в традицию которой входил поиск связей между элементами мирового единства.

Идеи каббалы занимают значительное место в новом просвещении (см. Yates, 1980, Ruderman, 1988). Характерные для нового образования подытоживание и систематизация знаний развиваются на фоне представлений о соответствии между Б-жественными знаками, явленными в природе, и знаками Б-жественного текста — святого Писания. Каббала представлялась источником научного подхода к пониманию скрытого смысла, ключом к будущей гармонии, к восстановлению утраченного древнего единства (см. Ruderman, 1988).

Возникает христианская каббала. Христианские каббалисты развивают характерный для теоретической каббалы синтетический подход к изучению природы, человека и Библейского текста (см. Idel, 1989).

К XVII веку увлечение христианской каббалой перемещается из Италии и Франции (где победила контрреформация) в Германию и Англию. Каббалистическими идеями проникнута утопия Фрэнсиса Бэкона "Новая Атлантида", в Англии печатаются каббалистические труды Агриппы, действует орден розенкрейцеров, призывавший к универсальной реформации через каббалу. Известно, что у Ньютона был экземпляр издания розенкрейцеров (Manuel, 1974).

В 1655 — 1657 гг. В Англии живет близкий к Спинозе нидерландский раввин Менаше бен Израэль, ратовавший за возвращение евреев в Англию (из которой они были изгнаны в 1290 г.). Книга Менаше "Надежда Израиля", в которой возврат евреев в Англию связывался с возможностью прихода Мессии, была переведена на английский язык в 1652 г. (см. издание Menasseh, 1987).

Ожидание прихода Мессии, ожидание "миллениума" — золотого тысячелетия — эти настроения царили в среде английских ученых. Большой популярностью во время английской революции пользовались толкования Писания, особенно пророчеств книги Даниила, предрекавшей "царство, которое во веки не разрушится" (Дан., 2:44). Эти толкования были основаны на сочетании традиций каббалы и рационального подхода, а также на применении точных математических понятий. Расчетами, основанными на пророчествах, много занимался учитель Ньютона, математик Джон Барроу (Barrow), который был учеником Джозефа Мида (Mede), автора известного трактата, интерпретирующего библейские пророчества. На работы Мида опирался впоследствии и сам Ньютон (см. Webster, 1982).

В связи с ожидаемым наступлением всеобщей гармонии обсуждалась необходимость языка, единого для всего человечества. В качестве кандидата на роль совершенного языка рассматривался и древнееврейский язык, "лучше других языков отражающий суть вещей" (Knowlson, 1975, p.12). К середине XVII века в Англии развивается движение языкового проектирования, направленное на создание единого универсального языка, однако влияние древнееврейского языка чувствуется во многих проектах. В частности, отмечалось, что он может быть взят за образец как язык, содержащий минимальное количество корней (и соответственно активно отражающий связи "вещей" с помощью развитого в связи с недостатком корней словообразования).

Все эти настроения отразились на творчестве Ньютона. Он достаточно рано знакомится с древнееврейским языком — в первой известной записной книжке, которую

Ньютон вел еще до поступления в университет, содержатся заметки по транскрипции, в которых используются буквы еврейского алфавита (см. публикацию этих заметок в Elliott, 1954).

Первой же научной работой Ньютона, написанной в 1661 г. (в восемнадцатилетнем возрасте, в первый год его обучения в Кембридже), оказывается проект универсального языка, впервые опубликованный только в 1957 г. (см. Elliott, 1957, в переводе на русский язык Ньютон, 1986).

В этом проекте во многих деталях ощутимо влияние древнееврейского языка. В примерах фигурируют характерные для еврейского трехбуквенные корни. Однобуквенные грамматические показатели явно повторяют идею еврейских "служебных букв". Словообразовательные модели, строение придаточных предложений, механизм отрицания напоминают языковые формализмы иврита.

Показательно, что текст проекта предваряет странный заголовок "The site of this is as a kiss", который, по-видимому, следует перевести "Вид этого похож на поцелуй". Дело в том, что в каббалистической традиции поцелуй символизировал слияние души с Б-гом. Факт знакомства Ньютона со сборником латинских переводов каббалистических сочинений "Kabbala denudata" отмечается в Manuel 1974.

В дальнейшем Ньютон не возвращается к идее создания совершенного языка, но постоянно обращается к анализу библейских текстов. Однако такое внимание к Библии, а также и проявлявшееся Ньютоном внимание к собственно еврейской традиции ее толкования вовсе не кажутся свидетельствами принадлежности Ньютона к какому-либо известному религиозному течению. У Ньютона собственные взаимоотношения с Б-гом, но, по-видимому, он разделяет представления своих современников о соответствии между строением Вселенной и Святым Писанием. По крайней мере задача понимания текста Библии действительно была для Ньютона равной задаче понимания устройства Вселенной.

Цитирует текст он обычно в переводе, но часто это его собственный перевод, отличающийся от канонического. Например, обвинение христианской традиции в неправильном толковании пророчества Даниила (Дан., 9:24-27) о приходе Мессии, в неправильном отождествлении Мессии с Христом Ньютон основывает на тщательном собственном переводе текста и его сопоставлениями с употреблениями слова *messiah* (буквально — помазанник) в других частях Библии (Newton, 1733, p. 129).

Помимо изучения оригиналов, Ньютон обращается и к богатой еврейской традиции комментирования священных текстов. В собственных многочисленных толкованиях библейских текстов Ньютон постоянно сопоставляет еврейскую и христианскую традиции, упрекая традиционные переводы в незнании еврейской традиции. В незнании "раввинистического учения" Ньютон упрекает и христианских теологов. Его "Наблюдения над пророчествами" (Newton, 1733) наполнены отсылками к Талмуду, а также к надежной энциклопедии того времени по еврейским вопросам — произведению известного христианского гебраиста Иоганна Буксторфа (Buxtorf) "Synagoga Judaica". Множество ссылок на раввинистические авторитеты, на еврейских комментаторов Библии содержится в неопубликованных рукописях, одна из которых посвящена творчеству знаменитого еврейского философа Маймонида (по каталогу I. Newton Collection в Национальной Библиотеке Израиля).

По стилю произведения Ньютона по библейской тематике близки скорее не к теологическим, а к филологическим сочинениям, иногда напоминая более поздние работы критической школы. Это подробный текстологический анализ с фиксацией отрывков, относящихся к разным источникам, с установлением времени написания по отдельным деталям текста. Чисто филологичны и упреки в незнании традиции: Ньютон отмечает, что Текст Нового Завета часто неадекватно толкуется из-за незнания деталей еврейских обрядов и что для его адекватного понимания необходимо знать соответствующее словоупотребление. Так, например, Ньютон обращается к описанию церемоний Дня Очищения для понимания слова печать в Апокалипсисе (Newton, 1733, p. 266).

Вторая глава "Наблюдений" производит впечатление современного филологического сочинения. Она посвящена анализу языка пророков. Этот язык Ньютон называет образным или символическим (*figurative* и *hieroglyphic*), а источники образов объясняет аналогией, устанавливаемой между миром природы (*world natural*) и миром общественной жизни (*world politic* — Newton, 1733, p. 16). Несколько страниц занимают приводимые Ньютоном длинные списки подобных соответствий — соответствий метафор и символов явлениям обозначаемого ими "общественного мира": слово огонь обозначает войну, печь — рабство, зло символизируется запятнанной одеждой, а суд — весами и т.п.

Аналогичный поиск скрытых символов был в то время характерен также для каббалистических кругов (Sharot, 1982), причем четкую границу между привносимым мистическим видением и действительно пронизывающей текст Библии символикой зачастую провести нелегко.

Однако судя по подробным пояснениям, ссылкам на естественность ассоциации, аналогиям с обыденным языком, приводимым Ньютоном в одной из рукописей по языку пророков (Jahuda MS 1, National Library of Israel), точка зрения Ньютона представляется вполне рационалистической.

Для понимания текста Писания существует подход, возможно также почерпнутый Ньютоном в еврейской традиции комментирования, согласно которому отмечаемые соответствия не случайны. И все Писание пронизано единой поэтической — по словам Ньютона "мистической" — системой, представляет единый поэтический контекст. Эта концепция достаточно ясно выражена в произведении Ньютона, специально посвященном анализу языка пророков, первая глава которого была опубликована в 1950 г.: "Иоанн не писал на одном языке, Даниил на другом, а Исайя на третьем, все они писали на одном и том же мистическом языке... столь же четком и определенном в обозначениях, как обыденный язык любой нации" (Newton, 1950, p. 119).

Интересно, что, как и некоторые современные исследователи, Ньютон сравнивает библейские образы с образами египетской и другой восточной поэзии — точно так же "как критики, для понимания еврейского привлекающие тот же корень в других восточных языках" (там же, стр. 120). Несколько ниже Ньютон уточняет, что именно символичность, свойственная языку пророков, близка "египетским священникам и восточным мудрецам".

Как уже говорилось, Ньютон сурово критикует христианскую традицию за ее пренебрежение традицией еврейской, однако он достаточно "придирчив" и к евреям, безусловно не солидаризируясь с ними, но упрекая их, так же, как и христиан, в отходе от истинной веры. Под искажениями веры, судя по примерам, имеется в виду идолопоклонство, в котором столь часто упрекали свой народ еврейские пророки. В одном месте Ньютон разъясняет, что антихристами Иоанн называл гностиков, а гностики — это "сорт таких людей, которые впитали метафизическую философию язычников и каббалистических евреев" (Newton, 1733, p. 255).

По определению Попкина, Ньютон сочетал подход современного библиста с твердым убеждением, что "при надлежащем чтении текста Писания он сможет разгадать Б-жий замысел" (Popkin, 1990, p. 103). Вероятно, вера в собственную способность разгадать Б-жий промысел сопровождала Ньютона во всех его занятиях, включая и его отношение к еврейской традиции.

ЧИТАЯ ПУШКИНА...

Ėāēcað Ĩ í āēī āī

Āā ñò èðīā ī ēāī èò āēū āŷ ñēāāīñòū

Ĩ ðī ēāāò āāēīā çāēñò ēē āŷ āāēū..

Ā. Ĩ ōēēī.

"Ė ī īðò ðāò ó Ėōēīāñēīā"

Слова Пушкина о Жуковском в еще большей степени относятся к нему самому. Пленительная сладость его стихов проходит "веков завистливую даль", устремляясь в бесконечность.

О Пушкине написаны и будут написаны сотни статей и книг. Его можно перечитывать многократно и с возрастом открывать все новые мысли и нюансы, отвечающие собственным мыслям, настроениям, переживаниям.

Гравюра художника Е. Гейтмана. 1822 год.

Читая Пушкина, глубоко задумываешься над его стихами, а подчас невольно попадаешь под их "пленительную сладость", не вникая в содержание.

Безвременная гибель великих поэтов России, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, лишила человечество многих шедевров, но, увы, кажется, так и не научила его беречь своих гениев.

В настоящей статье речь пойдет о еврейской теме в творчестве поэта. Евреи присутствуют в ряде его произведений.

Несомненный интерес представляет незаконченное стихотворение Пушкина, опубликованное по черновикам:

В еврейской хижине лампада

В одном углу бледна горит,

Перед лампадою старик

Читает библию. Седые

На книгу падают власы...

Образ читателя "перед лампадой" не раз встречается у поэта и, похоже, дорог ему. Еще в "Руслане и Людмиле", поэме, вышедшей шестью годами раньше, Руслан, войдя в пещеру, видит старца: "ясный вид, спокойный взор, брада седая, лампада перед ним горит, за древней книгой он сидит, ее внимательно читает". Много ночей провел перед лампадой и сам поэт.

Стихотворение "В еврейской хижине лампада" является началом какого-то повествования из еврейской жизни. Об этом свидетельствуют как черновики поэта, так и дальнейшее описание обстановки и событий в "печальной хижине", где "над колыбелию пустой еврейка плачет молодая" и "сидит в другом углу, главой поникнув, молодой еврей, глубоко в думу погруженный". Здесь поэт с теплотой говорит о "молодой еврейке", "младом еврее", тогда как в других его стихах звучит и слово "жид", что до сих пор вызывает неоднозначные реакции и трактовки. Надо сказать, что еврейских женщин он никогда не называет "жидовками". Для любвеобильного Пушкина национальность и религия женщины не имели значения.

Княгиня М. Волконская, хорошо знавшая Пушкина, в своих воспоминаниях писала, что "в качестве поэта он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, которых встречал". О многих из них он писал с любовью, даже восторженно, часто с юмором.

Поэт прекрасно знал Библию и часто обращался к ее сюжетам. В 1829 году в "Московском вестнике" под общим заголовком "Подражание" были напечатаны два стихотворения по мотивам "Песни песней" царя Соломона: "В крови горит огонь желанья" и "Вертоград моей сестры". Оба стихотворения хорошо известны, первое из них стало популярным романсом на музыку М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Глазунова. Второе свидетельствует о свободном владении поэтом экзотическими наименованиями, не только не затрудняющими чтение, но и придающими стихам большую привлекательность.

Вертоград моей сестры,

Вертоград уединенный;

Чистый ключ у ней с горы

Не бежит запечатленный.

У меня плоды блестят

**Наливные золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закапят ароматы.**

(Вертоград — сад; нард — травянистое растение, корни которого содержат ароматические вещества; алой — тропическое растение, из которого добывают ароматическое вещество алоэ; киннамон — коричневое дерево — корица; аквилон — поэтическое наименование сильного ветра).

Библейские образы не помеха для шутки, и в послании генералу А. Орлову, отговаривавшего его от военной службы, поэт пишет:

**Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!**

В 1835 году, за два года до смерти, Пушкин начал поэму, посвященную подвигу легендарной героини еврейского народа Юдифи.

Согласно легенде, ассирийский царь Навуходоносор приказал своему полководцу Олоферну уничтожить город Ветилуя со всеми его жителями евреями. Город был осажден, и гибель его казалась неизбежной.

**Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым**

Израил выи не склонил;...

Красавица Юдифь вошла в лагерь Олоферна под видом беглянки из города, пленила его своей красотой, и, когда после пиршества в ее честь он крепко заснул, отрубила ему голову. Среди врагов началась паника, и город был спасен.

Отрывок поэмы заканчивается подходом войск Олоферна к городу. Сама поэма закончена не была, в каталогах она значится по первой строке. Картина знаменитых художников "Юдифь с головой Олоферна" в разных вариантах украшает музеи мира.

В произведениях Пушкина действуют представители многих народов. Это, естественно, русские, а также финны, грузины, армяне, чеченцы, молдаване, греки, французы, англичане, испанцы, шведы, украинцы, цыгане, татары, арабы, евреи — всех трудно перечислить. И все они равны, предпочтения не отдается никому, хотя в отдельных случаях явно под влиянием настроения есть поляки и ляхи, турки и гяуры, евреи и жида, татары и "татары" как прозвище, то же относится и к цыганам, армянам и т.д.

Г. Доре. "Юдифь".

В "Руслане и Людмиле" среди соперников Руслана его единственным благородным другом оказывается "младой хазарский хан Ратмир". В Хазарии времен княжения в Киеве Владимира (X век) государственной религией был иудаизм, к которому с большим уважением относились и христиане, и мусульмане. Вряд ли Пушкин задумывался над этим. Поэт по своему выбирал своих героев, будь то добрый волшебник Финн (финн) или его соотечественница колдунья Наина.

А какой национальности "волшебник страшный Черномор"? "Пленительная сладость" поэмы не оставляет места для подобных рассуждений, наверняка чуждых и самому Пушкину.

В "Братях разбойниках" поэт объединяет всю "шайку удалых" в одну семью, как бы подтверждая, что разбойники не имеют национальности.

Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства...

Поводом для Пушкина написать поэму послужило происшествие, свидетелем которого он стал: два разбойника, закованные вместе, оторвались от стражи, переплыли Днепр и спаслись. Это произошло на пути поэта в Кишинев, куда он в 1820 году был сослан царем Александром I за свои вольнодумные сочинения, в частности за оду "Вольность".

Кишинев того времени — молдавский город с многонациональным населением, о чем свидетельствует поэт:

Теснится среди толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.

Каждому из его представителей он дает скупую и не всегда лестную характеристику: "еврей сребролюбивый", "болтливый грек", "хитрый армянин" и т.д.

В Кишиневе собирались участники тайного Южного общества, со многими из них Пушкин был в дружеских отношениях. Но его на эти собрания будущих декабристов не приглашали не только и не столько из-за далеко не безупречного поведения (об этом писал, в частности, В. Вересаев, в своей книге "Пушкин в жизни"), сколько и главным образом потому, что считали его великим поэтом России, которого надо для нее сберечь, сохранить. Позднее, в 1827 году, при прощании с А. Муравьевой, отправлявшейся в Сибирь к своему мужу-декабристу, Пушкин сказал ей: "Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести".

На юге поэтом были написаны поэмы "Кавказский пленник", упомянутые "Братья разбойники", "Бахчисарайский фонтан", "Гаврилиада", начаты "Цыганы"; одним из многочисленных стихотворений того периода была "Черная шаль".

Эту балладу Пушкин написал через полтора месяца после приезда в Кишинев на сюжет песни трактирной служанки. И хотя все ее герои, молдаванин, гречанка, еврей, армянин и даже раб — явно отрицательные, сюжет связан с жестоким убийством молдаванином гречанки и ее нового возлюбленного, " пленительная сладость " стихов заставляет не замечать этой жестокости. Композитор А. Верстовский написал к стихам музыку, и они стали популярным романсом.

Пушкин тяготился Кишиневом. По его настоятельным просьбам он был переведен на службу в Одессу к наместнику Кавказа князю М. Воронцову. Позднее, получив приглашение своего товарища Ф. Вигеля снова посетить Кишинев, поэт высказывает, надо полагать в шутку, надежду, что на "проклятый город Кишинев" когда-нибудь "небесный гром, конечно, грянет" и

**Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов,
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом,
Но с этим милым городком
Я Кишинев ровнять не смею...**

В Одессе Пушкин и Воронцов быстро разочаровались друг в друге. Наместник требовал от Пушкина преданности службе, а поэта служба совсем не интересовала. К тому же у него завязался роман с женой Воронцова, красивой образованной женщиной, вызывавшей всеобщее восхищение.

Широко известна несправедливая эпиграмма поэта на Воронцова "Полумилорд, полукупец...". Была и другая эпиграмма:

**Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, побожусь, не проще графа.**

Герой отечественной войны 1812 года Воронцов был автором "Наставления господам офицерам в день сражения", которое Багратион разослал войскам незадолго до боев за Смоленск.

Будучи ранен, Воронцов приказал адъютантам разыскать на Бородинском поле и в лазаретах всех раненных офицеров и солдат своей дивизии, чтобы вместе с медперсоналом отправить их в свое имение для лечения на его средства. Он закончил войну под самым Парижем и три года с 1815 года командовал русским экспедиционным корпусом во Франции.

Об этих, а также о других фактах жизни Воронцова рассказывает А. Кривицкий в повести "Тень друга" ("Знамя", 1978, №5,6).

Человек высокой культуры и прогрессивных взглядов, Воронцов питал добрые чувства к евреям, поддерживал отношения с представителями одесской еврейской общины, способствовал всяким начинаниям, направленным на духовное развитие еврейского населения, подъему его благосостояния. С именем Воронцова связана совместная просветительская деятельность министра народного просвещения С. Уварова и известного ученого еврея М. Лилиентала по расширению гражданских прав и повышению образования евреев.

Позже и на Уварова Пушкин написал оскорбительные, опять же несправедливые стихи ("На выздоровление Лукулла"). Получив за это выговор от царя, он признался, что писал их "в минуту дурного настроения" и сожалеет об этом, так как с уважением относится к адресату стихов.

Воронцову и Уварову посвящены статьи в Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Их заслуги перед евреями России отметил в статье "Ученые евреи" в журнале "Лехаим" Яков Козловский (1995, 41-42).

Поэт пробыл в Одессе почти год и после неоднократных просьб Воронцова избавить его от Пушкина был выслан в село Михайловское, родовое имение Пушкиных.

Княгиня Волконская подарила на память поэту в качестве талисмана золотой перстень с резным восьмигранным сердоликом с надписью на еврейском языке. Так появилось стихотворение "Талисман":

**Храни меня мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья волненья:
Ты в день печали был мне дан.
Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай надежда; спи желанье;
Храни меня мой талисман.**

В 1988 году в "Вестнике Европы" (№9) была опубликована заметка В. Гаевского, в которой сообщалось, что перстень не являлся талисманом, и назначение его другое. Елизавета Ксавериевна, жена Воронцова, по-видимому, заблуждалась

относительно него. Надписи, в которых должна заключаться чародейственная сила талисманов, наносятся так, что их можно прочесть прямо. На сердоликовом же перстне Пушкина изображение обратное, то есть для оттиска.

Перстень, подаренный Пушкину, был не талисманом, а просто еврейской именной печатью, на которой полукурсивными (раввинскими) буквами вырезано: "Симха, сын почтенного раби Иосифа старца, да будет его память благословенна".

Еврейская надпись на перстне несколько не смущала поэта, он считал его талисманом, посвятил ему еще одно стихотворение (также "Талисман"), не расставался с ним до конца жизни.

В приведенных стихах, затрагивающих еврейские, в том числе библейские темы отсутствуют признаки какого-либо особенного, тем более недоброжелательного отношения Пушкина к еврейскому народу. Однако, как уже говорилось выше, в некоторых других произведениях, совершенно различных по жанру, используется слово "жид".

В качестве примеров таких произведений назовем широкоизвестные три: "Песни западных славян", эпиграмма на литератора Ф. Булгарина и одна из "Маленьких трагедий" — "Скупой рыцарь".

Памятник А.С. Пушкину в Лицейском саду в городе Пушкине (бывшее Царское Село).

Скульптор Р.Р. Бах. 1899 год. Открыт в 1900 году.

"Песни западных славян" заимствованы преимущественно из сборника "Гузлы" (Гусли) П. Мериме, автора знаменитой "Кармен". Сборник представляет собой запись народных сказаний, собранных французскими авторами и обработанных Мериме. К 13 песням Пушкин добавил три собственные, и никакие "жиды" в них не упоминаются. Они представлены в двух других песнях Мериме — "Битва у Зеницы-Великой", "Феодор и Елена". В первой говорится о бессмысленном убийстве на почве национальной вражды

"турецких жидов", во второй — о порожденном народным суеверием "жидовском колдовстве".

Песни весьма удивили Пушкина, в предисловии к ним он пишет, что ему "очень хотелось бы знать, на чем основано изобретение странных сил песен". С этим вопросом он обратился к Мериме, и тот, как он написал, "чистосердечно" признался, что "Гузлы" он опубликовал, во-первых, потому, что хотел посмеяться над "местным колоритом", в который "мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827 года", а во-вторых, потому, что ему нужны были деньги на путешествие.

В 1830 году поэт пишет эпиграмму на литератора Ф. Булгарина, сделавшего сомнительную карьеру на связи с охранкой и всячески мешавшего Пушкину публиковать свои произведения:

Не то беда, что ты поляк:

Костюшко лях, Мицкевич лях

Пожалуй, будь себе татарин —

И тут не вижу я стыда;

Будь жид — и это не беда;

Беда, что ты Видок Фиглярин.

Здесь поляк-лях, татарин, еврей-жид по сути равны в глазах автора, а вот полицейский сыщик Видок — хуже всего, очевидно, что эпиграмма не является антисемитской, как ее иногда интерпретируют.

Другим примером, "доказывающим" антисемитизм Пушкина, считается образ Соломона в "Скупом рыцаре". Здесь в стиле западноевропейского штампа выведен образ еврея-ростовщика. Как и в "Черной шали", все главные герои трагедии отрицательны: доведенный до крайней, оскорбительной бедности Альберт, единственное страстное желание которого — смерть отца и получение наследства; еврей-ростовщик Соломон и жестокий скупой барон, вся радость которого — любованье хранящимся в его подвалах золотом, готовый унижить, оболгать сына, лишь бы не дать ему денег.

Альберт, вынужденный в очередной раз просить у Соломона деньги в долг, говорит с ним вначале почти приветливо, но не выбирая выражений. Он прекрасно понимал, что ответить на его оскорбления еврей не может, он не рыцарь, вызвать его на дуэль он не имеет права — он беззащитен. Вспомним некоторые обращения Альберта к Соломону: "Проклятый жид, почтенный Соломон", "Слушай: не стыдно ли тебе своих друзей не выручать?", "Ты врешь, еврей..."

Однако Пушкин наделяет Соломона мудростью не только понять тайные желания Альберта, но и пророчески угадать его потенциальную готовность к отцеубийству. И только будучи уверен в этом, Соломон позволяет себе высказать преступную мысль об отправлении барона, мысль вызвавшую возмущение Альберта.

Анализируя произведения Пушкина, С. Дудаков в книге "История одного мифа" (М., 1993) заключает: «Для Пушкина, бравшего уроки "чистого афеизма",

носившего перстень с еврейской надписью ("Талисман"), начавшего изучать еврейский язык и мечтавшего перевести "Иова", вопрос о жидях евреях не был однозначно определен именно в силу того, что их роль в русской жизни им не оценивалась с государственно-политических позиций».

В посвященном А. Мицкевичу стихотворении "Он между нами жил" Пушкин вместе с польским поэтом мечтал

о временах грядущих,

Когда народы, распри позабыв,

В великую семью соединятся.

Увы! И в наше время об этом также можно только мечтать.

Как и другие народы России и мира, евреи относятся к Пушкину с любовью. Недавно "Вестник ЕАР" сообщил, что с 1937 года "Евгений Онегин" в переводе на иврит Авраама Шленского переиздавался семь раз. К 200-летию поэта выпущен российско-израильский почтовый блок. На марке изображен автопортрет Пушкина и факсимиле поэта, а также обложка первого издания "Евгения Онегина" на иврите. Справа на блоке — переводчик А. Шленский, над его портретом — титульный лист романа. Марку оформила художница Марина Пекарская.

Поэт Перец Маркиш еще в 1937 году в стихотворении "Пушкину" выразил свое и, надо думать, всех евреев отношение к поэту:

Властитель дум — бессмертье ты познал,

Не мир покинул ты, а тьму и безвременье;

И в вихре буйных лет не угасал

Твой гордый и величественный гений.

ПО МАТЕРИАЛАМ ЕТА

Как сообщило Центральное статистическое бюро Израиля накануне 51-го Дня независимости, население еврейского государства увеличилось за последний год на 2,3% и достигло 6 миллионов. Иерусалим остается самым большим городом страны, его население составляет 630 тысяч человек, что вдвое больше населения Тель-Авива. Еврейское население Западного берега Иордана и сектора Газа превышает 170 тысяч человек.

По данным Банка Израиля, иностранные инвестиции в страну достигли самых высоких показателей в 1998 году. К концу года инвестиции в израильскую экономику составили около 75 миллиардов долларов, примерно на 3 миллиарда больше, чем в 1997 году.

Министерство финансов Израиля сообщило, что нуждающиеся жертвы Холокоста, живущие в Израиле, могут подавать заявления на получение пособий из 180-миллионного фонда, учрежденного швейцарскими банкирами и промышленниками в 1997 году. Месячный доход тех, кто претендует на пособие, не должен превышать 875 долларов. Глава объединения израильтян, переживших Холокост, Ноах Флаг отмечает, что их американские друзья по несчастью уже получили выплаты несколько месяцев назад.

Высший суд справедливости Израиля постановил, что министерство внутренних дел не имеет права высылать из страны супругов израильтян-неевреев, иностранных граждан, которых МВД подозревает в пребывании в Израиле нелегально. Иск был подан в суд 28 смешанными супружескими парами. В заключении суда говорится, что действия МВД несовместимы с принципами демократического государства. Однако суд оговорил право МВД проверять, не является ли брак фиктивным. Депортация разрешается только после такой проверки и рассмотрения дела в суде.

Кнессет Израиля принял закон, облегчающий выдачу израильских граждан, совершивших преступление за границей. По этому закону имеющие израильское гражданство, но не живущие постоянно в стране, будут из нее высылаться. Постоянных жителей будет судить суд Израиля. Закон был подсказан случаем с Самюэлем Шайнбайном, подростком из Мэриленда, обвиненным в убийстве своего американского знакомого. Подросток сопротивлялся высылке в Соединенные Штаты, ссылаясь на израильское гражданство своего отца. Сам он бежал в Израиль в сентябре 1997 года сразу же после того, как было совершено преступление.

Израильский суд приговорил к 42 месяцам тюрьмы поселенца, обвиненного в оскорблении святыни. В 1997 году Хаим Пакович бросил свиную голову с Кораном во рту в мечеть Аль-Акса в Иерусалиме. Этим действием он надеялся вызвать палестинские беспорядки и сорвать мирный процесс.

Самолет, арендованный Еврейским агентством для Израиля, вылетел в Албанию для оказания помощи беженцам из Косово. На обратном пути самолет взял на борт югославских евреев, которые рассматривают для себя возможность иммигрировать в Израиль. Другой самолет вылетел в Албанию из Будапешта.

90-летняя Мира Попович, внучка двоюродного брата Теодора Герцля, основателя современного сионизма, в течение месяца проходила проверку, доказывая свое еврейское происхождение в израильской иммиграционной службе в Будапеште, куда она бежала от НАТОвских бомбардировок из своего дома в Белграде. В конце концов Попович получила разрешение на иммиграцию в Израиль к своему внуку, уже живущему в еврейском государстве.

Еврейские организации и европейские страховые компании пришли к соглашению о том, что невыплаченные страховые полисы, купленные до второй мировой войны, должны быть возмещены с учетом разницы между стоимостью довоенных и современных валют, а также процентов. Так, за страховой полис, приобретенный за 3000 долларов, компенсация составит 100000 долларов. Международная комиссия по страховым претензиям периода Холокоста, выработавшая это соглашение в ходе двухдневной встречи в Лондоне, должна еще разработать алгоритм вычисления современной стоимости довоенных полисов и процедуру выплат. Общая сумма претензий пока не установлена. Аналитики страховых компаний оценивают ее 1—4 миллиардами долларов.

Калифорнийские власти обратились к европейским страховым компаниям с требованием удовлетворить претензии к ним со стороны переживших Холокост и их наследников. Комиссар по страховой политике штата, выступая на пресс-конференции, указал на ряд мер, которые могут быть приняты к этим фирмам, включая запрет их деятельности в Калифорнии, если они откажутся заплатить по счетам. Губернатор Грей Дэвис предупредил европейские страховые компании: "заплатите сейчас, позже вам придется заплатить больше".

Американский сенатор Питер Фицджеральд, республиканец от штата Иллинойс, предложил закон, согласно которому денежные суммы, полученные пережившими Холокост в результате соглашений с банками, фирмами и фондами в качестве компенсаций за утерю имущества во время второй мировой войны, не должны облагаться налогами. Фицджеральд считает неправильным "облагать налогами имущество, по праву принадлежащее пережившим Холокост". Аналогичная мера была предложена в конгрессе.

Американский сенатор Даниэль Патрик Мойнихэн, демократ от штата Нью-Йорк, предложил новый закон, восстанавливающий некоторые льготы, утраченные легальными иммигрантами в результате реформы 1996 года. Предусматриваются оплата медицинской страховки малообеспеченным беременным женщинам и детям, оплата детских садов для некоторых законных иммигрантов, предоставление продуктовых талонов всем законным иммигрантам, въехавшим в США до реформы 1996 года.

Центр Симона Визенталя в Лос-Анджелесе объявил о намерении приобрести передвижную клинику, которая обеспечит медицинской помощью 54000 беженцев из Косово в течение двух ближайших месяцев. Клиника будет разворачиваться там, где нужда в ней окажется максимальной.

Нью-йоркская организация Проект еврейского наследия объявила о новой программе поддержки переживших Холокост, желающих опубликовать свои мемуары. Программа предоставит гранты от 2000 до 5000 долларов пяти писателям и редакторам для работы с такими авторами.

Американский еврейский объединенный комитет (Джойнт) созвал коалицию 40 религиозных организаций и социальных структур с тем, чтобы приступить к сбору средств в пользу беженцев из Косово. «Мы не можем быть сторонними наблюдателями, — говорится в страничной рекламе, опубликованной коалицией в "Нью-Йорк Таймс"». Эта же коалиция уже объединяла свои усилия для оказания помощи пострадавшим в Боснии и Руанде. За три недели Джойнт собрал более 2 миллионов долларов у 12000 индивидуальных доноров.

Раввин Стивен Джейкобс, присутствовавший с другими членами миссии Джесси Джексона, освободившей трех американских солдат, на приеме в Белом доме, передал президенту Соединенных Штатов послание главы югославской еврейской общины 70-летнего Аки Сингера. Послание, в котором было сказано: "Не для того я выжил в Освенциме, чтобы погибнуть под американскими бомбами в Белграде", не вызвало у Клинтона никакой реакции. Но у Джейкобса оно породило двойственное отношение к бомбардировкам НАТО.

Джейкобс был единственным раввином среди 20 священников, сопровождавших Джесси Джексона в его непростой миссии.

С одной стороны, считает американский раввин, «если лозунг "больше никогда" — не пустые слова, то мы, евреи в особенности, не можем оставаться равнодушными к страданиям албанцев. Но мы также должны помнить, что многие замечательные сербы и 3000 евреев Белграда живут в постоянном страхе перед авианалетами».

Джейкобса не было среди тех пяти членов делегации, которые участвовали в решающей встрече с Милошевичем. Он предпочел навестить трех военнопленных; кроме того, он честно признался, что у него не было ни малейшего желания пожимать руку югославскому лидеру.

В Белграде Джейкобс встретил еврея, спасенного в свое время Оскаром Шиндлером. "Хотелось бы, — сказал этот человек, — чтобы тогда нашелся такой Джексон или раввин, который смог бы вытащить нас из нацистских лагерей, как это сделали вы сегодня".

Американский генерал Уэсли Кейн Кларк, возглавляющий военную операцию НАТО против Югославии, обнаружил у себя еврейские корни, уже будучи взрослым.

Воспитанный в протестантской вере в Арканзасе, он узнал о своем еврейском происхождении, когда ему было за 20, и, по рассказам его родственников, принял эту информацию не без радости. Выяснилось, что дед Кларка Яков Немеровский бежал из России во время антисемитского погрома 1890 года. Об этом сообщила газета "The New York Times".

Баскетбольная звезда Тамир Гудман, называемый "еврейским Джорданом", намерен покинуть Талмудическую академию Балтимора. Решение Гудмана связано с тем, что совет ешивы выражает недовольство слишком большим вниманием учащихся к баскетболу под влиянием успехов Гудмана. Университет Мэриленда готов рассмотреть вопрос об отмене субботних игр, если Гудман будет учиться у них. Гудман планирует поступить в этот университет осенью 2000 года.

Таможенная служба США вернула израильскому правительству антикварную корону Торы, похищенную в Израиле. Американская прокуратура, работая совместно с израильской полицией, обнаружила корону в антикварном бриллиантовом магазине в центре Манхэттена в Нью-Йорке. По словам дилера золотую корону, украшенную бриллиантами, принес в магазин турист. Стоимость возвращенной вещи составляет 50 000 долларов. Вместе с короной во время ограбления музея при Большой синагоге в Иерусалиме пропало еще несколько дорогих экспонатов.

Президент Польши Александр Квасневский подписал закон, устанавливающий защитную зону вокруг Освенцима. Правительство планирует снести сотни крестов, установленных около бывшего нацистского лагеря смерти.

Как сообщил представитель голландского банка Хейн Блокс, по данным работы специальной комиссии, в банках Голландии обнаружено не более 193 000 невостребованных долларов. Данные будут опубликованы этим летом.

Невостребованными счетами в Голландии и Бельгии предполагает заняться Всемирный еврейский конгресс.

Созданный в марте составляющий 60 миллионов долларов норвежский фонд для еврейских жертв Холокоста начал принимать заявления от будущих реципиентов. Подавшие заявления получают по 25500 долларов. Как и в других оккупированных странах, евреи Норвегии лишились своего имущества после захвата страны нацистами в 1942 году. Около 2200 евреев были арестованы во время оккупации. Из 767 человек, отправленных в лагерь смерти, выжили только 30.

Памятник шведскому дипломату Раулю Валленбергу был открыт в Будапеште. Сотни людей под ливневым дождем пришли отдать почести человеку, спасшему тысячи евреев от нацистов.

Проведенное исследование показало, что племя, живущее в Южной Африке, возможно, имеет еврейское происхождение. Тесты с ДНК показали, что у мужчин племени Лемба строение этих молекул совпадает с уникальным строением ДНК, присущим классу еврейских священников. Представители племени практикуют обрезание, соблюдают один день в неделю как священный, не едят свинины. Племя мигрировало в Южную Африку и Зимбабве из йеменской деревни, расположенной в районе, где когда-то жили еврейские общины.

В течение недели совершено два нападения на синагогу в Биробиджане. В первый раз была разбита менора, во второй — разбито окно, выломана металлическая звезда Давида из наружной стены, перед входом в синагогу выложены свастики из камней. Власти области, которая по замыслу Сталина должна была стать родиной евреев, не видят в этих акциях антисемитской подоплеки, а считают это банальным хулиганством.

Уважаемая редакция!

В выпуске журнала “Лехаим” №3(83) за 1999 год опубликовано письмо Иосифа Керпеля из Казани, в котором он рассуждает об антисемитских выступлениях Макашова.

Не вызывает сомнений, что заявления Макашова имеют глубоко антисемитские корни. Тем не менее письмо г-на Керпеля представляется мне очень своевременным. Хотелось бы, чтобы с ним ознакомились все евреи, которые занимаются политикой.

Наши мудрецы установили ряд законов, призванных сохранять нормальные отношения евреев с другими народами. В книге “Мидраш рассказывает” рабби Моше Вейсман пишет: “Евреи должны стараться жить не навлекая на себя гнев со стороны окружающих народов. Согласно законам Торы евреям не следует отдавать свои силы решению общественных и государственных проблем той страны, где они живут”. Надо стараться отстраниться от этих проблем и уж, во всяком случае, не быть в числе активных бойцов. Мы знаем, что, руководствуясь таким принципом, мудрецы уклонились от ответа Ахашверошу, который просил у них совета, как наказать его супругу Вашти за непослушание. Они рассудили следующим образом: “Если мы признаем публично, что она виновна, то царь впоследствии сможет обвинить нас в ее смерти. Если же мы объявим ее невиновной, он направит свой гнев на евреев за то, что они его не уважают”. Поэтому они ответили: “С тех пор, как разрушен Храм, мы не обладаем мудростью, необходимой для того, чтобы являться судьями в вопросах жизни и смерти. Обратись к своим советникам из Аммона и Моава”. Так написано в трактате “Мегила”

Соблюдая эти законы, евреи сохранили в изгнании свою веру, культуру и традиции.

Ń ōāāēāī ēāī

Đūāāī Ēīm àèēīâ Áōōāđā

Дорогие друзья!

Письмо Иосифа Керпеля показалось мне замечательным. В нем он подверг несколько завуалированной критике ряд крупных бизнесменов-олигархов и владельцев средств массовой информации, ведущих антигосударственную (клеветническую, криминальную и т.п.) деятельность. К сожалению, эти люди принадлежат к нашему народу, в связи с чем возникают некоторые законные и логичные вопросы. Постараюсь дать на них свои, с моей точки зрения, разумные ответы.

Должны ли евреи, инженеры, служащие, рабочие, нести ответственность за кучку зарвавшихся “жирных котов” в верхах, выгораживать их, делать недоступными для критики только на том основании, что эти господа — тоже евреи? Разумеется, нет! Гражданину должно быть все равно, кто его обманывает и обкрадывает, какой национальности эксплуататор. Но если это еврей, то пострадавший от него испытывает не только чувство протеста, но и ущемление национальной гордости. Именно это и является одной из основных причин такого уродливого явления, как национализм.

В нашем городе, Вологде, живут разные люди — и жулики, и хорошие, честные люди. Это касается и русских, и евреев. Только судят порой так: если украл Иванов, то

вор Иванов, если Рабинович — украли жида! С этим ничего не поделаешь. И оттого, что евреи станут выгораживать “своих” (?), антисемитизм не исчезнет, скорее, наоборот, разовьется. Не это поднимает рейтинг нашей нации в глазах подавляющей части населения нашей страны, России. Это и наша вместе с русскими, татарами, калмыками, дагестанцами и другими народами общая страна. Здесь мы живем, а значит, и мыслить, и поступать должны в соответствии с интересами этой страны — по-государственному, честно и прямо. Только это и станет свидетельством наших чистых помыслов. Я не собираюсь быть врагом русскому брату по классу, не буду я и другом жулику и негодяю любой национальности.

Те, кто не понимает этого, только играют на руку новоявленным черносотенцам и неонацистам, создают возможность антиеврейских настроений, от которых будут страдать отнюдь не богачи, а простые люди.

Надеюсь, что высказал свои мысли достаточно доступно.

Νόσσηαί εαί

Αί οίί Όβέεί, Αί έίάα

Уважаемая редакция!

Принимая ваше предложение обсудить письмо И. Керпеля, хочу мотивировать свое согласие с ним.

Я согласен совсем не потому, что ощущаю ущербность евреев в решении серьезных государственных проблем. Наоборот, успехи Государства Израиль за 51 год его существования в неблагоприятных геополитических условиях, при отсутствии природных богатств, на крошечной территории подтверждают способности евреев и даже талант в этой области.

Но менталитет народов стран бывшего СССР да и многих других стран не создают условий для перспективной работы евреев на высоких государственных должностях.

Как показывает история, подобные “эксперименты” заканчивались трагически. Это подтверждается и приведенными в романах Фейхтвангера примерами, и многими современными случаями.

Вам, москвичам, ближе случай Бориса Березовского, нам, на Украине, — Ефима Звягильского.

В предвыборную президентскую кампанию 94-го года тогда еще кандидат в президенты Леонид Кучма попросил у и.о. премьер-министра Звягильского поддержку, не предусмотренную законом. Звягильский отказал. Кучма ему этого не простил. Звягильскому предъявили обвинения в продаже высокооктанового авиагорючего по бросовым ценам. Несмотря на то, что Звягильский, являясь депутатом Верховной Рады, пользовался неприкосновенностью, ничто не могло гарантировать его от “случайной смерти в СИЗО от сердечной недостаточности”. Он предпочел бежать в Израиль. Туда к нему приехала специальная комиссия Рады во главе с депутатом Степаном Хмарой, которой Звягильский заявил о своей уверенности в надуманности обвинений и

предоставил документальное подтверждение этому. Лишь после гарантии со стороны депутатов он смог вернуться в Киев и занять свое место в Верховной Раде.

Нам, одесситам, еще ближе случай с экс-мэром ярко антикоммунистической ориентации Эдуардом Гурвицем. В 1994 году в ходе очень жестких выборов в соревновании с основным конкурентом Алексеем Костусевым, бывшим преподавателем научного коммунизма, Гурвиц выиграл с небольшим преимуществом в 4 тысячи голосов. За три с половиной года руководства городом он сделал для Одессы больше, чем все предыдущие председатели горсовета за 70 лет. Была построена новая, соответствующая европейским стандартам трасса, соединившая центр с самым большим и труднодоступным “спальным” районом города, реконструированы четыре важнейших путепровода и мосты, преобразился центр, организована действенная социальная служба.

Город получил самый высокий международный рейтинг во всей Украине и был объявлен наиболее благоприятным для иностранных инвестиций. Был выпущен муниципальный заем, обеспечивавший строительство коммунальных объектов, способных дать городу немедленный доход, — многоэтажных паркингов, фуникулера и др.

По трем номинациям Гурвиц был объявлен “человеком 1996 года”. И, главное, благодаря напряженной работе мэра и его команды единомышленников, их настойчивости, был заложен фундамент для дальнейшего развития города.

Но, несмотря на все это, а может быть, даже благодаря этому, Гурвиц приобрел лютого врага в лице председателя областной госадминистрации, бывшего первого секретаря одесского обкома партии Руслана Боделана.

К выборам мэра 29 марта 1998 года популярность Гурвица была необыкновенно высокой. Накал борьбы начался задолго до официальных предвыборных кампаний. Все началось с провокационного заказного убийства редактора оппозиционной Гурвицу газеты “Вечерняя Одесса” Бориса Деревянко. Было ясно, что убийство совершено с целью бросить тень на Гурвица. Чувствуя, что губернаторское кресло под ним шатается, Боделан решает выставить свою кандидатуру на должность мэра. Используются все средства. На Гурвица совершаются два очень серьезных покушения, похищены два его самых квалифицированных помощника, судьба которых до сих пор неизвестна. Производится серия провокаций, а накануне выборов делается попытка вообще исключить из бюллетеней его имя. Тем не менее Гурвиц выигрывает выборы, у него 51%, у Боделана — 35%. За Гурвица отдали свои голоса на 70 тысяч избирателей больше, чем за его противника.

После всего этого президент Украины Кучма своим указом объявляет выборы недействительными, назначает новые, к которым Гурвиц не допускается.

В настоящее время Европейский суд в Страсбурге завершает рассмотрение иска Гурвица о нарушении его конституционного права быть избранным. Похоже, вердикт будет в его пользу, но можно усомниться в том, что он будет восстановлен в должности.

Я все это так подробно описал, так как считаю, что эти истории являются блестящей иллюстрацией к поднятой Иосифом Керпелем проблеме. Если наш соплеменник ощущает потребность и возможность занять высокую политическую или общественную должность, ему следует репатриироваться в Израиль и там попробовать

себя. Уж точно ему не придется читать в газетах, что он пытается превратить свой город в пригород Хайфы...

Î.Îëóí è, Îääííä

(Î î ïðííää äàòíðà ï èííü î îíäíèíäí îíäíäí èí îí).

От редакции

*Ê íäñòíÿíäí ó ääáí äí è íäí è îíäééíäíú ï èííü ä, èíòíðüä äíðäæäðò
íäíäá î íäíèä íäèèð èíððäííäíäíòíä îí îíäíäó íäééèäòèè Èííèòà Èäííäéÿ. Ä
ïðíèèí îíí ääá ÿòí äúèí ï èííü î, îíæääðüäá äí îíçèèèð. Èäè äèäèòä íúíäóíÿÿ
ííäáíðèää ðíòíèò èç ï èíäí ääèííí úèèäíèèèä Èäííäéÿ. Îäíäéí äèíèóííèÿ îí ÿòí ó
“äðÿ:äí ó” äíðííòíäí è íäçäèðüòä, î ú æäáí ääèèð ï èííü.*

1 — 95 лет со дня рождения писателя, автора повести “Окраина”, пьес “Вздор”, “Третья скорость”, “Сыновья”, “Честность” и др. Константина Яковлевича Финна (наст. фамилия Финн-Хальфин; 1904 — 1975, Москва).

2 — 105 лет со дня рождения советского государственного, партийного и военного деятеля, комиссара первого ранга, начальника политуправления РККА, зам. наркома обороны и зам. пред. РВС СССР, члена ВЦИК, ЦИК СССР Яна (Якова) Борисовича Гамарника (1894, Житомир — 1937, покончил с собой в Москве).

3 — 75 лет со дня смерти писателя, автора романов “Америка”, “Процесс”, “Замок”, сборника “Наблюдение”, рассказов “Приговор”, “Кочегар”, “Превращение”, “В исправительной колонии” и др. Франца Кафки (1883, Прага — 1924, Кирлинг, Австрия, похоронен в Праге).

95 лет со дня рождения оперного певца, кантора, лирико-драматического тенора, солиста радио в Нью-Йорке, одного из ведущих солистов “Метрополитен-опера”, первого исполнителя главных партий в операх Б. Бриттена, главной роли в мюзикле “Скрипач на крыше”, партии Альфреда в “Травиате”, основателя английской оперной труппы и фестиваля в Олтборро, президента объединенного общества музыкантов, автора автобиографии “Путь певца” Жана Пирса (наст. имя и фамилия Яков-Пинхас Перельмут; 1904 — 1984, Нью-Йорк).

120 лет со дня смерти общественного и политического деятеля, финансового агента России, главы еврейской общины Лондона, председателя ряда общественных и благотворительных учреждений, отдавшего более 10% своих громадных доходов на благотворительность, первого еврея — члена палаты общин Англии, на протяжении 10 лет не принимавшего участие в заседаниях парламента из-за отказа произнести присягу со словами: “Как истинный христианин”, добившегося изменения ее формы на: “Да поможет мне Гашем” с покрытием головы, барона Лионеля-Натана де Ротшильда (1808 — 1879, Лондон).

90 лет со дня рождения киноактрисы, засл. артистки РСФСР, снимавшейся в фильмах “Бабы рязанские”, “Тихий Дон”, “Ее путь”, “Иуда”, “Любовь и ненависть”, “Вражьи тропы”, “Бабы”, “Майская ночь”, “Две матери” и др. Эммы Владимировны Цесарской (1919, Екатеринослав — 1990, Москва).

4 — 95 лет со дня рождения актера Ленинградского театра сатиры, Ленинградского мюзик-холла, руководителя фронтового театра миниатюр во время войны, народного артиста РСФСР, снявшегося в фильмах “Мужество”, “Лев Гурыч Синичкин”, “Москва на Гудзоне” и др. Александра Давидовича Бенямина (1904, Грозный — 1992, Нью-Йорк).

95 лет со дня рождения сценариста, писателя, публициста, автора сценариев фильмов “Операция в Северной Атлантике”, “Сама мысль о вас”, «Отель “Берлин”», “Умная женщина” и др., романов “Жизнь в глуши”, “Символ”, “Антиамериканцы”, сборников “Люди в бою” и “Инквизиция в раю” Алвы Бесси (1904 — 1985, Нью-Йорк).

110 лет со дня рождения геофизика, профессора геофизики Калифорнийского института технологий, автора трудов по сейсмичности, строению земли и атмосферы, теоретического обоснования шкалы магнитуд землетрясений (шкалы Рихтера) Бено Гутенберга (1889 — Дармштадт, Германия — 1960, Лос Анджелес).

80 лет со дня рождения оперного певца, баритона, солиста “Метрополитен-опера”, исполнителя арий Амонастра в “Аиде”, Эскамило в “Кармен”, Фигаро в “Севильский цирюльник”, старшего Жермона в “Травиате”, Яго в “Отелло”, Риголетто в “Риголетто” и др., ведущего радиопередач Роберта Меррилла (наст. имя и фамилия Мойше Мильштейн (Миллер); р. 1919, Нью-Йорк).

120 лет со дня рождения актрисы, снимавшейся в американских фильмах “Разоблачение”, “Мадонна с улиц”, “Дама с камелиями”, “Саломея”, “Заза”, “Побег”, “В наше время” и др. Аллы Александровны Назимовой (1879, Россия — 1945, США).

5 — 75 лет со дня рождения военного и политического деятеля Израиля, президента страны Эзера Вейцмана (р. 1924, Тель-Авив).

120 лет со дня рождения бизнесмена, филантропа, основателя Лондонского филармонического оркестра, фонда “Детские концерты”, автора автобиографии “Мои первые сто лет”, написанной к своему столетию, отмеченному гала-концертом Королевы Великобритании (на следующий год он женился), сэра Роберта Майера (1879, Франкфурт — 1985, Лондон).

145 лет со дня рождения живописца, педагога, основателя витебской школы рисования и живописи, из которой вышли Шагал, Цадкин, Лисицкий, Мещанинов, Юдовин, Мильчин и др., автора полотен “Письмо из Америки”, “Развод”, “За газетой”, “Часовщик”, “Субботний ужин”, “Толкователь Талмуда”, “Старуха с книгой”, “Швея” и др. Иегуды (Юдея) Моисеевича (Мовшевеча) Пэна (Пена) (1854, Новоалександровск Ковенской губ. — 1937, убит в Витебске).

6 — 80 лет со дня рождения писателя, автора повестей “Степные курганы”, “О чем молчат камни”, “Проездом”, “До свидания, мальчики”, в 1968 году подписавшего коллективное письмо против суда над Гинзбургом и Галансковым, Бориса Исааковича Балтера (1919, Самарканд — 1974, Москва).

90 лет со дня рождения философа, литературоведа и политолога, первого секретаря британского посольства в США в 1942—1945 годах, второго секретаря британского посольства в СССР в 1945—1946 годах, поддерживавшего дружеские отношения с Б. Пастернаком, А. Ахматовой, посвятившей ему ряд своих произведений, первого президента колледжа Вольфсона в Оксфорде, президента Британской академии, одного из идеологов либерального подхода к общественно-политическим проблемам, автора работ “Карл Маркс”, “Еж и лиса”, “Историческая неизбежность”, “Век просвещения”, “Две концепции свободы”, “Четыре эссе о свободе”, “Русские мыслители”, “Против течения”, “Личные впечатления”, “Искривленное древо человечества: главы из истории идей” и др., кавалера британского ордена “За заслуги”, премии Иерусалима, профессора сэра Исаяи Берлина (1909, Рига — 1997, Лондон).

95 лет со дня рождения актрисы Московского театра сатиры, московского театра им. Ленинского комсомола, народной артистки СССР, исполнительницы ролей Кукушкиной в “Доходном месте”, Марселины в “Женитьбе Фигаро”, Кураж в “Мамаше Кураж и ее детях”, мадам Ксидиас в “Интервенции”, Берты в “Поминальной молитве”, снимавшейся в фильмах “Свадьба с приданным”, “Солдат Иван Бровкин”, “Два капитана”, “Деревенский детектив” и др., лауреата Государственной премии Татьяны Ивановны Пельтцер (1904 — 1992, Москва).

55 лет со дня рождения джазового пианиста, педагога, композитора, заслуженного артиста РСФСР, организатора концертов “Джаз плюс джаз”, зав. кафедрой музыкального искусства эстрады Российской академии музыки им. Гнесиных, автора “Практического курса джазовой импровизации для фортепиано” и др. учебных пособий Игоря Михайловича Бриля (р. 1944, Москва).

10 — 55 лет со дня рождения джазового мультиинструменталиста, композитора, руководителя ансамбля Всесоюзного гастрольно-концертного объединения в Ленинграде в 1963 — 1964 годах, пианиста оркестра Эдди Рознера, основателя джаз-группы, автора концертных обзорных программ “Пианисты джаза”, “Бибоп”, “Гершвин и его время”, “Дюк Эллингтон” и др. Давида Семеновича Голощекина (р. 1944, Москва).

90 лет со дня смерти писателя, автора романа на идише “Разбитое сердце”, пьес “Еврейский король Лир”, “Миреле Эфрос”, “Резня” и др., переводчика на идиш пьес из русской и мировой драматургии Якова Михайловича Гордина (1853, Миргород Полтавской губ. — 1909, Нью-Йорк).

11 — 65 лет со дня смерти психолога, педагога, профессора, создателя научной школы, исследователя закономерности восприятия литературных произведений, автора культурно-исторической теории развития поведения и психики, раскрывшей социальную природу становления человеческого сознания, разработчика периодизации возрастного развития ребенка с выделением этапов формирования мышления и речи, создателя нового направления в дефектологии Льва Семеновича Выготского (1896, Орша — 1934, Москва).

20 лет со дня смерти лингвиста, автора учебников “Идиш для взрослых”, “Идиш. Фонетика, лексика и грамматика”, монографического обзора языка идиш в четырехтомнике “Языки народов СССР”, очерка “О языке идиш” в “Русско-еврейском (идиш) словаре”, цикла уроков идиша, опубликованных в журнале “Советиш геймланд”, и др., члена Еврейского антифашистского комитета, главного редактора издательства “Дер эмес” Ильи Марковича Фальковича (1898, Гомель — 1979, Москва).

12 — 100 лет со дня рождения биохимика, члена Национальной АН США, Лондонского Королевского общества и ряда других академий, профессора Гарвардского университета, ведущего биохимика рокфеллеровского института, автора трудов по обмену веществ и энергии в клетке, биосинтезу белков, активации сульфгидрильных групп, выделившего и исследовавшего кофермент А, лауреата Нобелевской премии по медицине и физиологии за 1953 год совм. с Х.А. Кребсом Фрица Альберта Липманна (1899, Кенигсберг — 1986, Поуджипси (Poughkeepsie), США).

30 лет со дня рождения “звезды” Национальной хоккейной лиги США Мэтью Шнайдера (р. 1969, Нью-Йорк).

13 — 95 лет со дня рождения народного артиста РСФСР, дирижера и педагога, солиста оркестра и дирижера в оперных театрах Одессы, Нижнего Новгорода, Тифлиса, Саратова, главного дирижера и художественного руководителя оперных театров в Самаре, Алма-Ате, Свердловске, главного дирижера саратовского Театра оперы и балета, профессора Саратовской консерватории, лауреата Государственной премии СССР Ниссона Адольфовича Шкаровского (1904, Одесса — 1964, Москва).

14 — 80 лет со дня рождения театрального и киноактера, режиссера, продюсера спектакля “Война и мир” в Сиднейском оперном театре, воссоздателя шекспировского театра “Глоб” в Лондоне, день рождения которого празднуется как день создателя театра, Сэма Уанамакера (1919, Чикаго — 1993, Лондон).

60 лет со дня смерти поэта, переводчика и литературоведа, автора сборников “Счастливый домик”, “Путем зерна”, “Тяжелая лира”, литературно-исторических исследований “Статьи о русской поэзии”, “Поэтическое хозяйство Пушкина”, “Державин”, “О Пушкине”, книги воспоминаний “Некрополь”, переводов из польской, французской, еврейской поэзии, в частности сборника “Из еврейской поэзии”, Владислава Фелициановича Ходасевича (1886, Москва — 1939, Париж).

15 — 95 лет со дня рождения писателя, главного редактора журнала “Пионер” в 1933 — 1938 годах, автора повестей “Выстрел”, “Моя знакомая”, “Мальчишка”, “Четыре товарища” и др. Бенямина Абрамовича Ивантера (1904, Вильно — 1942, погиб на фронте).

85 лет со дня рождения художника, карикатуриста журнала “The New Yorker”, “короля смешного рисунка” Саула Стейнберга (наст. фамилия Джекобсон; 1914, Римницу-Сарат, Румыния — 1999, Нью-Йорк).

16 — 55 лет со дня расстрела историка, профессора экономической истории в Сорбонне, автора трудов по аграрной истории Франции, западно-европейскому феодализму, книги “Апология истории”, основателя и редактора журнала “Анналы”, одного из руководителей подпольного антифашистского движения патриотов в Лионе, Марка Блока (1886, Лион — 1944, расстрелян под Лионом).

17 — 15 лет со дня смерти композитора, засл. деятеля искусств РСФСР, народного артиста РСФСР, автора оперы “Капитанская дочка”, оперетты “Взаимная любовь”, симфонических и хоровых сюит, музыки к радиопостановкам, кинофильмам, песен “Как у дуба старого”, “Два Максима”, “Сирень цветет”, “Сядь со мною рядом”, “Здравствуй, столица” и др., лауреата Государственной премии Сигизмунда Абрамовича Каца (1908, Вена — 1984, Москва).

45 лет со дня смерти кинооператора, снявшего фильмы “Бесприданница”, “Семиклассники”, “Лермонтов”, “Новые похождения Швейка”, “Здравствуй, Москва”, “Повесть о настоящем человеке”, “Заговор обреченных”, “Верные друзья”, “Вихри враждебные” и др., лауреата двух Государственных премий Марка Павловича Магидсона (1901, Ростов-на-Дону — 1954, Москва).

18 — 70 лет со дня рождения писателя, автора повестей “Я смотрю на звезды”, “Личная жизнь”, трилогии “Свечи на ветру”, романов “И нет рабам рая”, “Козленок на два гроша”, статьи “Еврейская ромашка” и других произведений Григория (Якова) Кановича (р. 1929, Каунас).

90 лет со дня рождения писателя-сатирика, драматурга, режиссера, руководителя Московского театра миниатюр, автора пьес “Зигзаги любви”, “Моя хата”, эстрадных миниатюр для А.И. Райкина (“Откровенно говоря”, “Любовь и коварство”, “Вокруг света в 80 дней” и др.), сценария фильма “Мы с вами где-то встречались”, спектаклей “Итак, мы начинаем”, “Итак, мы продолжаем” Владимира Соломоновича Полякова (1909, Петербург — 1977, Москва).

20 — 70 лет со дня рождения магната, входящего в список “Форбса” богатейших людей мира, “ликерного короля”, владельца компании “Сиграм”, президента Всемирного Еврейского Конгресса Эдгара Бронфмана (р. 1929, Монреаль).

21 — 180 лет со дня рождения композитора, одного из основоположников классической оперетты, штатного композитора и дирижера театра “Комеди Франсез”, основателя, директора, композитора, режиссера и дирижера театра музыкальных миниатюр “Буфф-Паризьен”, дирижера театра “Де ла Гэтэ”, автора оперетт “Орфей в аду”, “Прекрасная Елена”, “Синяя борода”, “Парижская жизнь”, “Перикола”, “Дочь тамбур-мажора” и др., романтической оперы “Сказки Гофмана” Жака Оффенбаха (наст. имя и фамилия Яков Эбершт; 1819, Кельн — 1880, Париж).

22 — 90 лет со дня рождения продюсера и режиссера фильма “Вокруг света в 80 дней”, автора сценария фильма “Оклахома” Майка Годда (наст. имя и фамилия Авроом-Гирш Гольдбоген; 1909, Миннеаполис, США — 1958, погиб в авиакатастрофе).

55 лет со дня смерти певца, тенора, солиста императорского Мариинского театра, исполнителя ведущих партий в операх “Пиковая дама”, “Тангейзер”, “Паяцы”, “Дубровский”, “Жидовка”, “Евгений Онегин”, “Демон” и др., засл. артиста РСФСР Александра Михайловича Давыдова (наст. имя и фамилия Моисей Левенсон; 1872 — 1944).

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза командира десантного отряда морской пехоты, майора Цезаря Львовича Куникова (1909, Ростов-на-Дону — 1943, Геленджик, похоронен в Новороссийске).

55 лет со дня гибели Героя Советского Союза майора Моисея Фроимовича Шварцмана (1911, с. Курники Тывровского р-на Винницкой обл. — 1944, пос. Бешенковичи Витебской обл.).

25 — 75 лет со дня рождения режиссера, семикратно признанного Гильдией режиссеров США “лучшим продюсером”, фильмы которого номинированы пятьюдесятью премиями “Оскар”, постановщика фильмов “Двенадцать разгневанных мужчин”, “Из породы беглецов”, “Вид с моста”, “Долгое путешествие дня в ночь”, “Чайка” (по А.П. Чехову), “Обида”, “Эквус”, “Система безопасности”, “Ростовщик”, “Холм”, “Магнитные ленты Андерсена”, “Убийство в Восточном экспрессе”, “Собачий полдень”, “Телесеть”, “Волшебник”, “Принц города”, “Вердикт”, “Смертельная ловушка”, “Даниэль” (премия фестиваля в Карлови-Вари за творчество в целом), “Чужой среди нас” и др. Сидни Люмета (Ламета) (р. 1924, Филадельфия).

110 лет со дня рождения писателя и социолога, председателя Лиги американских писателей, автора романов “Лишний человек”, “Рахаб”, “Смерть и рождение Дэвида Маркенда”, “Жених грядет”, “Захватчики” и др., сборников “Заря над Россией”, “В американских джунглях” Уолдо Дейвида Франка (1889, Лонг-Бич, США — 1967, Труро, США).

26 — 95 лет со дня рождения актера, снимавшегося в фильмах “Пробуждение весны”, “М”, “Сверху вниз”, “Человек, который слишком много знал”, “Секретный агент”, “Сумасшедшая любовь”, “Преступление и наказание”, “Мальтийский сокол”, “Касабланка”, “Мышь и старое кружево”, “20 тысяч лье под водой”, “Вокруг света в 80 дней”, “Козел отпущения”, “Потерянный” и др. Петера Лорре (наст. имя и фамилия Ласло Левенштейн; 1904, Розахеги, Венгрия — 1964, Лос-Анджелес).

40 лет со дня смерти математика, доктора физико-математических наук, профессора, автора трудов в области теории функций, функционального анализа, методики преподавания математики, учебников “Основы математического анализа” и “Курс дифференциального и интегрального исчисления” Григория Михайловича Фихтенгольца (1888, Одесса — 1959, Ленинград).

27 — 130 лет со дня рождения журналистки, политического деятеля, сторонницы анархистского движения, основательницы и редактора журнала “Мать Земля”, автора книг “Анархизм”, “Мое разочарование Россией”, “Мое дальнейшее разочарование Россией”, “Живя своей жизнью” Эммы Голдман (1869, Ковно — 1940, Торонто).

28 — 180 лет со дня рождения певицы и танцовщицы, представительницы романтического балета, первой исполнительницы партии Жизель, исполнительницы ведущих партий в балетах “Гентская красавица”, “Пери”, “Пахита”, сольных партий в

дивертисментах в операх “Дон Жуан”, “Жидовка”, “Буря” Карлотты Гризи (1819, Визинада, Италия — 1899, Сен-Жан, Швейцария).

105 лет со дня рождения ректора Высших мастерских театрального искусства, режиссера театра Революции в Москве, лауреата двух Государственных премий СССР, засл. деятеля искусств РСФСР, народного артиста РСФСР, постановщика первых полнометражных игровых фильмов “Бухта смерти” и “Предатели”, фильмов “Третья мещанская”, “Привидение, которое не возвращается”, “Нашествие”, “Гранатовый браслет”, “Цветы запоздалые”, “Преждевременный человек” и др. Абрама Матвеевича Роома (1894, Вильно — 1976, Москва).

29 — 100 лет со дня рождения промышленника, владельца крупнейшей энергетической компании “Чайна лайт & паувер” и сети гостиниц в Китае, советника британского кабинета министров, автора сельскохозяйственных проектов, инициатора строительства сети медицинских учреждений на британских “новых территориях”, участника процесса сближения Гонконга с Китаем, первого пэра Англии, рожденного в Гонконге, лорда Лауренса Кадури (1899 — 1993, Гонконг).

30 — 40 лет со дня смерти композитора, дирижера, музыковеда, одного из основателей лиги композиторов США, автора музыкально-сценических и программных симфонических произведений на основе сюжетов из Танаха, оперы-балета “Видения Ариэля”, балета “Жалобы Рахили”, кантаты “Царь Саул” и др., антологии духовных и обрядовых еврейских песен, работ “О еврейской музыке”, “Музыка гетто и Библии” и др. Лазаря (Элиэзера) Семеновича Саминского (1882, Валегоцулово Одесского уезда Херсонской губ. — 1959, Порт-Честер, США).

15 лет со дня смерти писательницы, автора пьес “Настанет день”, “Лисички” (премия “Оскар” за лучший сценарий), “Стража на Рейне”, “Порыв ветра”, “Осенний сад”,

“Игрушки на чердаке” и др., автобиографических романов “Незавершенная женщина”, “Может быть” и “Подлые времена”, исследователя, переводчика и редактора произведений Антона Чехова на английском языке Лиллиан Хелман (1905, Новый Орлеан — 1984, Мартас-Вайнъярд, США).